

ВАСИЛИЙ
ЮКСЕРН

АТАМАНЫЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

ВАСИЛИЙ ЮКСЕРН

АТАМАНЫЧ

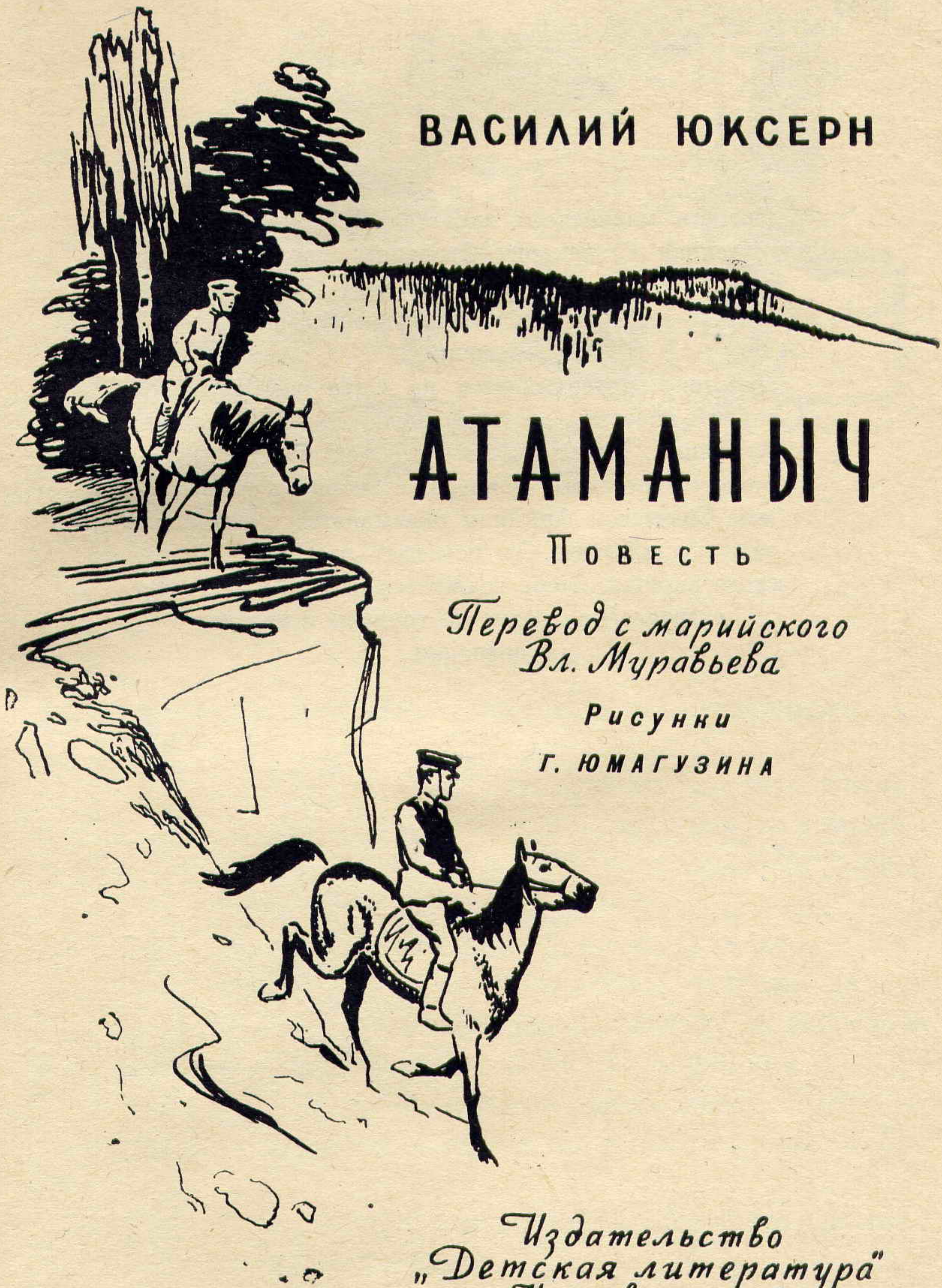
П О В Е С Т Ъ

*Перевод с марийского
Вл. Муравьева*

Рисунки

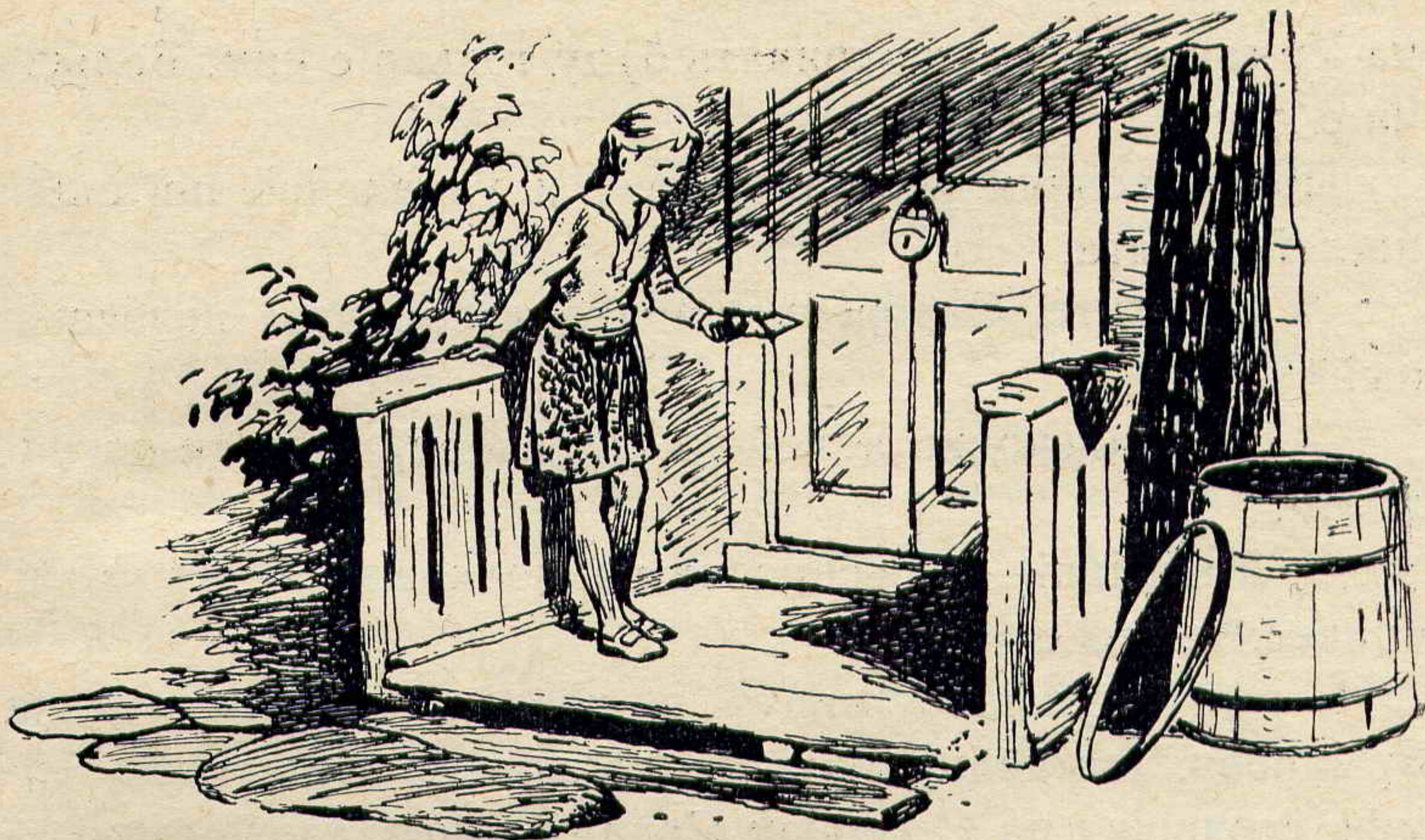
Г. ЮМАГУЗИНА

*Издательство
"Детская литература"
Москва · 1966*

Повесть марийского писателя Василия Юксерна (Василий Степанович Столяров) рассказывает о заключительном этапе Великой Отечественной войны — разгроме советскими войсками японской военщины.

Действие разворачивается на Сахалине. Главный герой повести, четырнадцатилетний Миша — Атаманыч, сын погибшего в боях против гитлеровцев советского офицера, становится разведчиком Советской Армии и оказывается участником важных событий. Он помогает задержать японского шпиона, смело сражается, вместе с бойцами разведвзвода ходит на трудные и опасные операции...

Глава первая

ПОЛКОВОЙ ПАТРУЛЬ ЗАДЕРЖАЛ НЕИЗВЕСТНОГО

Молодой лейтенант поправил ремень, одернул гимнастерку и негромко постучал в плотно прикрытую, крашенную масляной краской дверь кабинета командира полка.

— Войдите, — слышалось в ответ.

Лейтенант толкнул дверь и переступил порог.

— Товарищ подполковник, полковой патруль задержал неизвестного! — доложил он сидевшему за столом и читавшему какие-то бумаги пожилому офицеру.

— Отведите задержанного к начальнику штаба, — распорядился подполковник, не поднимая головы от бумаг.

Лейтенант козырнул, но не ушел. Немного помявшись, он смущенно добавил:

— Мы хотели было доставить его к начальнику штаба, а он не идет. «Я, говорит, хочу видеть подполковни-

ка Урманова и разговаривать буду только с ним. Больше ни с кем».

Подполковник поднял голову и удивленно поглядел на лейтенанта.

— Скажите, Сидоренко, а кто такой этот неизвестный?

— Да мальчонка какой-то лет четырнадцати-пятнадцати.

— Мальчик?—переспросил подполковник.—Ну что ж, приведите его сюда.

Через несколько минут в кабинет подполковника Урманова, командира одного из полков Советской Армии, стоявших на Северном Сахалине недалеко от государственной границы, вошел задержанный полковым патрулем неизвестный.

Это был невысокий русоголовый парнишка в белой рубашке и холщовых брюках. Он еще не остыл от недавнего спора: на его щеках горел румянец, а в голубых глазах светилось торжество.

Подполковник с любопытством разглядывал мальчика.

Парнишка переступил с ноги на ногу, потом вытянулся, как по команде «смирно», и срывающимся мальчишеским голосом отчеканил:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

Подполковник чуть улыбнулся и кивнул головой:

— Обратитесь.

Подполковник Урманов производил впечатление человека сурового: черные густые брови, сдвинутые на переносице, глубоко посаженные блестящие черные глаза, пристальный, пронизывающий взгляд. Но, уловив улыбку в его взгляде, мальчик вдруг тоже улыбнулся и, шмыгнув носом, заговорил совсем не по-военному:

— Вы не ругайте меня, товарищ начальник... Мне очень к вам надо...

— Ладно, ладно, не буду ругать,— засмеялся Урманов.— Но кто ты, откуда? Как ты сюда попал?

Попасть в штаб действительно было нелегко. Кругом дремучие, непроходимые леса, глубокие овраги, высокие каменистые горы, топкие болота. Здесь редко можно встретить штатского человека. Да и не положено тут ходить посторонним: государственная граница всего в трех километрах.

Слова подполковника, а еще больше тон, каким они были сказаны, приободрили мальчика, и он вздохнул с облегчением:

— Я из Онора. Из села Онор. Фамилия моя Ковальчук, Миша Ковальчук. А еще ребята зовут меня Атаманычем.

— Атаманычем? Как же понимать это прозвище?

Миша смутился и опустил глаза.

В эту минуту загудел «зуммер» полевого телефона, и Урманов снял трубку.

— Да, я слушаю.

Миша не слышал, что говорил подполковник, он напряженно думал, что бы ответить Урманову, и ничего не мог придумать.

Тем временем подполковник кончил разговор, положил трубку на рычаг и снова повернулся к мальчику:

— Ну что же ты молчишь? Может быть, это тайна?

— Что — тайна?

— Почему товарищи прозвали тебя Атаманычем.

— Да нет... не тайна... Просто, когда мы с ребятами играли в войну или в казаки-разбойники, они меня всегда атаманом выбирали... Вот и прозвали так...

— Понятно,— сказал подполковник.— Ну, а как же ты сюда дорогу нашел?

— Мы на Октябрьские праздники к вам с концертом самодеятельности приезжали, когда я еще в пятом классе учился. Помните?

— Это же было года два назад! И ты с тех пор дорогу запомнил?

— Чего ж тут такого? Конечно, запомнил.

— Так. Ну, о чем же ты сейчас со мной собираешься разговаривать?

— Товарищ подполковник, возьмите меня в армию... Мне очень надо... Я хочу мстить фашистам...

— Вот оно что... Но ведь ты же еще очень мал.

— Товарищ подполковник, я не маленький... У меня рост такой... Мне уже пятнадцатый год!

— Что же ты будешь делать в армии?

— Все, что прикажут. Как Александр Полетаев.

— Кто?

— Александр Полетаев — пионер из Ленинграда. Про него в «Пионерской правде» писали. У него в блокаду родители погибли, а он пошел на фронт. Был разведчиком: в тыл к фашистам ходил.

— Но ведь это было на Западе, — пристально глядя на Мишу, задумчиво проговорил подполковник, — там идет война, а у нас тут, на Востоке, никакой войны нет.

— Войны нет, а враги есть. Самураи — такие же фашисты.

— Да, ты правильно говоришь: самураи не лучше фашистов... А стрелять ты умеешь?

— Умею! — радостно воскликнул Миша. — Я по стрельбе из мелкокалиберной в нашей школе первое место занял. В прошлом году Кировский райсовет Осоавиахима меня даже почетной грамотой наградил. Она у меня тут, с собой...

Миша сунул руку в карман, потом в другой, потом растерянно пошарил за пазухой и, взглянув на подполковника, залился краской.

— Вот растяпа, дома оставил... — пробормотал он. — Все время с собой носил, а тут забыл, дурная голова!..

Мальчик был смущен и огорчен.

— Ладно, Атаманыч, не горюй,— сказал подполковник.— Мы и без грамоты сможем проверить, как ты стреляешь. Ты мне вот что скажи: есть хочешь?

— Нет, не хочу... Я обедал...— тихо ответил мальчик и покраснел еще больше.

— Когда же ты обедал, вчера? — улыбнулся Урманов.

Миша ничего не ответил. По правде сказать, он и вчера не обедал, и вообще уже сутки ничего не ел. Подполковник все понял и так.

— Сейчас прежде всего мы тебя накормим,— сказал он Мише.

— А в армию возьмете?

— Такое дело сразу не решишь,— ответил подполковник.— Тут подумать надо, посоветоваться. Кроме того, ведь тебе учиться надо. Ты, как я понимаю, седьмой класс кончил?

— Седьмой.

— Ну вот. Тебе же дальше надо учиться. А потом, что твои родители скажут? Небось с отцом-матерью не посоветовался?

— У меня никого нет,— тихо проговорил Миша.— Отец на фронте погиб, а мать умерла... Отец у меня был танкист, майор... Весной мы от него получили последнее письмо. Он писал, что немцы бегут во все лопатки, так бегут, что за ними поспевать трудно. А потом от него долго не было писем, и уж осенью пришло извещение...— На глазах у Миши показались слезы, но он, тяжело вздохнув, продолжал еще тише: — Мать тогда в больнице лежала... Она и раньше часто болела, а тут совсем слегла... и умерла...

Миша всхлипнул. Теперь слезы текли у него по щекам, и он не мог их сдерживать.

Подполковник глубоко вздохнул. Из окна кабинета открывался красивый вид. Был вечер. Заходящее

солнце золотило вершины далеких сопок. Но Урманов не замечал ни солнца, ни сопок, ни всей этой красоты. Он быстро подошел к мальчику и прижал его голову к своей груди:

— Ладно, успокойся, Атаманыч... Слезами горю не поможешь... И помни: герои не плачут. Сейчас ты пойдешь пообедаешь, а вечером мы еще поговорим с тобой.

Подполковник нажал кнопку звонка. В кабинет вошел молодой лейтенант.

— Товарищ Сидоренко, — приказал подполковник, — проводите мальчика в столовую и скажите, чтобы его накормили.

— Есть! — ответил лейтенант.

Когда мальчик с лейтенантом вышли, подполковник снова сел за стол. Он читал лежавшее перед ним донесение, но мысли его были далеко.

...Перед войной Урманов служил в Белоруссии. В мае сорок первого года его перевели в другой военный округ, он выехал к месту назначения, а семья осталась пока в Минске — жена и сын Юрик... Потом началась война, и вот уже четвертый год, как подполковник ничего не знал об их судьбе. Может быть, они погибли, может быть, успели уйти на восток... А может быть, его Юра пришел в какую-нибудь воинскую часть, как этот Атаманыч?

Подполковник вызвал начальника штаба и дал ему указание связаться с Онорским сельсоветом и запросить справку о Мише Ковальчуке.

Глава вторая

В ОНОРЕ

В Оноре Миши Ковальчука хватились не сразу. На другой день, после того как он ушел из села, с районного сбора пионервожатых возвратилась домой Мишина одноклассница Нина Светлова.

Они с Мишей дружили, и поэтому Нину удивило, что он не вышел ее встретить и даже не пришел узнать про сбор.

Сначала Нина немного обиделась, но потом забеспокоилась, уж не заболел ли он.

Когда Нина подошла к Мишиному дому, то первое, что бросилось ей в глаза, был большой замок на дверях и заложенный за накладку листок белой бумаги.

Нина достала из-за наклейки листок и развернула его.

Это была коротенькая записка: «Не ищите меня. Прощайте. Миша Ковальчук — Атаманыч».

У Нины дрогнула рука, тревожно забилося сердце. Она смотрела то на замок, то на записку.

«Что же случилось? Куда делся Миша? И почему он написал «прощайте»?»

Нина давно уже заметила, что Миша в последнее время стал какой-то странный, всех сторонится и о чем-то все время думает.

А Миша действительно переживал трудные дни.

Шли летние каникулы; онорские ребята ходили в походы, с утра до вечера пропадали на реке, иногда устраивали концерты самодеятельности в клубе.

Раньше во всех этих затеях Миша был первым заводилой, но после гибели отца и смерти матери он очень переменился. Теперь ему часто хотелось остаться одному. Он одиноко бродил по лесу или уходил на берег Онорки, садился на большой прибрежный камень и подолгу смотрел в стремительно мчащуюся мимо него воду.

Все соседи принимали близко к сердцу судьбу осиротевшего мальчика. Одни считали, что лучше всего ему устроиться в детдом, другие звали жить к себе. И мать Нины, тетя Наташа, тоже говорила не раз: «Поживи, Миша, у нас. Хотя бы до окончания школы, а там видно будет».

Но Миша не мог себе представить, как он будет из школы после уроков возвращаться не домой и его будет встречать не мама, а кто-то другой... И от этих мыслей ему становилось еще грустнее.

В книгах, газетах Миша часто читал о мальчиках — его ровесниках, воюющих в рядах Советской Армии, героических бойцах, отважных разведчиках. Прочел он и про ленинградца Александра Полетаева... Вот тогда-то и зародилась у него мысль добратся до подполковника Урманова, упросить командира полка, чтобы он взял его в армию.

С каждым днем намерение Миши крепло все более и более.

В Оноре у него было много друзей, но самым близким другом была Нина — с ней он делился своими мыслями и планами. А об этом своем замысле он не сказал даже ей.

Нина стояла перед запертой дверью с запиской в руке и растерянно переводила взгляд с записки на замок. Потом, зажав записку в кулаке, побежала домой.

— Нина, что с тобой? — встретила ее мать встревоженным вопросом.

— Миша... Атаманыч... — дрожащим голосом ответила Нина.

— Что с ним? Что случилось?

Нина протянула матери записку.

Тетя Наташа пробежала глазами по строчкам раз, другой и пристально поглядела на дочь.

— А тебе он ничего не говорил?

— Нет. Он последнее время почему-то прятался от всех и что-то скрывал. И от меня тоже...

Тетя Наташа тихо охнула и еще раз прочитала коротенькую записку.

— «Прощайте»... — задумчиво повторила она. — Что же это значит?.. Неужели?..

Дрожащими руками тетя Наташа свернула записку и быстро сказала дочери:

— Нина, я пойду в сельсовет, а ты собери ребят, и пройдитеесь по тем местам, где чаще всего бывал Миша. Да расспроси всех, может быть, кто-нибудь что-нибудь знает.

Первым делом Нина побежала к Ване Крутикову, с которым Миша недавно ездил в Александровск к Ваниному дяде.

Но Ваня тоже ничего не знал.

До позднего вечера ребята бродили по берегу Онорки, по лесу, звали Мишу и, лишь когда уже стало совсем темно, грустные и расстроенные вернулись домой.

Глава третья

ПИСЬМО ИЗ ОНОРА

Вторую неделю Миша жил в полку.

За это время из Онорского сельсовета пришла справка, подтверждавшая все то, что он рассказал о себе, а Урманов до сих пор не решил, как быть с мальчиком.

«Конечно, лучше всего было бы определить его в какой-нибудь детский дом,— размышлял подполковник.— Но парнишка, видать, отчаянный — недаром его прозвали Атаманычем,— не станет он жить в детдоме, непременно сбежит... Может, и правда лучше оставить его в полку? Но все это не так-то просто. Мало ли что вбил себе в голову мальчишка! Ему служба в армии представляется, конечно, в розовом свете: стоит одеть военную форму, как на другой же день начнешь совершать подвиги и получать ордена и медали...»

Урманов несколько раз вызывал к себе Мишу, подолгу беседовал с ним, объяснял, что воинская служба не игра, а тяжелый труд, требующий от человека напряже-

ния всех его сил, крепкого здоровья, выносливости, смелости, уж не говоря о том, что военный должен много знать, должен долго и упорно учиться.

— А вот я читал...— попытался возразить Миша во время одного такого разговора.

— В том-то и дело, что только читал,— не дал ему закончить Урманов.— А я не только читал, я на собственном горбу все это испытал.

— Вот и я хочу испытать на собственном горбу!

Урманов засмеялся, ласково похлопал Мишу по спине.

— Иди-ка лучше спать,— сказал он.— Поздно уже, в другой раз поговорим.

Миша ушел грустный и взволнованный. Он до сих пор не знал: оставят его в полку или нет. А время идет, уже конец августа, скоро начнутся занятия в школе...

На другой день Урманов, разбирая полученную почту, обнаружил среди служебных писем «штатское» письмо, адресованное лично ему.

Подполковник надорвал конверт и стал читать:

Уважаемый товарищ Урманов!

С настоящим письмом к Вам обращается директор средней школы села Онор. Вы, надо полагать, догадываетесь, что побуждает меня писать Вам. Нам сообщили из сельсовета, что Вы наводите справки о Мише Ковальчуке, ученике нашей школы. Прежде всего мы, конечно, обрадовались, узнав, что Миша жив, здоров и находится в надежном месте.

Однако то, что Вы прислали в сельсовет запрос, наводит на мысль, что Миша хочет остаться у Вас. И вот в связи с этим мне и хотелось бы с Вами поговорить.

Желание Миши представляется мне вполне оправданным. Несколько месяцев тому назад он лишился отца, а затем и матери. Оставаться в Оноре у чужих людей ему тяжело: здесь все напоминает ему о счастливой жизни в

родной семье. Я знал его родителей, это были простые и сердечные люди. Они сумели привить своему сыну любовь к Родине, чувство долга, а также воспитать в нем смелость, решительность и предприимчивость. Ребята признавали его авторитет и прозвали его Атаманычем.

Мы хотели определить Мишу в детский дом или поселить у кого-нибудь из близких ему людей. Но если говорить откровенно, то лучше всего было бы Мише переменить обстановку. С этой точки зрения он поступил правильно, обратившись к Вам.

Но, с другой стороны, возникает вопрос: есть ли у Миши данные, чтобы стать военным. Он много читает, и, очень возможно, его решение пойти в армию созрело под влиянием книг. Может случиться, что он скоро остынет и будет жалеть об опрометчивом шаге, который сделал по присущей ему горячности.

Нужно учесть и то, что он не закончил школу и ему нужно продолжать учебу.

Очень прошу Вас, товарищ Урманов, взвесить все обстоятельства и сообщить мне о Вашем решении.

Что касается нас, то мы всегда будем рады принять Мишу и проявить о нем должную заботу.

Уважающий Вас Н. А. Вершинин.

Урманов дважды перечитал письмо и вечером приказал вызвать к нему Ковальчука.

Штаб полка находился на склоне сопки Скалистой. Ночью, когда его ярко освещенные окна сияли золотом среди непроглядной тьмы, он казался сказочным кораблем, стоящим на причале в тихой бухте.

Миша подошел к подножию сопки, посмотрел наверх и подумал: «Осилю без отдыха или нет?» Он вздохнул поглубже и начал подниматься по узкой тропе.

Урманов ждал Мишу в своем кабинете.

«Сегодня надо решить, наконец, что с ним делать. Мальчишка небось совсем извелся... Директор Онорской школы, конечно, прав: Мише тяжело оставаться в Оноре и постоянно чувствовать свое одиночество. Ведь на такого впечатлительного мальчика усиленное внимание и забота могут произвести обратное действие, он еще острее почувствует свое сиротство... Но директор прав и в другом: парнишке надо учиться...»

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Урманов.

— Товарищ подполковник, Ковальчук явился по вашему приказанию, — четко отрапортовал Миша.

— Вот и хорошо, — отозвался Урманов. — Проходи, садись.

Миша ждал, когда заговорит подполковник. Но тот молчал, задумчиво глядя на мальчика. Миша не выдержал:

— Товарищ подполковник, разрешите сказать?

— Говори, говори...

— Знаете, — торопливо заговорил Миша, — я сейчас поднялся на Скалистую одним махом, без передышки! А до сих пор никак не мог осилить ее сразу. Если лейтенант Сидоренко и дальше будет заниматься со мной физкультурой, то через два-три месяца я смогу забираться без отдыха на самый хребет Камышовой гряды!

Урманов смотрел в задорно сверкающие мальчишечьи глаза и думал: «Кто знает, может, и правда из него со временем выйдет отличный офицер?..»

— Значит, Миша, тебе у нас понравилось? — наконец заговорил он.

— Товарищ подполковник! — Миша вскочил. — Да я...

— Ладно. Все понятно, — остановил его Урманов. — Но, видишь ли, в чем дело... Из Онорской школы пришло письмо от директора... Там беспокоятся о тебе... Директор пишет, что тебе нужно учиться.

Лицо мальчика помрачнело. Он вспомнил Онор, школу, свой пустой, заколоченный дом...

— Что же мы теперь ответим директору? — спросил Урманов.

— Товарищ подполковник, — тихо проговорил Миша, — не отсылайте меня в Онор...

На глаза Миши навернулись слезы. Он закусил губу и сделал над собой отчаянное усилие, чтобы не заплакать. Урманов ждал, пока он справится с собой, и думал: «Да, вернуться в деревню его теперь не уговоришь. Ну ладно, пусть поживет пока в полку, а потом его можно будет переправить на Большую землю, определить в суворовское училище. Попадет в училище уже «бывалым солдатом», это будет совсем неплохо!»

— Вот что, Атаманыч, — сказал Урманов, вставая из-за стола и подходя к Мише, — ты останешься в полку. Я только хочу тебя предупредить: у нас тут всяко бывает. Здесь граница. Ты будешь, как и все наши солдаты, физкультурой заниматься, учиться верховой езде. Придется тебе и в разведку ходить, и на посту стоять. Так что помни: назвался груздем — полезай в кузов! Одних пряников не обещаю, иной раз придется и сухую корочку глотать. Понял?

— Так точно, товарищ подполковник, понял! — радостно воскликнул Миша.

— Ну ладно, Миша Ковальчук, быть тебе солдатом. Пойдешь в разведвзвод лейтенанта Остапова.

— Служу Советскому Союзу! — весело отозвался Миша.

Так началась для Атаманыча военная служба.

В пошивочной мастерской ему подогнали по росту форму, в каптерке подобрали по размеру сапоги; он вместе с бойцами разведвзвода стал заниматься строевой подготовкой и обучаться всему, что положено знать солдату.

ОЛЕНЬ

Стоял теплый сентябрьский вечер.

После ужина Миша вышел из казармы. Короткая тропинка вывела его на открытую поляну, с которой открывался широкий вид на окрестности.

Большой багрово-красный диск солнца медленно склонился к темным вершинам Камышовой гряды, и от этого хребет казался еще выше, как будто он поднял плечи. Легкий ветер чуть шевелил тронутую осенней позолотой листву.

Миша лег на траву, закинул руки за голову и стал смотреть в небо.

Быстро темнело. Над оврагом дымчатым облаком расстилался туман. И вот из-за высоких лиственниц выплыла ярко-желтая полная луна.

Вдруг слышались чьи-то шаги. Миша приподнялся.

По тропе шли двое. Миша их сразу узнал: один из них был лейтенант Сидоренко, адъютант Урманова, второй — капитан Некрасов, заместитель командира полка.

Они поднялись на сопку и свернули в сторону границы.

— Товарищ лейтенант! — окликнул Миша Сидоренко. Офицеры оглянулись.

— Атаманыч? — удивился лейтенант. — Ты что тут делаешь?

— Беги в казарму, скоро отбой, — сказал Некрасов.

— А вы куда идете?

— Куда? На кудыкину гору, — отшутился капитан.

— Возьмите меня с собой! — попросил Миша, умоляюще глядя то на Сидоренко, то на Некрасова.

Капитан Некрасов первый сжалился над Мишей.

— Ладно, Сидоренко, возьмем его, пусть приучается. Беги, Атаманыч, к старшине, скажи, что я разрешил тебе

пойти с нами в обход,— сказал Некрасов.— Живо! Мы тебя здесь подождем.

Миша со всех ног бросился в казарму. Когда он вернулся, капитан ему сказал:

— Главное, Ксвальчук, давай сразу договоримся: не самовольничать. Без команды — никуда! Понятно?

— Понятно, товарищ капитан! — ответил Миша, а про себя подумал: «Вот здорово: наконец-то я своими глазами увижу границу!»

Они долго петляли по еле заметным тропкам. Наконец шедший впереди капитан Некрасов остановился и подал рукой предупреждающий знак: «Внимание! Тихо!»

— Отсюда до границы всего метров триста будет,— вполголоса сказал Сидоренко.— Ты это, Атаманыч, учти...

Вокруг все было спокойно, но вдруг со стороны оврага донесся хруст сухой ветки. Все насторожились, повернули головы в сторону шороха. Но сколько ни прислушивались, ничего больше не услышали.

— Наверное, где-то гнездо свалилось,— прошептал Миша.

Ему никто не ответил.

— Товарищ лейтенант, а где наши часовые стоят? — чуть слышно спросил Миша.

— На границе,— так же тихо ответил Сидоренко.

— Почему же их не видно?

— А зачем тебе их видеть? Они тебя видят — и ладно...

— А если шпион пойдет?..

— Ты вот что,— оборвал Мишу Сидоренко,— оставь свои детские вопросы при себе. Наблюдай и слушай.

Некрасов подал знак, и все трое поползли вниз по склону.

Луна выглянула из-за тучи, в овраге стало светло. Но вот опять наплыла туча, снова потемнело. Шорох повторился, в овраге мелькнула какая-то тень.

Миша хотел сказать Сидоренко про тень, он повернул голову и увидел, что Сидоренко и Некрасов, напряженно всматриваясь в темноту оврага, словно приросли к земле.

«Значит, тоже заметили»,— решил он и еще плотнее прижался к земле.

Теперь уже отчетливо была видна не спеша приближавшаяся к ним черная фигура.

Некрасов негромко рассмеялся:

— Да ведь это же олень! Вот бродяга, шатается тут по ночам.

Офицеры привстали, за ними вскочил и Миша. Олень, должно быть заметив их, испуганно отскочил в сторону и затаился в кустах.

— Послушай-ка, Сидоренко,— задумчиво проговорил капитан,— а тебя не удивляет, что олень подошел к нам так близко? Ведь он должен был бы почуять человека издали...

— Правда, странно,— отозвался лейтенант.

— Атаманыч, останешься тут!— приказал Некрасов.— А мы попробуем подойти к этому оленю поближе. Ты, Сидоренко, обойдешь кусты справа, я слева.

Некрасов и Сидоренко разошлись в разные стороны. Миша остался лежать на месте.

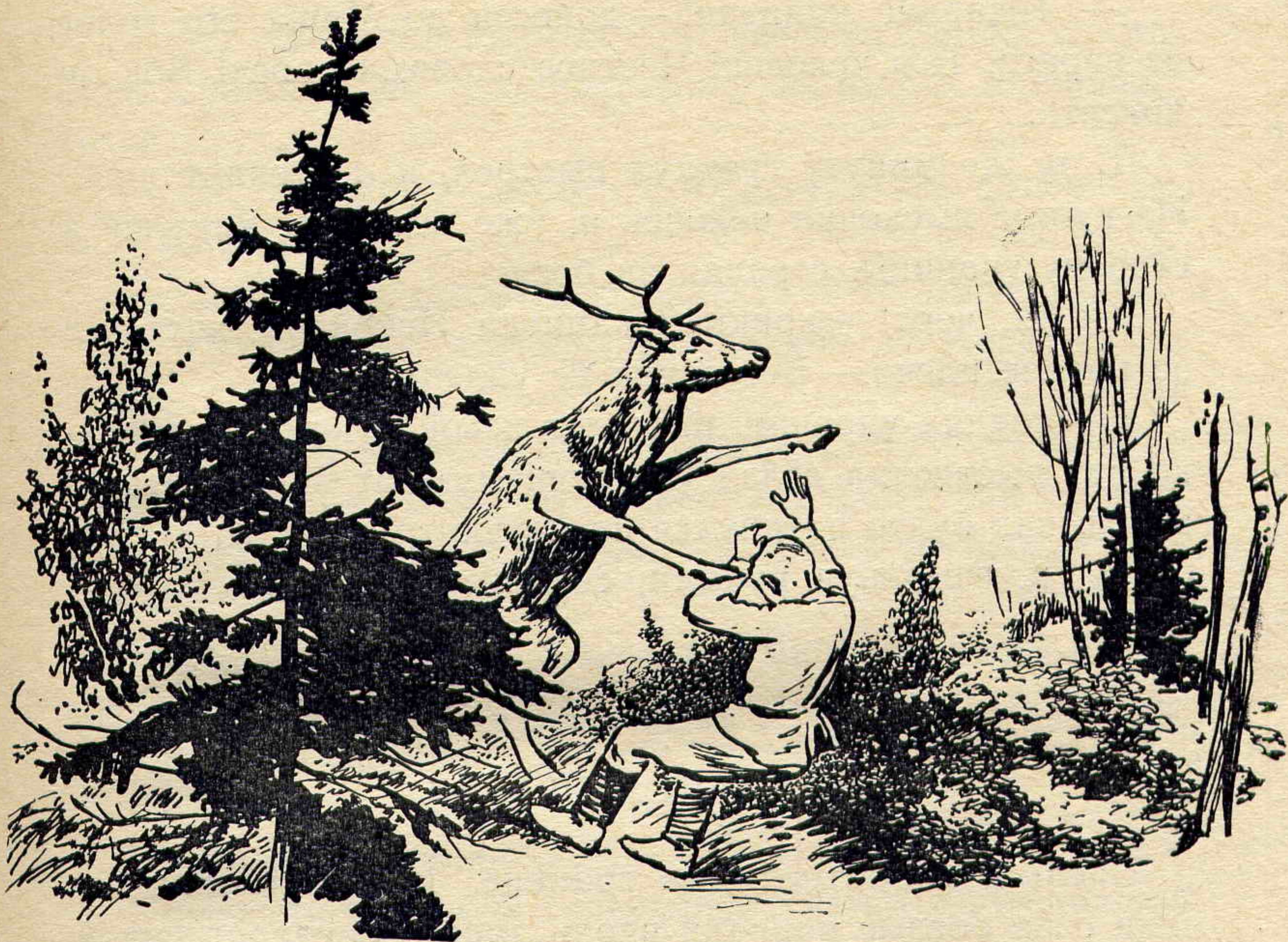
Прошло немного времени, и вдруг олень снова появился из кустов. Должно быть не замечая Миши, он шел прямо на него. Вот он уже совсем рядом.

«Да он, наверное, ручной!»,— подумал Миша и, вскочив на ноги, шагнул навстречу оленю, широко расставив руки и приговаривая:

— Ну, иди, иди сюда... Не бойся...

Олень сначала отпрянул, а потом поднялся на дыбы, и сильный удар крепкого оленьего копыта обрушился на Мишину голову.

— Ой! — только успел крикнуть мальчик и, потеряв

сознание, рухнул на землю. А олень как-то неуклюже заковылял обратно в кусты.

Первым на крик мальчика прибежал Сидоренко. Он наклонился над Мишей и крикнул Некрасову:

— Товарищ капитан, бегите за оленем!

Миша открыл глаза и сел, держась за голову. Перед глазами плавали зеленые и красные круги.

— Жив? — спросил лейтенант.

— Жив...

Тут опять показалась луна, и в ее свете было хорошо видно, как шевелятся низкие кусты, как будто по ним кто-то ползет. Но разве может олень на своих высоких ногах ползти по земле?

— Сиди тут! — крикнул Сидоренко Мише и, выхватив из кобуры пистолет, бросился к кустам.

— Товарищ капитан! — донесся до Миши его голос из оврага. Там человек! Честное слово, человек! Вон он ползет!..

В ту же минуту грохнул выстрел, и лейтенант упал. Из кустов выскочил человек и, уже не таясь, кинулся в сторону границы, стреляя на бегу.

— Ах, черт! — крикнул капитан Некрасов, хватаясь за правое плечо.— Все равно не уйдешь!

Он поднял упавший пистолет левой рукой и несколько раз выстрелил вслед убегающему. Тот вдруг остановился, как будто наткнулся на какую-то невидимую преграду, и, взмахнув руками, свалился вниз лицом.

Глава пятая

СЕРЖАНТ КАНДАЛИН

Заслышав выстрелы на границе, подразделения заняли свои боевые порядки вдоль линии государственной границы. То здесь, то там раздавался еле слышный хруст сухих веток, шуршание увядшей травы и осенних листьев под ногами. Но вскоре все стихло.

Из-под тяжелых разлапистых ветвей старой ели в сторону границы смотрел «максим». Минуты проходили в томительном ожидании.

Здесь была огневая позиция пулеметного расчета сержанта Кандалина.

— Наверное, какой-нибудь незваный гость хотел перейти границу,— напряженно вглядываясь в темноту, сказал помощник наводчика Логинов.

— Небось перешел,— отозвался Кандалин.— Иначе кто бы стал на границе стрелять... Ну, ребята, ша! Сейчас лишнее слово — делу вред.

Они долго лежали безмолвно и неподвижно. Время перевалило за полночь.

Вдруг Кандалин вздрогнул от неожиданности: со стороны границы до него явственно донеслось шуршание сухой травы.

— Эй, Логинов,— шепотом окликнул он пулеметчика,— слышишь?

— Так точно, товарищ сержант, кто-то ползет сюда...

— Оставайся у пулемета. Ивайков и Калинин за мной.

Подождав, когда луна спрячется за тучу, Кандалин с двумя бойцами осторожно двинулся навстречу шороху. Теперь уже слышался не только шорох, а и чье-то тяжелое, прерывистое дыхание.

Когда снова выглянула луна, Кандалин и его бойцы увидели недалеко от себя двух человек. Один из них тащил другого на спине, видимо раненого.

Кандалин вскочил на ноги и крикнул:

— Стой! Кто такие?

Но вместо ответа он услышал только стон. Тащивший раненого зашатался и упал.

Кандалин только разглядел, что оба человека были в советской офицерской форме.

На востоке показалась узкая светлая полоска рассвета. Она быстро расширялась, над землей поднялся густой белый туман.

Солдаты, взвалив раненых на плечи, по тропке, протоптанной оленями, которых много водится в этих местах, оттащили их за позиции.

Но вот туман стал рассеиваться, оставив на траве капельки росы. Теперь на сопках четко обозначились высокие стройные ели. Они были в росе от нижних веток до верхушек — казалось, что кто-то осыпал их серебристым бисером.

Прошло немного времени, из-за сопки сверкнули первые лучи солнца, и сразу все ожило, зазеленело, засияло.

Вдруг Кандалин воскликнул:

— Ивайков, постой-ка! Ты погляди, кого несешь? Никак, японец? А другой-то заместитель командира полка капитан Некрасов...

Бойцы опустили раненых на землю.

— Калинин, сбегай в овражек, принеси воды! — приказал сержант одному солдату и наклонился над японцем. В карманах японца он нашел только компас и топографическую карту.

Лоб японца под ежиком черных коротких волос был бледен, ноздри широкого приплюснутого носа при каждом вдохе раздувались, из-под верхней губы виднелись длинные зубы.

— Ну и рожа! — сказал Кандалин, отходя от японца. Того гляди, в горло вцепится...

Принесенной Калининным водой сержант осторожно обмыл лицо Некрасова. Пуля прошла навывлет от правой щеки под нижнюю челюсть. Вторая рана, в плече, тоже сочилась кровью. Кандалин достал индивидуальный пакет, наложил тампоны на раны капитана. Тампоны сразу же намокли кровью. Сержант покачал головой.

— Ивайков, — сказал он, — доложишь обо всем командиру роты и передашь ему вот это. — Он протянул автоматчику карту и компас, найденные у японца. — А ты, Калинин, быстро в роту за носилками.

Бойцы ушли. Кандалин сел возле Некрасова.

Японец лежал с закрытыми глазами и не подавал признаков жизни.

Меж тем совсем рассвело. Сержант то и дело поглядывал на часы. «Тихо-то как! — думал он. — Кругом спокойно, словно ничего и не произошло сегодня ночью...»

Но эта тишина была обманчива. На самом деле, все подразделения Хандасинского участка в это самое время находились на своих боевых порядках и зорко следили за границей. Отбоя боевой тревоги еще не было: ведь ни-

кто не знал, что нарушитель границы пойман и сейчас лежит на оленьей тропе под охраной сержанта Кандалина рядом с истекающим кровью капитаном Некрасовым...

В это время японец пошевелился и застонал.

«Вот мразь! — в сердцах подумал сержант. — Четвертый год война идет, а тут отсиживайся, карауль вас, чертей!»

Кандалину, как и многим бойцам на Дальнем Востоке, казалось обидным, что война проходит без их участия. Но в то же время было совершенно очевидно, что они отсиживаются здесь не зря. Подобно сейсмографу, записывающему колебания почвы, происходящие за многие тысячи километров, дальневосточная граница отмечала ход войны: стоило гитлеровцам на фронте одержать хоть мало-мальский успех, как японцы нагнали и устраивали вылазки на границе, если же фашисты терпели поражение, то и японцы поджимали хвосты.

Снова послышался стон. На этот раз стонал капитан. Он открыл глаза и пошевелил губами, видимо, он пытался что-то сказать.

— Что, товарищ капитан? Что? — наклонился над ним Кандалин.

— Шкура... Оленья шкура... Там... — Капитан обессиленно умолк.

На тропе показался Калинин. За ним шли несколько бойцов, врач и старший лейтенант, командир роты.

Врач осмотрел Некрасова.

— В санчасть, немедленно! — приказал он.

Потом он наклонился над японцем.

— Жив? — спросил старший лейтенант.

— Да. Должно быть, он потерял много крови.

— Его надо доставить в штаб! — приказал командир роты.

Врач сделал японцу перевязку, и бойцы унесли его, уложив на носилки.

— Товарищ старший лейтенант,— обратился Кандалин к командиру роты,— разрешите прочесать то место, где мы обнаружили капитана Некрасова и японца. Капитан только что говорил о какой-то оленьей шкуре...

— Об оленьей шкуре? — удивился ротный.

— Да, я это ясно расслышал. Может, бредил, а может...

— Тогда вот что, сержант, бери с собой двух автоматчиков и действуй.

— Слушаюсь, товарищ старший лейтенант!

Через несколько минут Кандалин с двумя автоматчиками скрылся в чаще леса.

Глава шестая

ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

В десяти километрах от границы на берегу реки Хандасы расположен полицейский пограничный пост японцев.

Тревожно было в эту ночь на посту. Ночь миновала, но волнение не улеглось.

В кабинете начальника разведгруппы поста шло экстренно созванное совещание. Начальник разведгруппы, пожилой долговязый капитан, склонившись над столом, водил карандашом по разложенной на столе карте и давал пояснения другим офицерам, следившим за движением карандаша:

— Хиросита перешел границу вот в этом месте. Что было дальше, нам неизвестно. Выстрелы, которые мы слышали ночью, наводят на мысль, что Хиросита был обнаружен.

Один из офицеров откинулся на спинку стула и, поправив очки на носу, воскликнул:

— Вот уж этого я никак не ожидал! Хиросита—опыт-

ный разведчик. К тому же его великолепная идея с оленем...

— Идея, может быть, хороша, — отозвался капитан, — но одной идеи недостаточно, надо суметь провести ее в жизнь... А вот этого-то, судя по всему, Хиросите и не удалось. Теперь, господа, нам надо наметить план дальнейших действий.

В эту минуту под окном раздался вой автомобильной сирены. Этот звук был хорошо знаком офицерам поста Хандаса. Все бросились к окну.

Из легковой машины вылезал толстый японец. Повернувшись лицом к востоку, он отвесил глубокий поклон и только после этого направился к двери штаба.

Это был начальник бригадной разведки майор Икеда. Получив донесение о ночном происшествии, он немедленно прикатил на пост.

Выслушав доклад начальника разведгруппы, майор швырнул на стол белые перчатки и мизинцем расправил короткие усики.

— Безобразие! — процедил он сквозь зубы. — Разведчики! Такой провал!

Капитан стоял перед ним навтыяжку и молчал.

— Каковы были задачи Хироситы? — спросил Икеда. — Те же, что и прошлый раз?

— Так точно, господин майор! Перейти государственную границу, в городе Александровске встретиться с Миасуда, получить у него все собранные материалы и на обратном пути по возможности проверить правильность данных о расположении русских войск на границе.

— Что у него было с собой?

— Компас, топографическая карта и оружие.

— Та-ак, — протянул Икеда. — Надеюсь, что Хиросита поведет себя достойным образом и не нарушит священных традиций самураев. Я хочу верить, что он готов пожертвовать жизнью...

— Я тоже так думаю,— ответил капитан.— Хиросита — человек надежный. Во всяком случае, русские вряд ли добьются от него каких-либо сведений.

— Ну, а что вы намерены предпринять дальше? — спросил Икеда.

— Надо направить к Миасуда в Александровск другого человека.

— Да, но как вы переправите его через границу?

— Об этом мы подумаем, господин майор.

— «Подумаем»! — передразнил майор.— Думать вы мастера! А выполнять задуманное вами, как видно, придется приглашать человека из Токио.

— Нет-нет, господин майор! — замахал руками капитан.— Мы сами справимся! Будьте уверены, господин майор!

— Ну хорошо,— проворчал Икеда.— Подождем, не подаст ли о себе вестей Хиросита. Завтра позвоните мне и доложите о ваших дальнейших планах. Майор Сунига у себя?

— Господин начальник полицейского поста уехал осматривать доты, расположенные у Камышового хребта.

— Тогда прикажите оседлать мне коня. Я тоже поеду на границу.

Капитан побежал выполнять приказание, а Икеда подошел к окну и скучающим взглядом стал смотреть на улицу.

Глава седьмая

А ТУТ ЕЩЕ ЭТА ОЛЕНЬЯ ШКУРА...

Денек сегодня обещал быть великолепным. На Сахалине таких не по-осеннему теплых дней «бабьего лета» бывает немного — всего пять-шесть в конце сентября. Но уж зато в такие дни смотришь вокруг и не нарадуешь-

ся, — небо синее-синее, а воздух прозрачный и чистый, как ключевая вода.

Кандалин с двумя бойцами медленно полз в высокой сухой траве. Хорошо бы привстать, вздохнуть всей грудью, осмотреться по сторонам, но нельзя: граница!

Вдруг Кандалин заметил недалеко от кустарника человека. Он лежал лицом вверх и не шевелился. Сержант осторожно подполз поближе.

В траве лежал мальчик в красноармейской форме. Казалось, он спал.

Кандалин тронул мальчика рукой. Тот не пошевелился. Тогда он толкнул его сильнее. Мальчик мотнул головой, открыл глаза и удивленно уставился на сержанта.

— Ты кто такой? — спросил Кандалин.

«А вы кто?» — хотел спросить Миша, но тут вспомнил, что видел этого сержанта в штабе полка. Ему запомнился этот немолодой высокий и широкоплечий человек с открытым, немного скуластым лицом, запомнилась его белозубая улыбка и добродушный взгляд светло-голубых глаз.

— А я вас знаю, товарищ сержант, — сказал Миша. — Недели три тому назад вы дежурили у нас в штабе полка.

— Ну, допустим... А ты-то кто такой?

— Я из разведвзвода, Миша Ковальчук.

— А-а, слышал, слышал. Атаманыч, значит. Как же ты, Атаманыч, сюда попал?

Миша потрогал голову. Голова нестерпимо болела.

— Я сюда с капитаном Некрасовым и лейтенантом Сидоренко пришел. Они меня с собой в обход взяли. Тут олень вышел — и в кусты. Они говорят: «Лежи тут», а сами к оленю... Но олень из кустов выбрался — и прямо ко мне. Я думал, он ручной, хотел его погладить. А он как-как стукнул меня по голове!

«Интересно! — подумал Кандалин. — Капитан что-то

такое говорил про оленью шкуру. Мальчишка тоже про оленя толкует. Неужели из-за оленя стрельба поднялась? Но откуда же тогда взялся японец?»

— Послушай-ка, Атаманыч, а не было ли возле оленя человека? Может, верхом ехал, а?

— Нет, человека я не видел.

— Да-а, брат, дела-а! Интересно поглядеть, что это за олень. В какую хоть сторону он побежал-то?

— Не знаю. Как он меня стукнул, я и с ног долой. Товарищ сержант, где Некрасов и Сидоренко?

— Некрасов ранен, его в санчасть понесли... А Сидоренко с ним не было... Ты оставайся тут, а мы Сидоренко поищем. Отсюда ни на шаг, понял? Замаскируйся и жди, когда за тобой вернемся.

Миша остался один. Он долго лежал, настороженно прислушиваясь и приглядываясь, но кругом было тихо.

«Капитана ранили, Сидоренко тоже, может быть, где-нибудь в кустах кровью обливается,— думал Миша.— Надо бы кусты прочесать, а не на травке валяться...»

Он полежал еще немного, потом решил: «Пойду-ка я вслед за сержантом. В конце концов, не все ли равно, где мы встретимся — здесь или чуть ближе к границе? Я их живо догоню».

Миша, пригибаясь и прячась за кустами, двинулся вперед. Впереди он увидел широкую просеку, далеко уходившую вправо и влево.

«Что это за дорога? — подумал он, но тут же догадался: — Да ведь это же граница!»

А в это время Кандалин с бойцами, устав от бесплодных поисков лейтенанта Сидоренко, присели отдохнуть под высокой пихтой.

— Пить хочется,— сказал один боец.— Да и есть тоже...

— Разве у тебя во фляге нет воды? — спросил Кандалин.

— Давно всю выпил,— ответил боец, облизав сухие губы.

Сержант протянул ему свою фляжку:

— Пей. А вот насчет еды потерпеть придется...

Боец припал к фляжке.

— Всю не пей,— остановил его сержант,— может, Сидоренко понадобится...

Но лейтенанту воды не понадобилось: они нашли его невдалеке от пихты, в неглубокой ложбинке...

Сняв пилотки, опустив головы, солдаты несколько минут в молчании постояли над убитым.

— Прощай, товарищ,— негромко сказал Кандалин и повернулся к бойцам: — Вот что, ребята, вы возьмите лейтенанта, а я прихвачу мальчика, и мы вас догоним.

Пригнувшись, сержант почти побежал к месту, где он оставил Атаманыча.

«Заждался небось малец»,— думал он, настороженно поглядывая по сторонам.

Вот и небольшая лужайка, покрытая папоротником и разнотравьем, вот и высокая разлапистая — с ветками до самой земли — ель, под которой он оставил мальчика. Но Атаманыча не было видно.

«Молодец, хорошо замаскировался»,— подумал Кандалин и тихонько позвал:

— Миша! Атаманыч!

Никто не откликнулся.

Сержант обошел вокруг ели и снова позвал, уже тревожно:

— Атаманыч! Ковальчук! Где же ты?..

В лесу стояла нерушимая тишина...

...Вдруг Миша почувствовал, что очень устал. «Немножко отдохну и двинусь дальше»,— подумал он, опустил голову, закрыл глаза и словно покатился куда-то вниз.

Когда он снова открыл глаза, то первым делом испугался. «Кажется, я заснул,— думал он.— Что же мне те-

перь делать? Надо выбираться отсюда поскорее. Ох и попадет мне теперь от сержанта! Небось искал меня, где условились... Не надо было уходить оттуда...»

Миша пошел обратно, все еще чувствуя головокружение и слабость во всем теле. Ему часто приходилось останавливаться, чтобы перевести дух.

Во время одной из таких остановок он понял, что место, где он сейчас лежит, ему знакомо.

«Да ведь здесь-то и бегал ночью олень!» — вспомнил он и тут заметил под кустом какой-то сверток.

Он нагнулся: «Ого, да ведь это оленья шкура! Ноги с копытами, голова с рогами, и даже глаза вставлены — все честь по чести, как будто приготовлена для чучела. Только как она очутилась в лесу на границе?»

По животу шкуры шел длинный разрез. Мальчик заглянул внутрь. Вот это да! Изнутри шкура была обтянута шелком. И несколько кармашков пришито. Да-а, тут что-то не так.

Миша свернул шкуру, перетянул ее своим ремнем и взвалил на спину. Шкура оказалась довольно тяжелой, идти стало труднее.

«Ничего, Атаманыч, — подбадривал себя Миша. — Главное — не раскисать и не хныкать. Ведь ты теперь солдат...»

Он шел, покачиваясь под тяжестью своей ноши.

Вдруг до него донеслось негромкое:

— А-аныч!

«Меня ищут!» — обрадовался Миша и крикнул:

— Ау-у!

Он прислушался, но крик не повторился, и тогда он испугался и закричал что было силы:

— Эй, сюда! Сюда-а! Ау-у!

— Перестань орать! — вдруг услышал он почти над ухом сердитый голос. Возле него стоял сержант Кандалин...

— Товарищ сержант! — обрадовался Миша.

Но лицо Кандалина, обычно такое приветливое и добродушное, сейчас было усталым и строгим.

— А ты, оказывается, непутевый парень, — укоризненно сказал он. — Целый час тебя ищу. Где тебя черти носят?

Миша вспыхнул и потупился:

— Я... я хотел... догнать вас...

— Мало ли что ты хотел! — перебил его сержант. — Тебе было приказано оставаться на месте. И ты не имел права нарушить приказ! Ты солдат или кто?

Миша готов был провалиться сквозь землю от стыда. Он то краснел, то бледнел, а сержант продолжал:

— Придется теперь подать на тебя рапорт твоему командиру. Нарушение приказа, и все такое... Кто у тебя командир-то?

— Лейтенант Остапов, — пряча взгляд, ответил Миша.

Ему тут же представилось, как нахмурится командир разведвзвода Остапов, как посуровеет его лицо; и он скажет:

«А я хотел сделать из тебя настоящего разведчика».

Миша с такой тоской посмотрел на Кандалина, что того, видимо, тронуло явное раскаяние мальчика.

— Ну ладно, — уже другим тоном сказал он. — Принимая во внимание, что ты почти сутки провел в походе, можно сказать, контужен и все-таки не раскис, я тебя прощаю. Но запомни на всю жизнь: пусть эта твоя ошибка будет последней. Приказ выполняй свято. Понятно?

— Так точно, товарищ сержант! — обрадовался Миша. — Я заблудился немного... А то бы вас догнал... Вот, поглядите, что я нашел в кустах! Оленью шкуру!

Сержант присвистнул:

— Вот это ты молодец! Некрасов как раз что-то про

шкуру толковал, только я ничего не понял. Идем-ка скорее в штаб, там разберутся.

— Лейтенанта нашли? — спросил Миша.

— Нашли, — тихо ответил Кандалин и отвернулся. — Прямо в сердце ему пуля попала...

Сержант взвалил оленью шкуру себе на спину и пошел, держа направление на Камышовый хребет. Миша едва поспевал за ним.

— Далеко еще? — наконец спросил мальчик.

— Устал? — Кандалин остановился, посмотрел в побледневшее, осунувшееся лицо мальчика и сказал: — Давай отдохнем минут пяток.

Миша свалился прямо на траву, а Кандалин, сбросив со спины шкуру оленя, присел на поваленную березу.

— Вы, товарищ сержант, здорово в лесу ориентируетесь! — восхищенно сказал Миша.

— Э-э, браток, я с малых лет охотник. Мне лес — все равно что дом родной. У нас в республике леса на сотни километров тянутся...

— Где у вас?

— На Волге, в Марийской республике, — задумчиво проговорил сержант. — Ты небось про те места только в учебнике по географии читал, а я там вырос. До революции такое захолустье было, не приведи бог. Жили мы в деревне, с хлеба на воду перебивались, а тут еще отца моего на каторгу сослали, в аккурат сюда, на Сахалин. Тут он, как говорится, кандалы тер. Нам и фамилию после этого дали — Кандалины. Остались мы с дедом. Дед у меня был хороший охотник. Он меня и стрелять, и на лыжах ходить выучил. Мы с ним и волков били, и на медведя ходили...

— А за что вашего отца на каторгу-то сослали? — спросил Миша.

Кандалин немного помолчал, потом снова заговорил:

— Ты небось слышал, как до революции крестьянам

жились? Жили в нужде да в нищете, а наши, марийские, крестьяне и того хуже. Народ наш небольшой, грамоты тогда почти никто не знал, жили в темноте. Нас богачи и за людей-то не считали. Я, конечно, всего этого не помню, мне дед рассказывал... Так вот, пришло время, начались в России волнения. Про девятьсот пятый год, поди, слышал? Начали и марийцы поднимать головы. Появились у них свои вожаки-агитаторы. Вот таким агитатором и был мой отец. Ясно теперь?

— Ясно, — отозвался Миша.

— Так я никогда своего отца и не видел, — вздохнул Кандалин. — Не вернулся он с каторги...

Сержант замолчал. Молчал и Миша, не решаясь прервать его грустных воспоминаний. Наконец он спросил:

— А как же вы на Сахалин попали? Нарочно приехали?

— Нет, браток, я на Сахалин попал случайно. Как началась война, в первый же день пошел в армию добровольцем, думал, на фронт попаду, а меня сюда послали. Тут уж ничего не попишешь, на то военная служба. Что прикажут — выполняй! Так-то, браток. Ну, хватит разговоров. Отдохнули, пора в путь!

Глава восьмая

«ОПЯТЬ ЭТОТ МАЛЬЧИШКА!..»

Тем временем, отлежавшись немного в землянке санчасти батальона, Хиросита под конвоем двух автоматчиков шел через лес по тропинке. Его вели в штаб полка.

Он шел медленно, нарочно прихрамывая. Ему хотелось оттянуть время, чтобы продумать план побега.

Хиросите трудно было поверить в то, что он, лучший, опытнейший разведчик дивизии, попался. Попался так неожиданно и нелепо, из-за какого-то мальчишки.

Почти тридцать лет служит он в японской разведке. Ему не раз приходилось бывать в России, выполняя опасные и ответственные задания, и до сих пор все сходило благополучно.

А к этому переходу границы он готовился особенно тщательно. Много дней провел он на границе близ полицейского поста Хандаса, выбирая удобное для перехода место.

Долгие часы проводил он в засаде, наблюдая за всем, что делалось на советской стороне.

Однажды, видя, как свободно разгуливают в запретной зоне олени, он подумал: «Вот кому не указаны никакие границы!» И тут ему пришла мысль перейти границу, забравшись в шкуру оленя. Прием, правда, не новый: ему были известны случаи, когда разведчики переходили границу в шкуре коровы или одев на ноги когтистые лапы медведя, чтобы на тропе остался след медвежьей лапы, а не человеческой ноги.

Но на этом участке — это он знал точно — такого еще не бывало. Так что ему, вне всякого сомнения, удастся обмануть русских пограничников, которые, видимо, давно привыкли, что на границе постоянно бродят олени и, конечно, не обратят никакого внимания на еще одного пришельца с японской стороны...

Теперь оставалось продумать возникший план во всех деталях.

Через несколько дней все было готово. Шкуру небольшого оленя обшили изнутри шелком, чтобы в случае необходимости из нее легко можно было выскользнуть. В передние ноги чучела были вставлены две палки, задние представляли собой что-то вроде высоких сапог.

Хиросита влезал в оленью шкуру и, нагнув голову и держась руками за палки, учился ходить по-оленьи. Это было не так-то легко, но Хиросита был настойчив.

Да, все было учтено и предусмотрено. Одного не мог

предвидеть Хиросита: что, уже пройдя пограничные посты, он нарвется на какого-то мальчишку, который полезет обниматься с оленем.

И вот теперь он идет под конвоем и с каждым шагом приближается к неминуемой расплате. Надо бежать сейчас, потом будет поздно!

Хиросита несколько раз оглянулся на своих конвоиров. Это были здоровые, крепкие, но по виду простодушные ребята. Когда один из них закурил и протянул кисет с махоркой второму, Хиросита, не желая обнаруживать, что он знает русский язык, знаками стал показывать, что ему тоже хочется курить.

«Они тогда развяжут мне руки,— думал он,— а там— щепотку махорки в глаза одному и другому, вырвать автомат, прошить обоих одной очередью — и в лес!..»

Конвоиры посоветовались и решили дать японцу закурить. Но рук ему не развязали. Один из бойцов скрутил козью ножку и, раскурив, сунул японцу в рот.

«Сорвалось! — со злостью подумал Хиросита.— Ну ничего, у меня еще есть время...»

Он опять оглянулся, но увидел направленные на него дула двух автоматов, и у него заныло в груди, а зубы, помимо его воли, стали выбивать мелкую дробь.

— Стой! — вдруг сказал один из бойцов.— Портянка сбилась, перемотать надо...

— Перемотай,— не останавливаясь, отозвался другой.— Догонишь... Ну, иди, чего встал! — крикнул он на японца.

Хиросита прибавил шагу.

«Вот это удача! — мелькнуло у него в голове.— Сейчас или никогда! Вряд ли представится другой такой случай!»

Они подошли к глубокому оврагу. Прямая тропинка круто сбегала вниз. Спуститься по ней можно было, только хватаясь за кусты.

Хиросита знаками попросил развязать ему руки, но боец отрицательно покачал головой и подтолкнул Хироситу к оврагу.

«Может, удастся перетереть веревку», — подумал Хиросита и, подложив под себя руки так, чтобы веревка терлась о каменистую тропинку, стал спускаться в овраг.

Когда он был уже на дне оврага, то почувствовал, что руки его свободны.

Он не расцепил их и, по-прежнему держа их за спиной и весь напрягшись, поджидал конвоира.

Боец, ничего не подозревая, спустился по тропинке и подошел к японцу, который сидел на дне оврага, как-то странно скрючившись, с руками, сведенными за спиной.

Вдруг японец выпрямился как пружина, подпрыгнул и сильными пальцами вцепился в горло конвоиру. Одновременно он изо всей силы ударил его коленом в живот.

Парень охнул, согнулся пополам и рухнул на землю.

Одним прыжком японец отскочил в сторону и бросился бежать вдоль оврага.

Но он пробежал всего несколько шагов, как вдруг услышал властный окрик:

— Стой! Стрелять буду!

Он не остановился и не оглянулся. Еще несколько прыжков, и он окажется в густых зарослях. Там-то уж его не найдут!

Но тут он почувствовал, что чьи-то цепкие руки кольцом обхватили его ноги, и он с разбегу упал на землю.

Он еще не успел понять, что же произошло, как к нему подбежал второй конвоир и немолодой сержант со свертком. В свертке Хиросита сразу узнал свою оленью шкуру.

— Молодец, Атаманыч! — крикнул сержант. — Еще немного — и ушел бы, гад!

Хиросита поднялся на ноги и оглянулся.

— Молодец, Атаманыч! — крикнул сержант. — Еще немного — и ушел бы, гад!

Одновременно с ним с земли поднялся и стал старательно отряхивать сор с гимнастерки вчерашний мальчишка!

Задыхаясь, с перекошенным от злобы лицом, Хиросита прошипел по-русски:

— Опять этот мальчишка!..

Глава девятая

Ч А С Ы

Наутро Мишу вызвал к себе Урманов.

Когда Миша вошел в кабинет, подполковник поднялся ему навстречу. Он положил обе руки на плечи мальчика и заглянул ему в глаза.

— Как ты себя чувствуешь, Миша? — спросил он.

— Хорошо, товарищ подполковник.

— Сержант Кандалин доложил мне, как ты вел себя вчера...

Миша похолодел.

«Неужели подполковнику известно, что я вчера нарушил приказ сержанта! — подумал он. — Но ведь сержант сказал, что прощает меня на первый раз и никому ничего не скажет! Не может быть, чтобы он не сдержал слова!»

А Урманов продолжал:

— Молодец, Миша. Ты вел себя как настоящий герой! Не дал убежать шпиону. Сержант говорит, что ты вцепился ему в ноги мертвой хваткой... Расскажи-ка мне по порядку, как это произошло.

Миша вздохнул с облегчением:

— Мы с сержантом Кандалиным через лес несли в штаб оленью шкуру. Идем это мы, ничего такого не думаем, стали спускаться в овраг. Сержант за кусты держался руками, а я по тропинке вниз бегом пустился. Смотрю наш солдат на земле корчится, а какой-то дядька стрекача дает. Ну, я бросился ему наперерез и схва-

тил его за ноги. Он упал, а тут сержант с автоматчиком подбежали. Вот и все...

Атаманыч замолчал. Молчал и Урманов. Он несколько раз прошелся по кабинету, потом спросил:

— Миша, ты знаешь, что капитан Некрасов и лейтенант Сидоренко погибли?

— Знаю, — тихо ответил Атаманыч. — Про Сидоренко мне сержант Кандалин еще вчера в лесу сказал, а капитан, говорят, от ран скончался...

— Да, он умер, не приходя в сознание. И никто не знает, как ему удалось захватить этого японского шпиона и вообще, что произошло в ту ночь. Ты можешь объяснить?

— Нет, товарищ подполковник, не могу. Я даже выстрелов не слышал. Капитан и лейтенант пошли к оленю, а тут он сам выскочил из кустов. Я думал, что он ручной, и хотел его погладить. А он меня по голове копытом...

— Постой, постой, — остановил его подполковник. — Выходит, и тебе от шпиона попало? Я этого не знал...

— От шпиона? — с недоумением переспросил Атаманыч. Да нет, товарищ подполковник, меня олень ударил...

— В оленьей шкуре прятался японский шпион, — сказал Урманов. — Так что можешь считать, что вы с ним квиты — он тебя ударил, ты ему не дал удрать. Этот самурай очень ловкий и опасный шпион, так что поймать его — большая заслуга. Урманов открыл ящик стола и достал оттуда маленькую коробочку. — А вот это, Миша, тебе на память об «олене», — сказал он, протягивая мальчику коробочку.

Атаманыч взял коробочку, осторожно открыл.

— Часы! — невольно вырвалось у него. — Спасибо, товарищ подполковник!

Урманов с доброй улыбкой смотрел на мальчика.

— В армии в таких случаях говорят не «спасибо», а «служу Советскому Союзу», — сказал он.

— Служу Советскому Союзу!

— Вот так. А теперь можешь идти.

Миша козырнул, повернулся через левое плечо и направился к выходу. Он уже взялся за ручку двери и остановился.

«Как же так? Взять часы и уйти, ничего не рассказав подполковнику? — подумал он. — Подполковник, видно, ничего не знает о том, что я нарушил приказ сержанта. Правда, если бы я не нарушил приказа, то не нашел бы шкуру... Но все равно. Может, если бы подполковник узнал всю правду, он, вместо того чтобы награждать меня часами, посадил бы на гауптвахту?»

Видя замешательство мальчика, Урманов спросил:

— В чем дело, Миша?

Атаманыч вернулся к столу, встал по стойке «смирно», громко и четко сказал:

— Товарищ подполковник, я вчера нарушил приказ.

— Какой приказ?

И тут Миша чистосердечно рассказал обо всем.

— Да, брат, в армии за такие фокусы по головке не гладят, — сказал подполковник, внимательно выслушав Мишин взволнованный рассказ. — Но я вижу, что ты все понял, и надеюсь, что больше этого не повторится.

— Так точно, товарищ подполковник!

— А за то, что сам признался, — хвалю. Ну, теперь иди отдыхай.

Выйдя из штаба, Миша немного постоял на крыльце, прилаживая ремешок часов на руке. Приложился ухом, послушал, как они тикают.

По дороге в казарму он все время поглядывал на часы.

В разведвзводе его встретили градом вопросов.

— Зачем вызывал тебя подполковник?

— Хвалил?

— А может, ругал? — пошутил кто-то из бойцов.

Миша молча подтянул рукав гимнастерки и с торжествующим видом поднял руку над головой.

Бойцы дружно ахнули:

— Вот это да!

— Ну и Атаманыч!

— Теперь каждому видно — герой!

— С наградой!

Когда все разошлись по своим делам, Миша пошел в красный уголок. Ему захотелось написать письмо онорским ребятам, поделиться с ними своей радостью.

«Добрый день, дорогие ребята и девочки. Примите от меня горячий солдатский привет. Пишет вам Миша Ковальчук...»

Миша подпер щеку рукой и задумался. О чем написать? Хотелось рассказать так много...

Он написал о том, как хорошо относятся к нему все бойцы и командиры, написал и про то, что носит настоящую солдатскую форму. Ему очень хотелось написать про шпиона и про часы, но, подумав, он решил, что это будет похоже на хвастовство, а потом, должно быть, про шпиона вообще лучше не писать — это, наверное, военная тайна.

Закончив письмо, Миша сложил его треугольником и некоторое время сидел в нерешительности — кому из ребят его адресовать? Наконец он решительно макнул перо и четко вывел: «Сахалинская область, село Онор, средняя школа, Светловой Нине».

Потом он снова развернул письмо и сделал приписку:

«Нина! Ты, наверное, волновалась, когда я ушел из дома, искала меня? Не сердись. Когда встретимся, я тебе все объясню».

Миша отнес письмо дневальному. Тот взял его и равнодушно бросил в ящик, где уже лежало несколько солдатских треугольников. Мише даже обидно стало.

«Разве так с письмами обращаются? — подумал он,

неприятно глядя на дневального.— Ведь это не какая-нибудь бумажка, а письмо. Человек, может, душу в него вложил, и нечего его так швырять...»

Стемнело. На сером холодном небе одна за другой стали зажигаться звезды.

В казарме тоже появился огонек. Он совсем крошечный и освещает только стол дневального и немного входную дверь. Остальная казарма тонет во тьме. Ничего не поделаешь — война, надо экономить.

Незадолго до вечерней поверки лейтенант Остапов позвал Мишу к себе в землянку. Он поздравил мальчика с наградой, потом разговор зашел о границе.

— Товарищ лейтенант,— спросил Атаманыч,— а может быть так, собирает, скажем: кто-нибудь в лесу у границы грибы или ягоды, заблудится и попадет к японцам? Что тогда будет?

— Нет, Миша, так быть не может. Собирать грибы или ягоды у границы нельзя. На границе может быть только часовой-пограничник, да и то только тогда, когда он в наряде.

— А разведчики?

— Только по приказу, если у них есть специальное задание. Ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант.

Затрещал зуммер полевого телефона. Остапов взял трубку.

— Двадцать третий слушает! — сказал он.— Так точно, товарищ Десятый! Есть явиться немедленно!

Он положил трубку, взял со стола полевую сумку:

— А ты, Атаманыч, иди спать.

Они вышли из землянки командира и разошлись в разные стороны.

В казарме, раздеваясь, Миша спросил у своего соседа по нарам:

— Слышь, лейтенант говорил по телефону: «Два-

дцать третий слушает. Так точно, товарищ Десятый». Как это понять?

Молоденький солдат — сам полгода в армии — ответил с напускной важностью:

— Это позывные.

— Какие позывные?

— «Какие, какие»! Обыкновенные. Позывной — это... Ну как бы тебе объяснить... Понимаешь, разговор по телефону может подслушать противник. Так вот, чтобы он не догадался, кто по телефону говорит, не называют ни фамилий, ни званий, а только номера. Ну, понял теперь?

— Теперь понял.

Миша уже засыпал, когда снова услышал зуммер.

— Восьмой слушает! — отозвался дневальный. — Так точно, товарищ Двадцать третий! Сигнал «Тигрица» принят!

— Подъем! — крикнул дневальный во весь голос.

«Опять Двадцать третий, — сквозь сон подумал Миша. — Наверное, мне все это снится...»

Но тут прозвучала другая команда:

— В ружье!

Миша наконец понял, что все это наяву. Он вскочил и начал лихорадочно одеваться.

«Вот разиня! — ругал он себя. — Проспать сигнал тревоги!»

Дверь землянки отворилась, и в казарму стремительно вошел лейтенант Остапов.

— Смирно! — скомандовал старшина.

Остапов остановился перед строем.

— Товарищи бойцы, получен приказ — немедленно выйти к государственной границе в ложбину между сопками Брусничная и Наблюдательная. Дальнейшая задача будет вам передана через командиров отделений, когда прибудем на место.

Казарма опустела. У телефона остался дневальный.

ХИТРОСТЬ ВРАГА

Для возвращения Хироситы прошли все сроки. Но он не возвращался.

Долговязый капитан—начальник разведгруппы поста Хандаса — вышагивал из угла в угол по просторному кабинету.

«Видимо, надо посылать нового человека,— думал он.— Но как переправить его через границу?»

Капитан морщил лоб, наклонялся над топографической картой, что-то вымерял линейкой, потом отбрасывал линейку и, с силой сцепив руки, хрустел пальцами.

Капитан подошел к окну и резким толчком открыл его. В комнату ворвался холодный ветер и сдул со стола карту.

Капитан с раздражением захлопнул окно, поднял карту и схватил трубку телефона:

— Позвать ко мне Нацуме.

Через несколько минут в кабинет начальника разведгруппы вошел невысокий худой человек лет пятидесяти, по виду охотник, каких много на Сахалине. Из-под шапки виднелись прямые, тронутые сединой волосы, узкие, глубоко спрятанные в глазницах глаза смотрели насто-роженно.

Вошедший приложил правую руку к груди и поклонился.

— Я позвал тебя, Нацуме, по поводу утреннего разговора,— сказал капитан.— У меня есть одна идея.

— Слушаю вас, господин капитан,— снова поклонился вошедший.

Капитан кивнул на стул:

— Иди поближе, садись.

Легкой, крадущейся походкой Нацуме прошел через комнату и сел возле стола.

— Вот что,— вдруг сказал капитан,— пожалуй, прежде я послушаю твои соображения.

Нацуме давно знал повадки своего начальника. Обычно, когда капитан оказывался в затруднительном положении и не мог ничего придумать, он вызывал кого-нибудь из своих более опытных подчиненных и старался выведать его мысли. Если тот высказывал что-либо дельное, то, внимательно выслушав, капитан в заключение разговора небрежно ронял: «Молодец. У тебя голова варит. Это же самое хотел тебе сказать и я».

Поэтому на слова капитана Нацуме только улыбнулся и, глядя в сторону, тихо проговорил:

— Я думаю. Но мой план еще не окончательно созрел, господин капитан.

Начальник разведгруппы с досадой поморщился.

— Я замечая, вы начинаете сердиться, господин капитан,— вкрадчиво продолжал Нацуме с чуть заметной усмешкой.— Я понимаю, конечно...

— Я тебя позвал не для того, чтобы любоваться, как ты умеешь крутить хвостом, старая лиса! — перебил его капитан.— Я тебя спрашиваю, ты должен отвечать. Кто здесь начальник, я или ты?

— Напрасно волнуетесь, господин капитан,— спокойно ответил старый разведчик.— Если я вам не подхожу, то обратитесь к майору с просьбой, чтобы он перевел меня в другое место. Впрочем, вряд ли он исполнит вашу просьбу: во всей разведке вы не найдете другого такого человека, который знал бы Сахалин так же, как я. Со мной мог сравниться, пожалуй, лишь Хиросита. Но он, судя по всему...— Нацуме приложил обе руки ладонями ко лбу, поднял глаза и вполголоса, как будто про себя, забормотал: — Пусть земля будет ему мягка, меня же — о Аматерасу! — охраняй от неверных шагов. Пусть на всех дорогах сопровождают меня добрые духи, а злые духи да будут прокляты...

С каждым словом Нацуме капитан все более и более терял свой грозный вид и, когда старый разведчик умолк, заговорил миролюбиво и даже с некоторым подобострастием:

— Я же не сказал, что ты нам не подходишь, Нацуме. Правда, я погорячился, но ведь ты сам должен понять—сейчас такое положение, что нельзя дальше тянуть. Да и за Хироситу нас не погладят по голове. Мы должны приложить все силы, чтобы не уронить своей чести.

Капитан поднялся с кресла и подошел к окну:

— Я надеюсь на тебя, Нацуме.

Нацуме довольно улыбнулся, но тут же прогнал улыбку с лица:

— Господин капитан, кажется, мой план уже прояснился окончательно.

Капитан рывком повернулся к Нацуме:

— Ну говори, говори!

Нацуме молчал. Капитан смотрел на него выжидающе.

— План мой,— медленно проговорил Нацуме, особо выделяя слово «мой»,— и самым правильным будет поручить его выполнение мне.

— Пожалуй, так,— согласился капитан.— Тебе нужно доверить это дело.

— Спасибо за доверие,— поклонился Нацуме.— Я приложу все свои силы, чтобы выполнить задание. Ну, а как насчет оплаты?

— О, в этом не сомневайся. Ты получишь достойную награду.

— Я бы хотел знать поточнее. Сколько?

— Ну, скажем, пять тысяч иен.

— Пять тысяч — мало. Хиросита получил десять. И я на меньшее не согласен.

— Ладно. Пусть будет десять тысяч.

— Благодарю вас, господин капитан.

Нацуме и капитан склонились над картой.

— Самое удобное место для перехода вот этот овражек между сопками Брусничная и Наблюдательная,— сказал Нацуме, легонько касаясь карты остро отточенным карандашом.

— Да, я согласен с тобой,— проговорил капитан.— Но все дело в том, как ты перейдешь границу?

— Сейчас ветер дует в советскую сторону. Метеорологи сообщают, что в ближайшие сутки он своего направления не изменит. Что вы скажете на то, если сегодня вечером на границе сразу в нескольких местах начнется лесной пожар? Огонь начнет распространяться вглубь советской территории. Советское командование, конечно, не станет дожидаться, пока пожар потухнет сам собой, и пошлет на его тушение войска. Огонь, дым, суматоха...

— Да-а, твой план, надо сказать, особой новизной и тонкостью не отличается.

— Безусловно, работа грубая, и в других условиях я бы счел ее недостойной для настоящего разведчика. Но, как говорится, нужда заставит и в навоз лезть. Значит, с наступлением темноты начинается пожар. В суматохе никто не обратит особого внимания на старого охотника-нивха (по внешнему виду меня далеко не всякий отличит от нивха) с котомкой за спиной, со стареньким ружьишком, да еще идущего в сопровождении трех красноармейцев — Ивана, Петра и Павла.

— Каких красноармейцев? — удивился капитан.

— Вы дадите мне трех людей в красноармейской форме и вооруженных советским оружием. Вас удивляет, что я дал им имена? Это простая предусмотрительность: вдруг мы разойдемся в темноте, так не окликать же их по-японски.

— Ты очень предусмотрителен,— усмехнулся капитан.

— Иначе нельзя.

— Хорошо. Зайдешь ко мне через час.

— Слушаюсь, господин капитан.

Через час Нацуме снова переступил порог кабинета начальника разведгруппы.

— Майор Укеда одобрил твой план,— сказал капитан.— Пиши расписку и можешь немедленно получить свои деньги.

Нацуме поклонился:

— Следуемую мне сумму прошу переслать моей семье.

— Хорошо.

Нацуме и капитан обменялись расписками. Нацуме дал капитану расписку в том, что им получено десять тысяч иен, а взамен получил бумагу, в которой начальник разведгруппы брал на себя обязательство переслать эти деньги его семье.

— Задание будет такое,— перешел капитан на деловой, официальный тон.— В ближайшие два-три дня ты должен добраться до Александровска. Зайдешь в портовую парикмахерскую. Там работает парикмахер, которого все называют «дядя Костя». Когда ты сядешь в кресло, он спросит «Как вас постричь?» Ты ответишь: «Я хотел бы под бобрик». На это он возразит: «А не больше ли вам пойдет бокс?» Ты после этого должен сказать: «Бокс нынче не в моде». Запомнил пароль?

Нацуме повторил:

— «Как вас постричь?» — «Я хотел бы под бобрик». — «А не больше ли вам пойдет бокс?» — «Бокс нынче не в моде».

— Правильно. От «дяди Кости» получишь дальнейшие указания. Желаю тебе успеха. Да хранит тебя Ама-терасу.

Когда Нацуме ушел, капитан развалился в своем кресле и развернул полученную им от разведчика

расписку. Он весело присвистнул и, потирая руки, тихо проговорил:

— Вернешься с успехом — на моей груди прибавится еще один орден, потеряешь голову — в мой карман пойдут твои десять тысяч иен. Вот так-то. Ты хитер, а я все же хитрее.

Глава одиннадцатая

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Разведчики лейтенанта Остапова, перейдя овраг, поднялись на возвышенность.

В солнечную погоду государственная граница, проходящая по ложбине, отсюда видна как на ладони. Сейчас же там было темно, как в пропасти, и лишь в трех местах нефтяную темноту прорезали ярко-желтые ручейки пламени.

С ветром до разведчиков доносился горький запах дыма.

— Пожар. Тайга горит, — тихо сказал кто-то из бойцов.

Все, не отрываясь, смотрели в сторону границы, на загорающийся лес. Временами огонь стрелой взметался вверх, временами затихал и, прижимаясь к земле, полз красно-желтой змеей.

— Видите, товарищи, — обратился Остапов к взводу, — это провокация — дело рук врага. Но участвовать в тушении пожара мы не будем, его потушат другие подразделения. Мы должны выйти к нейтральной зоне между сопками Брусничная и Наблюдательная и занять там позиции.

Взвод тронулся в путь. По мере приближения к границе разведчики все более и более ускоряли шаг. Едкий дым становился все гуще, он ел глаза, першило в горле. Кто-то, задохнувшись, кашлянул.

— Больше выдержки, товарищи, — сказал лейтенант Остапов, — терпите. Кашляйте в рукав.

Лейтенант разделил всех бойцов на пары и каждой паре определил место для наблюдения.

Атаманыч попал в пару с пожилым солдатом Скворцовым.

— Ты, Ковальчук, — сказал лейтенант, — будешь смотреть в сторону границы, а Скворцов — в нашу сторону. В случае чего, сразу докладывайте мне или отделенному.

Атаманыч и Скворцов залегли спина к спине.

Еще до того как по сухой хвое пробежала первая змейка пламени, в нейтральную зону с японской стороны вошли четыре человека. В одном — низеньком, сутуловатом, с длинными руками, которые при ходьбе, казалось, касались земли, — можно было узнать Нацуме. Он был одет как охотник-нивх: в короткую брезентовую куртку, потрепанный серый картуз и высокие болотные сапоги. Через правое плечо Нацуме висела охотничья двустволка, за спиной — холстинная котомка. Трое остальных были одеты в советскую солдатскую форму.

Теперь все четверо молча сидели в неглубокой ямке, прикрытой кустарником.

Нацуме достал из кармана брюк часы, взглянул на циферблат и кивнул в советскую сторону:

— Осталось десять минут.

Опять наступило молчание.

Когда над тайгой поднялся столб пламени и полетели искры, Нацуме встал:

— Ну, время.

За ним поднялись и трое в красноармейской форме. Повернувшись на восток, в ту сторону, откуда восходит солнце, все зашептали молитву:

— Богиня Аматерасу, пошли нам удачу, свяжи руки

наших врагов, свяжи ноги наших врагов, порази слепотою их глаза, уши залей расплавленным воском...

Как раз на этом участке границы с советской стороны в нейтральную зону вдавалась, как высунутый язык, узкая и длинная зеленая сопка. На этой сопке размещалась советская артиллерийская батарея. Нацуме это знал и на этом строил свой план перехода границы. Он полагал, что, как только начнется пожар и ветер погонит пламя к батарее, советские артиллеристы бросят всех людей на защиту своей позиции, начнут перебазировать орудия и боеприпасы на безопасное место. Вот тут-то он и сможет проскользнуть в глубь советской территории. Нацуме хорошо знал окрестные места: когда-то в молодости он работал на почте, и ему часто приходилось доставлять почту с Южной части Сахалина в Северную. Тогда не было через тайгу хороших дорог, почту возили на лошадях во вьюках. Нацуме прикидывал: «Переправлюсь через Хандасу, лесом выйду к селу Абрамовке, потом через Палево, Дербинск в Александровск... Но главное — пройти первые два-три километра».

Но за эти километры он был спокоен: тут его проводят эти трое и, если понадобится, отвлекут на себя внимание русских.

Нацуме и сопровождающие его солдаты нырнули в овраг.

Неожиданно из чащи вырвался широкий язык пламени и осветил все вокруг.

Японцы припали к земле. Пламя погасло, снова наступила темнота, и только тогда они двинулись дальше.

Пожар разгорался. Теперь то и дело приходилось останавливаться и пережидать, когда спадет шипящее пламя. Нацуме с опаской поглядывал на своих спутников. Молодые солдаты явно растерялись и жались к нему.

— Идите обратно! — приказал Нацуме.

Солдаты уползли. Нацуме остался один.

Он долго лежал в кустах прислушиваясь. Сначала он слышал среди далекого треска горящих сучьев шорох задеваемых уходящими японцами кустов. Потом наступила тишина.

Нацуме приподнялся и вдруг совсем рядом услышал шаги. Он плотно прижался к мокрой земле и замер.

— Товарищ старший сержант, пожар двигается в сторону батареи капитана Белова,— донесся до Нацуме тихий голос.

— Вижу,— ответил другой голос.— Артиллеристы, надо полагать, тоже заметили, но все равно надо сообщить на заставу. Беги к телефонной розетке.

Нацуме напрягся и даже перестал дышать. На его лбу выступили капельки холодного пота.

Пограничники пробежали в нескольких метрах.

Когда их шаги смолкли, Нацуме, не поднимаясь, ползком, скользнул через тропинку.

* * *

*

Лесной пожар захватывал все новое и новое пространство. Как огромная рыжая белка, с вершины на вершину перескакивал верховой огонь, а понизу пламя растекалось, словно вешняя широкая вода, пожирая кустарник и траву. Где-то в темноте с испуганными криками кружились птицы. Ломая ветки, метались дикие звери. Слышался треск и вой раздуваемого ветром пламени.

Атаманыч лежал не шевелясь и лишь время от времени ощупывал рукой сумку с запасными дисками. Лежа дышать было легче — дым шел верхом, не опускаясь на землю.

Миша тихо окликнул своего напарника:

— Ну как, Скворцов?

— Все в порядке. А ты не уснул?

— Скажешь еще? — обиделся мальчик.

Время тянулось медленно. Вдруг в овраге, сразу в трех-четырех местах, хрустнули сухие ветки. Миша крепче сжал автомат.

Мимо разведчиков промчалось несколько оленей.

— Вон это кто, — шепнул Скворцов и вздохнул, — проклятый япошка!

— Чего ругаешься? — спросил Миша.

— Сердце не выдержало. Сколько богатства пропадает...

— Да, здорово лесу погорит.

— Не один лес... А звери, птицы?

— Как ты думаешь, Скворцов, зачем они подожгли тайгу?

— Подлость какую-нибудь готовят. Думаешь, нас привели сюда от этих вот оленей границу охранять?

— Нет, конечно...

Миша замолчал.

«А что, если как раз против меня выйдет нарушитель?» — думал он.

Миша взглянул на часы. Они показывали двадцать минут первого.

Все было по-прежнему спокойно. Сколько Миша ни смотрел, как ни напрягался, разглядеть ничего не мог.

Он чувствовал, как тяжелеют его веки, как слипаются глаза, как на него наваливается дремота.

«Только бы не заснуть, — думал он. — Только бы не заснуть...» Но глаза его закрывались сами собой. Миша зажмурился на секунду и, вздрогнув, открыл глаза. «Кажется, задремал?» — подумал он и осторожно оглянулся по сторонам.

Вокруг было все то же. Скворцов тихо проговорил:

— Видать, наши одолевают пожар: вроде огонь стихает...

— Похоже так... — отозвался Миша.

Снова наступила тишина.

— Ну как там, на твоей стороне, Скворцов?

— Медвежья берлога — хоть глаз коли, ничего не видеть. А у тебя?

— А я как в сажу на дне котелка смотрю: одна чернота. Тут бы на каждый метр по часовому поставить надо...

— Эх ты, разведчик, — усмехнулся Скворцов. — Где глаз не видит, там ухо должно услышать, а ты — «на каждый метр по часовому»!

Миша ничего не ответил.

Как медленно тянется время! Кажется, уж час прошел, а посмотришь на часы — оказывается, прошло всего каких-нибудь десять минут.

В час лейтенант Остапов начал обход постов. Занятая разведчиками позиция не превышала километра, но пройти ее было не так-то легко, почти половину пути надо было передвигаться по открытому месту, ползком.

Лейтенант подполз к Мише и Скворцову. Тихо окрикнул:

— Как дела?

— Все в порядке, — ответил Скворцов.

— Сон не одолевает? — спросил лейтенант Мишу.

— Ничего, справляюсь...

Лейтенант прилег рядом с мальчиком.

Вдруг Скворцов тронул его за ногу. Остапов быстро и бесшумно повернулся и стал смотреть в ту сторону, куда показывал Скворцов.

Кусты и деревья сливались в одну непроглядную темную массу. Послышались осторожные шаги. Кто-то шел с нашей стороны к границе. Потом лейтенант различил почти сливающиеся с деревьями три темные человеческие фигуры.

Люди остановились на мгновение и снова двинулись вдоль постов влево.

Там были еще три пары наших разведчиков. «Они, конечно, задержат неизвестных,— подумал лейтенант.— Однако на всякий случай надо отрезать путь к границе».

— За мной! — приказал лейтенант.

Скворцов и Атаманыч с автоматами наперевес побежали за Остаповым.

Но до того как они настигли неизвестных, те уже были окружены и обезоружены другими разведчиками.

В темноте можно было различить, что задержанные одеты в советскую солдатскую форму, лица у них вроде японские, а может быть, это и нивхи.

— Кто такие? — спросил Остапов.

Задержанные молчали.

— Мы уж спрашивали их, товарищ лейтенант,— сказал старшина.— Молчат, как будто русского языка не понимают.

Остапов ткнул рукой в грудь одного из неизвестных:

— Кто ты такой? Как тебя зовут?

— Павэл,— тихо ответил тот.

— А тебя? — повернулся лейтенант ко второму.

— Иван.

— А тебя?

— Пийэтр.

— Куда вы идете?

Все трое молчали.

— Ну вот что, Павэл, Иван и Пийэтр,— сказал лейтенант Остапов,— мне здесь некогда играть с вами в молчанку. Пойдете в штаб. Там разберутся. Старшина!

— Слушаю, товарищ лейтенант.

— Возьми троих бойцов, доставишь задержанных в штаб.

— Есть.

На границе снова наступила тишина.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР В ШКОЛЕ

Шестого ноября, под самый праздник двадцать седьмой годовщины Великой Октябрьской революции, подполковник Урманов вызвал Атаманыча в штаб.

— Вот, Миша, я получил письмо. Оно касается тебя,— сказал подполковник и протянул мальчику конверт. — Читай.

Миша достал из конверта сложенный вдвое тетрадный листок.

«Уважаемый товарищ подполковник! — читал Миша. — Это письмо шлет Вам пионерский отряд Онорской школы».

Дальше в письме говорилось о том, что пионеры Онорской школы хотят пригласить Мишу Ковальчука в школу на праздничный вечер и просят подполковника отпустить его из части на 7 Ноября.

Увидев, что Миша кончил читать письмо, Урманов спросил:

— Ты хочешь поехать в школу на вечер?

— Хочу.

— Хорошо. Даю тебе отпуск на сутки. В Онорскую школу поедешь завтра утром вместе с сержантом Кандалиным. Передашь пионерам привет и поздравления от всех нас, бойцов Советской Армии. Понятно?

— Понятно! — весело ответил Миша. — Есть передать привет и поздравления.

— Ну ладно, — улыбнулся подполковник, — иди отдыхай. Завтра тебе рано вставать.

На следующее утро Миша проснулся задолго до подъема. Все еще спали. В окно было видно ясное голубое небо, полуоблетевший, но кое-где еще зеленый лес.

Миша стал думать о предстоящей встрече со школь-

ными друзьями. Перед ним вставали знакомые картины: Онор, школа...

Он представил себе школьный зал и себя на сцене. Что же он скажет учителям и ребятам?

— Здравствуйте, дорогие учителя и учащиеся Онорской школы! — с выражением, торжественно сказал он. — Поздравляю вас... Нет! Передаю вам привет!.. А может быть, все-таки сначала поздравить?

Миша задумался. Потом он достал из тумбочки тетрадку, карандаш и решил прежде написать свое сегодняшнее выступление, чтобы в нужную минуту не сбиться и ничего не забыть.

«Дорогие учителя и учащиеся Онорской школы...» — писал Миша.

Он написал и про привет, и про поздравление, перечитал написанное и остался доволен им.

Миша вырвал из тетради исписанный листок и убрал его в карман гимнастерки.

Было еще рано, ему снова захотелось спать, и он снова закрыл глаза.

— Спишь еще? — вдруг услышал Миша.

Преодолевая сон, он откинул одеяло, сел на кровати, раскрыл слипавшиеся глаза и увидел перед собой сержанта Кандалина.

— Он хочет в запас, на завтра, выспаться, — засмеялся солдат — сосед Миши по койке.

— Да нет, я не сплю, товарищ сержант... — смущенно проговорил мальчик. — Так просто лежал, думал...

— Ладно, ладно, сегодня праздник — можно и поспать, — похлопал Мишу по плечу Кандалин. — Только нам спать некогда, пора в дорогу. Праздник-то не ждет: долго идет, быстро уходит.

После завтрака Кандалин и Атаманыч, оседлав лошадей, тронулись в путь.

Дорога им предстояла длинная и трудная — через

лес, через сопки. В некоторых местах тропинка шла по крутому обрыву над пропастью, глянешь вниз — и дна не видать. Несколько раз придется перебираться через речки и перевалы по узким, подвешенным на стальном тросе мосткам. Идешь по такому мосту, а он качается, как качели, даже сердце замирает.

Но вот уже все трудные переходы позади, Атаманыч и Кандалин спустились с последней сопки к речке Таляке.

У берегов ее уже схватило тонким, сверкающим на солнце ледком, а посредине речки все еще бежала и бурлила, перепрыгивая через блестящие, отполированные камни, быстрая, пенистая струя.

Всадники въехали в лес.

Перед ними через дорогу промелькнула какая-то маленькая птичка, за ней другая, третья — целая стайка. Птицы уселись на придорожной ольхе и начали расклеивать черные ольховые шишки. Но когда Атаманыч с Кандалиным проехали чуть вперед, птицы с громким попискиванием сорвались с дерева и, обогнав их, опять опустились на ветки.

— Видать, и птицам скучно одним в лесу, — повернулся Кандалин к Мише. — Многие птицы уже улетели, а эти здесь зимуют. Вон, смотри, как будто не хотят с нами расставаться, все крутятся рядом.

— Я тоже за ними давно слежу. Они с самого начала, как мы въехали в лес, всё около нас кружатся и не боятся.

— Значит, понимают, что не враги мы им...

Птичья стайка провожала всадников до того места, где дорога выходила из леса на поля.

Вечер в школе начинался в шесть часов, у Кандалина с Мишей еще было в запасе достаточно времени, но мальчику не терпелось.

— Товарищ сержант, давайте немного поднажмем...

— Успеем, Миша.

— Успеть-то успеем... Да понимаете...

— Скорее к друзьям хочется? Или замерз?

— И холодно тоже...

— Ну тогда погоняй.

Лошади как будто только этого и ждали, они сразу перешли на рысь. Далеко-далеко по лесу разнесся дробный стук копыт по твердой замерзшей дороге.

Миша с Кандалиным въехали в Онор около двух часов.

Миша с волнением смотрел вокруг — все в деревне было по-прежнему: та же улица, те же дома...

— Где коней поставим? — спросил Кандалин.

— Вон в том доме, шестом от края... Там одна девочка, с которой мы вместе учились, живет... — ответил мальчик.

— Нина, что ли?

— Нина.

Нины не было дома. Мишу и Кандалина встретила тетя Наташа. Они завели лошадей под навес и вошли в дом.

Вскоре прибежала и Нина. Она на мгновение остановилась на пороге, разрумившаяся, с блестящими глазами, потом протянула вперед обе руки:

— Здравствуй, Миша!

Их взгляды встретились, и ребята смущенно замолчали.

Сержант Кандалин с ласковой улыбкой смотрел на них. Эта круглолицая, розовощекая девочка с большими и добрыми голубыми глазами, с толстыми русыми косами, спускающимися за плечи, сразу расположила его к себе.

Немного помолчав, Кандалин кашлянул.

— Ой! — испуганно вскрикнула Нина. Она только сейчас заметила, что в доме есть кто-то еще, кроме Миши, и повернулась к Кандалину.

— Познакомься, Нина,— сказал Миша.— Это сержант Кандалин. Мы с ним служим вместе.

Нина протянула руку Кандалину:

— Нина.

— Вот и познакомились,— сказал Кандалин.— Мне Миша говорил про тебя, и я представлял тебя именно такой.

* *

*

Праздничный вечер в школе начался как положено: с торжественной части.

На сцене за столом президиума сидели директор Николай Александрович Вершинин, учителя и три почетных гостя: пожилой мужчина в офицерском кителе со звездой Героя Советского Союза на груди, фронтовик, демобилизованный после тяжелого ранения, председатель онорского колхоза Иван Дмитриевич и Миша Ковальчук.

Атаманыч был очень смущен тем, что сидит в президиуме и что все смотрят на него. Волновался он еще и из-за того, что сидит рядом с настоящим Героем Советского Союза.

«И зачем надо было сажать меня в президиум,— думал он.— Гораздо лучше было бы устроиться в зале у стенки рядом с сержантом Кандалиным. Все это Нинины затеи...»

После доклада директора школы стали выступать с поздравлениями гости.

Председатель колхоза поблагодарил школьников за помощь, которую они оказали колхозу, работая летом на полях.

Потом выступил Герой Советского Союза. Он рассказал несколько эпизодов из фронтовой жизни. Ему долго аплодировали и кричали «ура».

Теперь очередь дошла до Атаманыча.

— Предоставляю слово бывшему ученику нашей школы, а теперь солдату Советской Армии Мише Ковальчуку! — объявил директор.

Миша встал, одернул гимнастерку и, четко чеканя шаг, вышел к трибуне.

В зале стало тихо-тихо. «А где же наши ребята из восьмого класса? — подумал он, не находя среди множества лиц ни Вани Крутикова, ни Валерки, ни других. — Неужели ушли?»

— Дорогие товарищи, друзья, — начал Атаманыч. — Дорогие учителя и односельчане!

А дальше вдруг все вылетело из головы. Он достал из кармана гимнастерки бумажку, на которой записал свое выступление, заглянул в нее, но в глазах рябило, строчки путались — где уж тут что прочесть! — и он убрал бумажку обратно.

Миша посмотрел в зал и встретился взглядом с Кандалиным, тот улыбнулся ему. Миша немного успокоился, а тут увидел и Ваню и Валерку — оказывается, он просто их почему-то не мог отыскать. А вон и Нина. Она смотрит на него, ободряюще кивает, как будто хочет сказать: «Говори, говори, не смущайся».

И Миша от того, что увидел друзей, от ободряющего взгляда Нины вдруг перестал волноваться.

— Товарищи, — громко сказал он, — поздравляю вас с праздником от имени всех наших солдат!

Все в зале захлопали. А он продолжал:

— Они велели вам передать, что советский народ может спокойно трудиться, что пограничники зорко охраняют границу и никакой враг не пройдет на нашу территорию.

В зале снова захлопали. Кто-то крикнул:

— Да здравствуют славные советские пограничники! Ура!

— Ура! Ура! — подхватили все.

Во время перерыва перед концертом ребята окружили Атаманыча и Кандалина.

Все уже знали, что Миша участвовал в поимке японского шпиона.

— Как это было? Какой он, этот японец? Он стрелял? — засыпали ребята Мишу вопросами.

— Да так. Обыкновенный, — скупое отвечал он.

Но ребят его ответы не удовлетворили, и они стали расспрашивать Кандалина:

— Товарищ сержант, а вы тоже были с Мишей, когда ловили шпиона?

— Я подоспел позднее, — ответил Кандалин. — Да пусть он сам расскажет.

Но Мишу в это время отозвала в сторону Ольга Сергеевна и о чем-то разговаривала с ним.

— Не будет он рассказывать, — сказал Ваня Крутиков.

— Конечно, о себе-то как-то неудобно говорить, — согласился Кандалин. — Ну ладно, так и быть расскажу я обо всем, что совершил ваш Миша — Атаманыч.

Ребята затаив дыхание ожидали начала рассказа, а Нина подошла к Атаманычу и Ольге Сергеевне.

— Ты, Миша, смотри и в армии не забывай про учебники, — говорила Ольга Сергеевна. — В жизни все пригодится — и математика, и физика, и история, и литература.

— Я это понимаю, — ответил Миша. — Со мной лейтенант Остапов и другие офицеры занимаются, когда бывают свободны.

«Почему же Миша за сегодняшний вечер ни разу не подошел ко мне? — думала Нина. — Почему со всеми разговаривает, а со мной поговорить никак не может найти времени?»

Но в это время Атаманыч неожиданно подошел к девочке и тронул ее за плечо:

— Ты что такая скучная? Может быть, ты устала? Домой пойдём?

— А концерт?

— Да, концерт надо бы посмотреть,— согласился Миша.— Тогда пошли в зал. Наверное, и Кандалин там без нас скучает.

— Думаешь, скучает? — засмеялась Нина.— Да он уж давно с нашими ребятами подружился. Знаешь, о чем он сейчас им рассказывает?

— О чем?

— О том, как ты поймал японского шпиона.

— Это не я поймал,— покачал головой Миша.— Это мы все вместе его задержали.

Зазвенел звонок, сообщая о начале концерта.

Миша и Нина вошли в зал. Для них оставили место на длинной скамейке у окна рядом с Кандалиным.

Начался концерт. Первым выступал хор.

— Владимир Григорьевич,— повернулась Нина к Кандалину,— вам нравится, как поют наши девочки?

— Очень хорошо поют,— ответил сержант.

Ему нравились все номера: и как пел хор, и как Ваня Крутиков прочитал стихи, и украинская пляска, и веселая сценка, которую разыграли семиклассники.

Когда концерт кончился, лавки сдвинули к стенам, а на сцену вышел Герой Советского Союза с баяном. Он сел на стул и растянул меха.

По залу полилась мелодия вальса «На сопках Маньчжурии».

— Потанцуем, Нина?— встал перед девочкой Атаманыч.

Они закружились под плавную мелодию вальса.

«На сопках Маньчжурии» сменили «Дунайские волны», потом баянист заиграл песню «В лесу прифронтовом»...

Когда Нина, Миша и сержант Кандалин вышли из

школы, вокруг стояла глубокая тьма. Только в школе да в нескольких домах светились окна, и все небо было усеяно яркими лучистыми звездами.

Дул холодный северный ветер.

— Назавтра надо ждать заморозков,—сказал Кандалин.— Ну ладно, ребята, вы идите домой, а я посмотрю, как там наши лошади.

Кандалин ушел.

Нина и Миша, вместо того чтобы идти домой, тихо побрели вдоль берега реки.

Разговор не клеился.

Тихо журчала вода в черной Онорке. Иногда слышался хруст отколовшейся от берега и брошенной течением на камни льдинки.

Миша подошел к самому берегу и, наклонившись к воде, отломил кусочек льда. Холодный лед обжег руку. Мальчик размахнулся и бросил его в воду.

— Миша, я давно жду, когда ты начнешь рассказывать о себе, о своей жизни,—тихо проговорила Нина,— а ты все что-то молчишь...

— Что же тебе рассказать?

— Все-все!

— Есть все рассказывать!

Теперь он не боялся выдать «военную тайну», да и говорить было легче, чем писать.

Нина с интересом слушала Мишу и даже чувствовала гордость, что у нее такой друг.

— А нашу учительницу по литературе Ларису Васильевну перевели работать в облоно,—сказала Нина.

— То-то я не видел ее сегодня среди учителей...

— А у тебя есть учебник по литературе за восьмой класс?

— Нет,—ответил Миша и тихо добавил: — У меня и других многих учебников нет...

— Как же ты занимаешься?

— Мне лейтенант Остапов кое-что объясняет по математике, по физике...

— А как же другие предметы?

— Времени не хватает, ведь армия — не школа...

— Ты скучаешь по школе?

— Немного скучаю. Особенно по ребятам и по тебе, Нинуш...

Нина вспыхнула и смутилась. Миша впервые назвал ее так ласково — Нинуш... Она помолчала немного и сказала:

— Знаешь, Миша, давай будем писать друг другу письма. Я тебе буду писать о школе, о своей жизни, а ты мне — о себе. Ладно?

— Хорошо бы! — вздохнул мальчик. — Ты же знаешь, мне больше не от кого ждать писем...

— Я тебе буду писать... Очень часто буду писать...

— Спасибо, Нинуш...

— Ой, а сколько же сейчас времени? — вдруг воскликнула Нина и, взяв Мишу за руку, взглянула на его часы. — Уже скоро одиннадцать! Как спешат твои часы!

Атаманыч обиделся:

— Скажешь тоже — спешат! Да ты знаешь, мои часики с анкерным ходом, на двенадцати камнях. Самые точные часы. В армии, да еще в именной подарок, утиль не дают.

— Вот как? — засмеялась Нина. — А я этого не знала.

Они замолчали. И так, молча, подошли к Нининому дому.

— Вот и пришли, — сказал Атаманыч. — У тебя, вижу, от холода язык окоченел, все молчишь.

— Нет, я не замерзла.

Атаманыч осторожно коснулся рукой ее щеки:

— Э-э, да у тебя щеки как лед. Тебя надо прямо на горячую печку посадить. Давай-ка скорей в дом!

Глава тринадцатая

ЛОВУШКА

В одно серое октябрьское утро по улицам Александровска, направляясь к порту, торопливо шел ничем не выделяющийся среди других прохожих человек, в обычном черном костюме, в черной кепочке. На правой руке у него был перекинут плащ военного образца с блестящими пуговицами, а левой он энергично размахивал, что еще больше подчеркивало, как он торопится.

Это был Нацуме.

Он мог бы не спешить, кроме того, ему хотелось просто пройтись по улицам города, вспомнить далекие годы: ведь с тех пор как он в последний раз был тут, минуло целых девятнадцать лет.

Вот этот серый дом на углу остался таким же, каким был, а вон тот, белый пятиэтажный,— новый: он построен в последние годы. На месте пустыря теперь разбит парк. Вообще в городе оказалось немало нового и неожиданного для человека, который не был в нем почти два десятилетия.

Некоторые места трудно было узнать, и иногда Нацуме затруднялся определить на какой улице он находится. Конечно, можно было расспросить обо всем у кого-нибудь из старожилов, но как раз с ними он и не хотел бы встречаться.

Нацуме решил проявлять поменьше интереса к новым зданиям и улицам и поменьше привлекать к себе внимание местных жителей.

Все такой же деловой походкой он прошел через весь город и вышел к морю.

Внизу шумел порт. За спиной поднимались вверх горы. Слева, у входа в порт, как часовые, стояли три утеса, называемые Три Брата. Справа на песчаном берегу виднелся лежащий здесь еще со времен русско-японской войны ржавый остов русского военного корабля «Михаил Архангел».

Нацуме долго всматривался в бегущие с горы к морю тесные улочки.

Где-то здесь, в одном из прилепившихся на склоне домишек, находилась та самая парикмахерская, в которую ему надлежало явиться.

Нацуме нашел нужный переулок, нашел старый одноэтажный домик, на котором висела жестяная вывеска: «Парикмахерская» — толкнул жиденькую фанерную дверь и вошел в тесный зал ожидания.

Все стулья вдоль стены были заняты.

— Кто крайний? — спросил Нацуме.

— Я, — буркнул седой небритый здоровяк, по виду грузчик из порта.

— Я буду за вами,— сказал Нацуме и встал у двери, прислонившись к косяку.

С одного стула поднялся молодой матрос.

— Садитесь, гражданин,— кивнул он Нацуме,— а я постою.

— Что вы! Что вы! — замахал руками Нацуме.— С какой стати! Сидите, ради бога!

— Садитесь, садитесь! — настаивал матрос.— Я как-никак помоложе вас.

Против этого возразить было трудно. Пробормотав несколько раз «спасибо», Нацуме сел на стул и достал из кармана газету.

Кто-то в очереди вздохнул.

— Что, ждать надоело?— спросил грузчик.

— Надоело.

— Может, в другую парикмахерскую пойдём?

— Нет смысла. Во-первых, сегодня везде народу полно: суббота, сами знаете. А во-вторых, привык я к дяде Косте, рука у него легкая.

— Да, ничего не скажешь — мастер.

— Мастер-то мастер, это правда, но не худо было бы второго завести.

— Дяде Косте это ни к чему. Второй мастер для него, как говорится, все равно, что второй медведь в одной берлоге.

Очередь понемногу рассасывалась.

Последним в очереди перед Нацуме был тот самый матрос, который уступил ему место. Видимо желая быть уж до конца вежливым, он предложил Нацуме поменяться с ним очередью. Но тот категорически отказался.

— Нет, нет! — воскликнул Нацуме.— Я никуда не тороплюсь и ни в коем случае не могу позволить себе отнимать лишнее время у такого благовоспитанного молодого товарища... Большое вам спасибо, но я даже и слышать об этом не хочу!

— Следующий! — послышался голос парикмахера, и матрос пошел к креслу.

Дядя Костя довольно долго возился с ним. Наконец подошла очередь Нацуме.

Нацуме сел в кресло.

— Постричь? — спросил парикмахер, глядя на отражение клиента в зеркале.

— Да.

— Как вас постричь?

— Я хотел бы под бобрик.

Парикмахер насторожился и пристально посмотрел на Нацуме.

— А не больше ли вам пойдет бокс?

— Бокс нынче не в моде.

Нацуме не обернулся к парикмахеру, но в зеркало он видел, как с лица дяди Кости пропала дежурная улыбка и в глазах появилось выражение озабоченности и тревоги.

— Одну минуточку, — проговорил парикмахер и достал из-за зеркала фанерную дощечку, на которой было написано: «Закрето».

Он вышел с дощечкой на улицу, повесил ее на входную дверь и, возвратясь в парикмахерскую, запер за собой дверь на ключ.

— Я вас ждал на прошлой неделе, — сказал дядя Костя, становясь сзади Нацуме. — Почему вы задержались? И почему, собственно, пришли вы, а не Хиросита?

— Хиросита провалился при переходе границы. И вообще, к чему все эти вопросы? Пароль правильный, значит, все в порядке.

— Чем могу служить? — наклонил голову парикмахер, видимо подавляя в себе желание что-то возразить Нацуме.

— Организуйте встречу с Миасуда. И чем скорее, тем лучше.

— Это можно. Только условимся: в моей парикмахерской вы больше не появляетесь. Встречаемся сегодня в восемь вечера у гостиницы.

— Хорошо.

— Теперь я вас побрею. Каждую минуту сюда может заявиться кто-нибудь.

Нацуме уселся в кресле поудобнее и, разглядывая в зеркало щетину на своем подбородке, сказал:

— Да, побриться мне не мешает. Даже очень кстати.

В это время послышался стук в закрытую дверь, и громкий грубый голос требовательно прокричал:

— Эй, дядя Костя, рано закрылся! Давай открывай! Парикмахер подошел к двери.

— Чего стучите? Разве я не имею права пообедать? Вот люди,— с укоризной проговорил он,— не могут подождать.

— Ладно, не сердись,— ответил голос.— Валяй обедай, я подожду.

Но парикмахер смилостивился и отпер дверь.

— Входи. Так и быть, обслужу тебя до обеда.

Впустив посетителя, дядя Костя вернулся к Нацуме.

Теперь, уж конечно, говорить ни о чем было нельзя, и поэтому дядя Костя и Нацуме обменивались лишь обычными фразами, какими обмениваются парикмахер и клиент.

— Вас бритва не беспокоит?

— Нет, спасибо.

— Одеколончику прикажете?

— Пожалуйста.

— Пудру положить?

— Не надо. Сколько я вам должен?

— Три рубля пятьдесят копеек.

— Получите, пожалуйста.

Нацуме расплатился и вышел из парикмахерской.

До назначенного для свидания часа оставалось еще

довольно много времени, и Нацуме зашел пообедать в какую-то столовую. Ни на кого не глядя, стараясь ни с кем не встретиться глазами, он быстро покончил с обедом и, выйдя на улицу, смешался с толпой.

Вечерело. Заходящее солнце золотило водную гладь Татарского залива. Постепенно город окутывали вечерние сумерки. В городском парке зажглись огни.

Нацуме сидел на скамеечке в боковой темной аллее и прислушивался к доносившейся с танцевальной площадки музыке. Народу в парке было еще мало.

Нацуме посмотрел на часы. Они показывали без двадцати пяти восемь.

Оркестр на танцплощадке заиграл вальс «Амурские волны», с каждой минутой на аллеях прибавлялось все больше и больше прогуливающихся парочек.

Дядя Костя стоял возле гостиницы. Когда из-за угла показался Нацуме, дядя Костя повернулся и пошел прочь от гостиницы по пустынной, плохо освещенной улице.

Нацуме шел, то и дело попадая в лужи, и злился. Дядя Костя почему-то не внушал ему доверия, и ему казалось, что этот русский обязательно втянет его в какую-нибудь неприятную историю.

В одном месте Нацуме оступился и упал. Дядя Костя даже не обернулся.

Нацуме обозлился еще больше, хотя понимал, что парикмахер поступил правильно и совершенно незачем обнаруживать им интерес друг к другу.

Перед тем как свернуть в переулок, дядя Костя остановился на углу, чтобы показать Нацуме, куда идти дальше.

Переулок тонул во мраке, здесь не было ни одного фонаря.

Вдруг впереди темноту прорезал ослепительный луч автомобильных фар.

Дядя Костя и Нацуме невольно отступили с дороги к тянущемуся вдоль переулка забору.

Машина, поравнявшись с ними, затормозила, и из кабины выглянуло молодое чумазое лицо шофера.

— Граждане, скажите, как проехать на Советскую улицу?

Дядя Костя облегченно вздохнул и с готовностью принялся объяснять шоферу дорогу.

Грузовик уехал, и в переулке стало еще темнее.

— Слава богу...— проговорил дядя Костя.

— Тсс...— оборвал его японец.

Пройдя до конца переулка, упиравшегося в подножие горы, дядя Костя остановился перед небольшим домиком, таким же темным, как и все остальные вокруг.

— Здесь,— шепнул он.— Имейте в виду, что с этого момента ваша фамилия Уручев. Уручев Василий Иванович.

— Понятно. Дальше.

— Вы — агент по реализации продукции нивхского рыболовецкого колхоза «Ныйво». Паспорт, командировочные документы получите здесь.

— Значит, я гиляк?

— Не гиляк, а нивх. При советской власти они уже не называются гиляками. Смотрите, не оговоритесь.

— Ясно.

— Хозяин дома, который известен вам как Миасуда живет под именем Александра Захаровича Вымпелова. Вы — его знакомый.

Дядя Костя тихо постучал в дверь: сначала три раза, потом немного погодя еще два.

— Вот и они, наши гости,— послышался из дома громкий голос.— Оленька, зажги свет!

Дверь открылась, и Нацуме увидел в прихожей высокого костлявого мужчину в сером костюме.

— Здравствуйте, здравствуйте, Александр Захаро-

вич,— приговаривал дядя Костя, раздеваясь.— Здравствуйте, Ольга Семеновна.

— Здравствуйте,— ответила милостивая женщина.

Дядя Костя представил ей Нацуме:

— Это Уручев, агент из «Ныйво»... Василий Иванович Уручев.

— Очень приятно.

Все прошли в просторную комнату.

Хозяйка улыбнулась гостям:

— Извините, я покину вас. У вас, видимо, деловые разговоры, а я пойду на кухню приготовлю что-нибудь на ужин.

Ольга Семеновна ушла.

Миасуда энергично пожал руку Нацуме.

— Рад вас видеть, господин Хиросита.

— Хиросита, видимо, погиб. Он поплатился за собственную неосторожность.

— Ай-яй, какая жалость! — Миасуда покачал головой.— Да, вам сейчас приходится трудно, очень трудно. Да и нам нелегко. Генеральное консульство в Александровске закрыли, передавать сведения стало почти невозможно. Вы пришли очень кстати.

— Мы высоко ценим ваш труд, господин Миасуда.

— У меня имеются схемы расположения советских воинских частей по состоянию на первое октября. Большинство сведений удалось уточнить путем расспросов солдат и офицеров, с которыми я встречался в последнее время в Дербинске, в Кировске и здесь, в Александровске. Но кое-что еще нуждается в проверке.— Миасуда покосился на дверь в кухню.— Да, я должен предупредить на всякий случай: жена в мои дела не посвящена.

— Конечно, зачем волновать такую очаровательную женщину,— кивнул Нацуме.— Итак, Александр Захарович, закончим поскорее разговор о делах.

Миасуда вышел в соседнюю комнату и вернулся оттуда с двумя гильзами от охотничьих патронов и небольшим пакетом в клеенке.

— В патронах пленка, в пакете ваши документы.

Нацуме достал из кармана пачку денег и положил на стол.

— Тут десять тысяч.

Миасуда быстро схватил деньги и бросил в ящик стола.

— О следующей встрече договоримся по телефону,— продолжал Нацуме.— Я вам позвоню на работу в Сахторг восьмого ноября в двенадцать часов дня.

— Восьмого мы не работаем,— сказал Миасуда.

— Вот это именно и хорошо: вы сможете говорить без помехи. Итак, восьмого ноября вы под любым предлогом должны быть в Сахторге. Теперь нам лучше уйти. Я выйду первым, а вы,— обратился он к дяде Косте,— побудете здесь еще полчаса.

В это время в комнату вошла хозяйка.

— Прошу к столу,— приветливо улыбнулась она.

— К сожалению, гости покидают нас,— развел руками Миасуда.— Вот уговариваю, уговариваю их остаться, а они ни в какуюю.

— Да, да,— подтвердил Нацуме,— от всей души спасибо, но мы не можем больше задерживаться. Дела!

После ухода Нацуме и дяди Кости прошло довольно много времени, когда Миасуда снова услышал условный стук в дверь: три удара, потом еще два.

Он подождал немного. Стук повторился.

— Кто там? — спросил Миасуда.

— Я,— слышался в ответ голос дяди Кости.— Откройте, Александр Захарович.

— Что там еще? — недовольно проворчал Миасуда, отпирая дверь.

В прихожую вошел дядя Костя, и тотчас же из-за его

спины выступили трое: майор и два солдата. Миасуда не успел ничего сообразить, как увидел перед собой дуло револьвера.

— Ни с места. Руки вверх! — сказал майор.

— Что такое? В чем дело? — дрожащим голосом проговорил Миасуда, поднимая руки.

— Вы арестованы.

— По какому праву? Я советский служащий...

— Можете не объяснять, гражданин Вымпелов, он же Миасуда, он же бывший начальник Южносахалинской тюрьмы Выдров. Надеюсь, я ничего не перепутал?

Миасуда-Выдров весь обмяк и опустил голову.

На голоса в прихожую вышла Ольга Семеновна.

— Что случилось, Саша? — бросилась она к мужу.

Солдаты удержали ее.

— Он вовсе не Саша, — сказал майор. — У него имеется другое имя.

— Вы что-то перепутали, товарищ майор. Он Саша, Александр Захарович Вымпелов. Я не знаю никакого другого имени.

— Видимо, вы многого не знаете. Очень сожалею, но вам придется узнать немало неожиданного о вашем муже. Вы, конечно, понимаете, что без достаточно серьезных причин мы не стали бы нарушать ваш покой. А теперь, гражданка, принесите вашему мужу одежду. Он поедет с нами.

Глава четырнадцатая

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

После Октябрьских праздников, проведенных в Онорской школе, Атаманыч всерьез занялся учебой. Нина прислала ему все учебники. Теперь ежедневно он занимался историей, физикой, химией — ему не хотелось ни в чем отстать от школьных товарищей, от Нины. Остапов

и Кандалин, которого перевели недавно в разведвзвод, как могли, помогали ему.

Время шло, наступила зима. Голые деревья стояли в снегу. Над головой висели тяжелые свинцовые тучи.

В одно морозное утро разведвзвод вышел на тактические занятия.

С севера дул ледяной ветер, мела поземка.

— Ну и погода! — сказал Миша, идя на лыжах позади Кандалина.

— Ничего, Мишук, — отозвался тот, — бывает и хуже.

— Небось в такую погоду ни один японец выйти не решится.

— Вот и ошибаешься, — ответил Кандалин. — Японцы — сильные лыжники.

— А ты видел их?

— Понимать надо: раз живут здесь, значит, и морозов не боятся, и на лыжах должны уметь ходить. Ну ладно. Не отставай!

Разведчики поднялись на возвышенность. Здесь ветер еще злее. Но вот добрались до ельника, и ветер как будто утих, во всяком случае, под защитой деревьев не так чувствовалась его свирепая сила.

— Товарищи, — сказал лейтенант Остапов, — в этом районе мы проведем сегодня наши тактические занятия. Тема занятия — изучить местность, нанести на топографическую карту. Обстановка — условно-боевая, иными словами, нужно вести себя так, как на войне. Не думайте, что, если не свистят пули и не рвутся снаряды, можно считать все это игрой. Это репетиция военных действий. Понятно?

— Так точно! — отозвались бойцы.

— Рядовой Кулагин! — вызвал лейтенант.

— Я!

— В вашей группе будет четыре человека: Захаров, Воронов, Ковальчук и вы. Вы назначаетесь старшим. За-

дание — подойти вплотную к хребту, нанести местность на карту и тем же путем вернуться обратно. С дороги пришлете донесение. Задача ясна?

— Так точно, товарищ лейтенант! — бойко ответил Кулагин.

— Выполняйте.

— Ефрейтор Речкин!

— Я!

Пока лейтенант давал указания остальным группам, Кулагин со своим отрядом успел уйти уже далеко.

Лыжники медленно продвигались по глубокому снегу.

Впереди показался овраг, слева виднелась высотка. Кулагин остановился, нанес на карту овраг и высотку. Когда, по его предположению, была пройдена половина пути, он отослал Захарова и Воронова с донесением к командиру взвода, а сам вдвоем с Мишей продолжал идти вперед.

...Метель все усиливалась. Теперь даже в ельнике, где, поджидая донесения от ушедших групп, расположились Остапов, Кандалин и еще два сержанта, чувствовалось, что начинается настоящий буран.

Кандалин с тревогой думал о Мише. Конечно, Атаманч — парнишка смысленый, но все равно как бы не случилось чего...

В это время пришли бойцы с донесением от Кулагина.

Остапов выслушал донесение, посмотрел карту-схему и удовлетворенно сказал:

— Порядок! — потом он протянул листок Кандалину. — Посмотрите, товарищ сержант, на маршрут разведчиков вашего отделения. Что вы о нем скажете?

Кандалин взглянул на схему маршрута:

— Товарищ лейтенант, схема сделана неплохо — умело, грамотно. Но, по-моему, Кулагина и Ковальчука надо немедленно вернуть.

— Это еще почему? — нахмурился Остапов.

— Вы сами знаете, местность у отрогов Камышового хребта изрезана глубокими лощинами. В такую погоду очень опасно...

— Сержант Кандалин! — перебил его лейтенант. — Прекратите ненужные разговоры! Мы кого готовим — боевых разведчиков или маменькиных сынков?

— Так-то оно так, — вздохнул Кандалин, не в силах унять чувства тревоги.

Лейтенант Остапов сунул в рот папиросу, но зажечь на таком ветру спичку нечего было и думать — вьюга, казалось, взбесилась. Как сказочный великан, она с силой трясла деревья, отламывая от них огромные ветки и швыряя их далеко в сторону, как легкие щепки.

Кандалин видел, что Остапов ломает одну спичку за другой.

— Пойдите, товарищ лейтенант, давайте я вас полами шинели укрою — закурите...

На этот раз лейтенанту удалось закурить, он несколько раз глубоко затянулся.

Потом Остапов посмотрел на часы, на бушующие вихри снега, перевел глаза на встревоженное лицо Кандалина и сказал:

— Вот что, сержант, бери двух бойцов и отправляйся по маршруту Кулагина. Пусть возвращаются...

— Слушаюсь, товарищ лейтенант! — обрадовался Кандалин и, не теряя ни минуты, кивнул Воронову и Захарову: — Пошли!

* * *

*

Кулагин и Атаманыч в это время шли и шли в сторону Камышового хребта, все больше удаляясь от места стоянки.

Кулагин обернулся к идущему сзади мальчику.

— Прибавь шагу! — крикнул он.

Но Миша не расслышал его слов — ветер тотчас же отнес их в сторону.

Кулагин хотел крикнуть, что они смогут отдохнуть в молоденьком ельнике, что темнел впереди, но понял, что ему не перекричат ветер, и только махнул лыжной палкой в сторону ельника.

Миша понимающе кивнул головой.

Они добрались до первых елок. Здесь можно было перевести дух.

— Чертов буран! — сказал Кулагин, воткнув в снег палки и вытирая рукавицей залепленное снегом лицо. — Так и кажется, что весь свет перевернулся вверх ногами! Придется возвращаться...

— Как — возвращаться? — удивился Атаманыч. — Командир приказал подойти к хребту вплотную, нанести местность на карту и только тогда возвращаться...

— «Приказал, приказал»! — ворчливо проговорил Кулагин. — Что же, нам пропадать здесь, что ли? Сам видишь, какая погода!

— Ну и что? — запальчиво возразил Миша. — На войне на погоду не смотрят!

— Так то на войне, а тут случись что с тобой, мне же попадет.

— Ты мной не прикрывайся! — крикнул Атаманыч. — Скажи, боишься!

— Подумаешь, какой герой сопливый выискался! — рассердился Кулагин.

Дальше Миша не слушал. Сильно оттолкнувшись палками, он скатился по склону сопки, и белая пелена снега поглотила его.

— Ковальчук! Куда ты? — закричал Кулагин.

Но никто не отозвался, лишь слышался свирепый вой ветра.

— Ничего, далеко не уйдешь, вернешься, — проворчал Кулагин и стал ждать.

Но прошло десять, пятнадцать, двадцать минут — мальчик не возвращался.

«Вот чертенок, — уже начиная тревожиться, подумал Кулагин. — Придется идти по следу».

В эту минуту он увидел сквозь снег три неясные фигуры. Они приблизились; это оказались сержант Кандалин с двумя бойцами.

— Где Атаманыч? — сразу же встревоженно спросил сержант.

— Я его останавливал, товарищ сержант. Говорил, давай немного отдохнем... А он не послушался... Но он не успел далеко уйти... Я ему говорю...

— В какую сторону он пошел? — сурово сдвинув брови, перебил его Кандалин.

— Вот сюда. Я сам собрался его догонять, смотрю — лыжню занесло...

Разведчики спустились с сопки. Внизу явственно обозначилась лыжня. А тут еще ветер начал ослабевать, метель утихла, и теперь редкие легкие снежинки медленно кружились в воздухе, плавно опускаясь на землю. Разведчики ходко шли по следу.

* * *

*

А Миша, пройдя километра три, совсем выбился из сил.

«Надо немного отдохнуть и нанести маршрут на топ-карту, — подумал он. — Кулагин небось вернулся. Но я должен выполнить приказ командира, дойти до Камышового хребта».

Он увидел высокую елку с низко опущенными ветками, которые образовали что-то вроде шалаша, и, сняв лыжи, залез в этот шалаш. Внутри было очень тихо. Внизу — ковер из сухой желтой хвои, по бокам — ветки елки, все в ледяных сосульках. Сюда не проникал ни ветер, ни снег.

Огромный зверь, поднявшись на задние лапы, двинулся на него.

Атаманыч немного отдохнул, потом достал из противогазной сумки бумагу и карандаш.

— Та-ак... Значит, вот тут — сопка, где остался Кулагин. Потом — спуск. Потом — лощина. Вот тут — кусты. Та-ак... Теперь — овраг, подъем. Тут — ровное место. И, наконец, вот эта елка-шалаш. Вот и готово!

Миша высунул голову из шалаша. Метель утихла. Это хорошо. Пожалуй, пора двигаться в путь, дальше, к Камышовому хребту... Он вылез наружу и только наклонился к лыжам, как до него донесся знакомый голос Кандалина:

— Миша-а! Атаманы-ыч! Ау-у!

— Ау! — закричал Миша. — Я здесь! Ау-у!

И вдруг он услышал позади себя рычание.

Миша вздрогнул, мурашки побежали у него по спине.

«Японец!» — было его первой мыслью.

— Ни с места! Пристрелю! — крикнул он, вскидывая автомат.

Но из-под ели вылез большой лохматый медведь. Но прежде, чем мальчик понял, что это медведь, огромный зверь, поднявшись на задние лапы, двинулся на него.

От неожиданности Миша растерялся. Лишь когда медвежья зубастая пасть оказалась совсем рядом, он вскинул автомат и, не целясь, дал короткую очередь по зверю и побежал, увязая по колено в снегу.

Сделав несколько шагов, он остановился и оглянулся. Раненый зверь с яростным рычанием бросился за ним.

Атаманыч снова поднял автомат, но от волнения вместо спускового крючка он дергал предохранительную скобу. Автомат молчал.

А медведь уже рядом. Бежать бесполезно: все равно догонит.

Атаманыч когда-то слышал, что медведи не трогают мертвых. Он упал в снег, сжался в комок и затаил дыхание.

Медведь подошел, понюхал его. Мальчик не шелохнулся. Тогда медведь поддел его мордой и бросил на пенек. Ногу пронзила острая боль. Миша сжал зубы. И тут он услышал выстрел. Медведь упал рядом, едва не придавив его.

Атаманыч открыл глаза и увидел склонившегося над ним сержанта Кандалина.

Глава пятнадцатая

В ГОСПИТАЛЕ

Два санитары вынесли Мишу на носилках из санчасти и осторожно положили в сани. Сержант Кандалин, который должен был везти его в Онор, в госпиталь, покрыл мальчика огромным тулупом, подоткнул полы, чтобы не дуло, заботливо поправил сено, и, сев рядом, взял в руки вожжи.

Сани легко тронулись с места.

Природа, казалось, отдыхала после сегодняшней непогоды. На чистом холодном небе, переливаясь, сияли яркие зимние звезды. Вдоль дороги, не шелохнувшись, стояли запущенные снегом деревья. Кругом тихо-тихо. Только слышно, как скрипят полозья.

Под их успокаивающий скрип Миша скоро задремал. Кандалин сидел задумавшись. Он думал о том, что ему уже скоро сорок лет, а жизнь сложилась так, что не обзавелся он своей семьей. Сержант уж и не надеялся, что будет у него когда-нибудь родная душа. Но вот судьба свела его с этим парнишкой, сыном погибшего фронтовика, и стал ему, сержанту Кандалину, этот парнишка то ли сыном, то ли братом. Нет у него на свете человека ближе и дороже, чем Миша — Атаманыч...

Лошадь поднялась на пригорок, впереди показались огоньки.

— Миша, — тихонько позвал Кандалин, — гляди-ка, Оноп!

Мальчик открыл глаза и приподнялся на локте.

— Оноп! — повторил он.

Некоторое время проехали молча, потом Атаманыч задумчиво проговорил:

— Знаете, Владимир Григорьевич, люблю я наше село. Говорят, что раньше в Онопе стояло всего семь избушек. В них ссыльные жили. А теперь Оноп на весь Сахалин известен. У нас там теперь в каждом доме электричество, радио. А какая школа у нас хорошая! Клуб есть, почта, госпиталь...

Кандалин крякнул:

— Да, госпиталь... Его-то нам с тобой и надо...

В госпитале Мишу сразу же пронесли в хирургическое отделение.

Кандалин, сидя на лавочке в коридоре, не сводил глаз с белой высокой двери. Наконец она открылась, и пожилой врач вышел в коридор.

Кандалин вскочил.

— Вы сопровождали мальчика?

— Так точно.

— У него сломана нога. Мы наложили гипс, теперь ему нужен покой. Он останется у нас, а вы, сержант, можете возвращаться в полк. Передайте командиру, что мальчик скоро поправится.

На другое утро в палату, где лежал Миша, вошла молоденькая медсестра.

— Как ты себя чувствуешь, Атаманыч? — спросила она.

Миша удивленно поднял брови.

— Откуда вы знаете, что меня так зовут?

— От твоих друзей. Пока ты спал, сюда приходил сержант Кандалин и потом какая-то девочка. Такая голубоглазая, с косами.

«Нина!» — сразу понял Миша, и сердце его тревожно забилось.

— Где она?.. То есть я хотел спросить: где они?

— Ушли. Девочка, наверное, на уроки побежала, а сержант тебе записочку оставил.

Из кармана халата сестра достала записку:

— Читай.

Она отошла к другим больным, а Миша развернул записку.

Дорогой братишка! Думал тебя навестить, да не пустили к тебе, говорят — спишь. Спи на здоровье, набирайся сил и поправляйся скорее. Из шкуры твоего медведя подполковник приказал сделать чучело и подарить его Онорской школе. Я к тебе часто буду приезжать.

С боевым приветом В. Кандалин.

— Этот сержант тебе родня, что ли? — спросила сестра.

— Да, это мой брат, — чуть запнувшись, ответил Атаманыч.

— То-то я смотрю, уж очень он о тебе беспокоится. Говорит, ты медведя убил. Правда?

С четырнадцати коек поднялись четырнадцать голов. Все удивленно смотрели на мальчика.

— Нет, это он сам убил, я только ранил...

— Брехня! — сказал молодой парень, лежавший на соседней с ним койке. — Откуда зимой в лесу медведь? Небось пень увидели и приняли за медведя.

— Сам ты пень, — отозвался кто-то из дальнего угла. Ты что, не слышал, бывают медведи-шатуны? Они берлоги себе не устраивают, шатаются по лесу, а спать захочется — завалятся куда-нибудь под елку.

— Точно! — подтвердил Миша. — Он как раз под ел-

кой спал. Я его не заметил, под той же елкой от метели прятался...

— Ну, а дальше что? — раздалось сразу несколько голосов.

Миша не заставил себя упрашивать и рассказал о вчерашнем приключении.

— Ты молодец, парень, видать, не из трусливых, — сказал мужчина с перевязанной головой. — Видать, не зря тебя Атаманычем прозвали.

— Скажите, — обратился Миша к медсестре, — Нина не сказала, когда она еще придет?

— Какая Нина? — не поняла сестра, но, увидев, что лицо мальчика залила краска смущения, догадалась: — А-а... Нет, она ничего не сказала.

Нина пришла в тот же день и приходила ежедневно. Приходили ребята из школы; часто, как и обещал, приезжал Кандалин. Несколько раз его навестил лейтенант Остапов, и время от времени сестра говорила Мише:

Опять ваш подполковник звонил, о твоём здоровье справлялся.

Миша шел на поправку медленно.

Однажды Нина пришла необычайно радостная.

— Знаешь, Миша, — сказала она негромко, — нам, мне и Ване Крутикову, объявлена благодарность от командования.

— Тебе и Ване Крутикову? Шутишь?

— Честное пионерское!

— За что?

Нина обвела глазами палату, где, кроме Миши, лежали еще четырнадцать человек:

— Сейчас не могу сказать. Это военная тайна!

— Военная тайна?

— Ну, не совсем военная тайна. Я тебе все подробно расскажу, только потом.

— Ну ладно, потом так потом.

«НЕ СОВСЕМ ВОЕННАЯ ТАЙНА»

Наконец Мише разрешили вставать, ходить (конечно, с костылями), и вот наступил день, когда ему позволили выйти на прогулку.

Миша ждал Нину. Сестра уже не раз предлагала проводить его с крыльца, но он решил все-таки дождаться Нину.

Наконец Нина пришла.

— Пойдем во двор,— сказал Миша.

— Ой, Миша, гулять разрешили? — всплеснула она руками.— Вот хорошо-то!.. А я задержалась — у нас был лыжный кросс. Наш класс занял первое место!

Они вышли во двор и сели на лавочку.

Миша смотрел на Нину. Она была в голубом лыжном костюме, из-под белой вязаной шапочки выбилось несколько кудряшек, щеки разрумянились, а глаза блестели весельем и задором.

Заглядевшись на нее, он даже не слышал, что она ему говорила.

— Да ты меня не слушаешь! — вдруг дошел до него ее обиженный голос.— Тебе что, не интересно?

— Ну вот, с чего ты взяла? — смущенно пробормотал Миша.

— С того и взяла, что ты смотришь как-то сквозь меня.

— Ничего не сквозь, я на тебя смотрю. Ты сегодня какая-то... необычная...

— Глупости! — буркнула Нина и отвернулась так, что ему было видно только ее заалевшее ухо.

Ярко светило февральское солнце. На снегу лежали голубые тени.

— Теперь, Нина, расскажи свою военную тайну, ты обещала... Что же вы сделали с Ваней Крутиковым?

Девочка живо повернулась к нему:

— Мы поймали шпиона!

— Вы?!

— Не веришь? Сам начальник погранзаставы сказал, что мы очень помогли пограничникам. Особенно Ваня.

— Настоящий шпион? — недоверчиво переспросил Миша. — Откуда же он взялся в Оноре?

— Настоящий, — кивнула Нина. — Самурай! А откуда он взялся, надо вас спросить, товарищ пограничник!

Мишу больно кольнули последние слова Нины, он даже хотел ответить что-нибудь резкое, но сдержался.

— Сейчас я расскажу все по порядку, — улыбнулась Нина. — Хочешь?

— Еще бы! Рассказывай скорей!

— Ну вот, — начала девочка. — Седьмого ноября в школе был вечер...

— Это я знаю, — перебил Миша. — При чем тут самурай?

— Ты подожди, не перебивай. Восьмого утром ты уехал из Онора, а мы с Ваней Крутиковым и еще несколько ребят из других классов пошли в школу убирать зал. Когда мы выходили из школы, Ваня мне говорит:

«Пойдем со мной на почту».

Я говорю:

«Зачем?»

А он говорит:

«Мне надо заказное письмо дяде отправить».

Ну, я согласилась.

Приходим мы на почту, там пусто. Сидит только начальник — дядя Яша, телефонистка и какой-то человек, по виду заготовитель или уполномоченный.

Только мы вошли, слышим этот уполномоченный кричит на телефонистку:

«Это безобразие! Сколько можно ждать?»

Телефонистка ему отвечает:

«Что же я могу поделывать, если вызванный вами абонент не отвечает. Может, он в гости ушел, ведь сегодня праздник».

«Кому праздник, а кому тут торчать...» — заворчал уполномоченный, но тут телефонистка говорит:

«Успокойтесь... Вот, кажется, звонят по вашему вызову. Так и есть, пройдите в кабину».

Тут Ваня стал дяде Яше письмо сдавать, а уполномоченный зашел в кабину. Он так кричал, что на всей почте было слышно. Слышу, он говорит:

«Алло! Это Сахторг? Позовите Вымпелова! Кто спрашивает? Уручев. Да, да, Уручев, уполномоченный рыболовецкого колхоза «Ныйво». А это кто говорит? Сторож? Позовите Александра Захаровича! Да, да, Вымпелова! Что? Забрали? Кто забрал? А...»

Тут он как-то сразу осекся, бросил трубку и выскочил из кабины.

Телефонистка ему говорит:

«Гражданин, оплатите разговор. Сейчас я выпишу вам квитанцию».

Он бросил ей деньги — и за дверь.

Тут дядя Яша вскочил и говорит:

«Как же так? Он называет себя Уручевым. Но я прекрасно знаю уполномоченного колхоза «Ныйво» Уручева. Это не он! Ну-ка, ребята, последите за этим человеком, а я сообщу кому надо».

Вышли мы с Ваней с почты, смотрим — идет этот уполномоченный по улице так это спокойно, вразвалочку, потом свернул на тропинку, которая ведет в Абрамовку, к реке пошел.

Я Ване шепчу:

«Давай его обгоним, как будто просто на речку бежим. А то он видел нас на почте, если оглянется, может догадаться, что мы за ним следим...»

«Давай», — отвечает Ваня.

Обогнали мы его, он увидел нас и крикнул:

«Куда вы, шалуны?»

Я нарочно громко кричу:

«Ваня, бежим к Кетовому омуту! Посмотрим, может, рыба поймалась!»

Спустились мы к Онорке. Смотрим — уполномоченный к реке не пошел, свернул к лесу.

«Дядя! — закричал Ваня. — Дядя, пойдите сюда, помогите вытащить рыбу».

Но он притворился, что не слышит, и шагу прибавил.

Тогда Ваня мне сказал:

«Беги в село, встречай дядю Яшу с пограничниками. Скажешь, что он пошел в лес. Я один за ним послежу».

«Ой, Ваня, говорю, как же ты за ним в лес пойдешь?»

А он отвечает:

«Сейчас раздумывать некогда. Вы только приходите поскорее».

Побежала я обратно в село. Смотрю — навстречу дядя Яша с двумя пограничниками. И овчарка с ними.

Я кричу:

«Товарищи, скорее! Он уходит!»

Пограничник говорит:

«Никуда он не уйдет! Где твой товарищ?»

«Ваня пошел за ним в лес».

Пограничники переглянулись, и один сказал:

«Как бы он не разделался с мальчишкой. Давайте ходу!»

Все побежали по тропинке. Собака рвется, того гляди, поводок оборвет.

Дошли до оврага, смотрим — под кустом Ваня лежит. Он приложил палец к губам: тише, мол. Мы осторожно подошли к нему и затаились в кустах. Ваня показывает рукой на ту сторону оврага, а там шалаш охотничий.

Ваня говорит:

«Он меня не заметил... В шалаше спрятался, небось хочет там ночи дожждаться...»

Пограничники велели нам с Ваней оставаться на месте, а сами к шалашу поползли. Ну, тут «Руки вверх!» и все такое. В общем, он оказался японским шпионом. Представляешь?

— Представляю,— медленно ответил Миша, не глядя на Нину.

— Ты что такой? — встревожилась Нина.

— Так...

— Знаешь, Ваня говорит: «Я буду пограничником».

— Хорошо твоему Ване за шпионами гоняться, он не на костылях, как я! — вдруг с горечью сказал Миша.

Нина опешила.

— Во-первых, Ваня не мой, а потом — он не вино-

ват, что ты на костылях. Так что я не пойму, чего ты злишься...

Миша опустил голову.

— Я не злюсь,— сказал он тихо.— Просто я боюсь хромым остаться. Тогда не видать мне армии как своих ушей. А для меня теперь армия — родной дом, семья, все-все. Понимаешь?

— Понимаю...— Нина положила руку ему на плечо.— Не падай духом, Миша. Ты поправишься — вот увидишь! В это время на крыльцо госпиталя вышла сестра: — Ковальчук! К врачу!

Миша кивнул Нине и заковылял к крыльцу.

— До свидания, Миша,— сказала Нина ему вслед.— Я приду завтра.

В кабинет врача Миша явился, не остыв после разговора с Ниной.

— Долго мне еще тут валяться? — спросил он врача.— Ведь я совсем здоров!

-- Здоровых мы не держим в госпитале,— ответил врач.— А вы, молодой человек, чем-то расстроены?

— Ничем я не расстроен. Просто надоело... Честное слово, сняли бы гипс и выписали...

— Ишь ты какой прыткий! — засмеялся врач.

Он осмотрел Мишину ногу.

— Рановато, молодой человек, о выписке говорить. Придется еще немного на костылях попрыгать. Зато срастется нога, будет лучше новой!

Глава семнадцатая

«ПРОЩАЙ, ГОСПИТАЛЬ!»

Весна! Всюду тебя ждут с нетерпением, а здесь, в дремучих лесах Сахалина, ты особенно дорогая и желанная гостья. Пустой лес печально шумит, ожидая прилета птиц,

которые наполнят его щебетом и пением. И реки ждут, когда, освободясь ото льда, они потекут свободно и вольно, играя чистыми быстрыми струями... Приходи, прилетай, торопись, красавица весна!..

С каждым днем Мише было все труднее и труднее ждать выписки. И ласковое солнце, и синее небо.— все говорило, что весна близка, что скоро она будет здесь. Из открытой форточки тянуло сыроватой свежестью, снег почернел, на дороге местами выступила вода.

Мишу перевели в палату для выздоравливающих. Тут было немного веселее: можно было поиграть в шашки или домино, послушать рассказ бывалого солдата.

Кандалин почти каждый день приходил к Мише и подолгу оставался у него, стараясь по мере своих сил развлечь мальчика.

Однажды вечером, видя, что Атаманыч приуныл, да и остальные обитатели палаты что-то притихли, Кандалин предложил:

— Хотите, ребята, я расскажу вам сказку?

Все головы разом повернулись к нему.

— Хотим! — первым закричал Миша.

— Давай, сержант, рассказывай, — отозвалось несколько голосов. — Только интересную!

— Правду сказать, это даже не сказка, а легенда, — сказал Кандалин. — Старинная марийская легенда.

Он откашлялся и начал:

— В одной марийской деревне жил бедный охотник. Родился у него сын, и назвали его Чоткар, что по-марийски значит «сильный». И не зря его так назвали — стал он расти не по дням, а по часам. Когда ему было пять лет, он уже ходил с отцом на охоту и однажды подмял под себя медведя. С каждым годом становился он все сильнее, и скоро на всей Волге не было человека, равного ему по силе. Стал народ называть его Чоткар-богатырь.

Был Чоткар-богатырь с бедняками добр, а с богачами суров.

В те стародавние времена русские на берегах Волги еще городов не строили. А в приволжских степях жили татарские ханы, и они часто делали набеги на марийские земли.

Однажды собрал Чоткар-богатырь могучее войско и прогнал недругов с марийской земли.

Прошло много лет. Состарился Чоткар-богатырь, ушла от него прежняя сила. Созвал он людей со всего марийского края и сказал им:

«Слушайте меня, люди! Я прожил долгую жизнь. Теперь пришла мне пора умереть. Похороните меня на холме, на берегу Волги. А мой верный меч положите в могилу рядом со мной».

Тут все заплакали, а Чоткар сказал так:

«Не плачьте обо мне! Если будет у вас во мне нужда, придите к холму, где я буду лежать, и крикните громко: «Чоткар-богатырь, нас враги одолевают!» Тогда я встану и помогу вам. Но помните, только в великой нужде можно звать меня на помощь...»

Умер Чоткар-богатырь, и сделали люди так, как он велел. Похоронили его на высоком холме и меч его положили в могилу рядом с ним.

Шло время.

И вот один недобрый человек-богач, по имени Эшполдо, задумал злое дело. Темной ночью пришел он к холму, где лежал Чоткар-богатырь и закричал:

«Чоткар-богатырь, нас враги одолевают!»

Со страшным громом разверзлась могила Чоткара, и встал богатырь, высоко над головой держа свой меч. Глаза его сверкали отвагой, а длинная седая борода развевалась на ветру.

«Где враги?» — грозно спросил Чоткар.

Посмотрел он вокруг — все тихо и мирно кругом.

Понял Чоткар, что его обманули, и с тяжким стоном опустился в могилу. И могила закрылась над ним.

Тогда-то налетели на марийские земли вражеские орды.

Потекли реки крови, дым пожарищ встал над марийским краем.

Пошли марийцы к холму, где лежал Чоткар, и громко крикнули:

«Чоткар-богатырь! Нас враги одолевают. Помоги нам!»

Но не встал богатырь, лишь глухой его голос раздался из-под земли:

«Не могу я помочь вам, братья. Однажды уж был я разбужен черным обманом. Теперь мне не подняться... Но вы, братья, не вешайте головы, не опускайте рук. Соберите все силы и стойте насмерть против врагов. А еще мой совет: спустите лодку на воду Волги-реки, посадите в нее надежного человека, пусть плывет он к русскому народу, у него просит помощи. Русские вас не оставят».

И было все по словам Чоткара: пришли на помощь марийцам люди русские и бежали враги с марийской земли.

Вот какую легенду у нас рассказывают,— закончил Кандалин.

— Хорошая легенда...— задумчиво сказал Миша.

В это время в палату вошла сестра и сказала, что Ковальчука вызывает врач.

Миша вскочил, пошел к двери, с порога обернулся:

— Владимир Григорьевич, дождитесь меня, ладно?

Кандалин молча кивнул.

Миша вернулся по-прежнему с костылем, но сияющий, взволнованный.

— Ура! — закричал он с порога.— Гипс сняли! Доктор говорит, еще два-три дня, а там — прощай, госпиталь! Выпишут!

ПОБЕДА

Наконец наступил день выписки.

Утром врач осмотрел Мишину ногу, заставил его пройтись по кабинету и удовлетворенно похлопал мальчика по плечу:

— Все в порядке, Атаманыч. Теперь тебя хоть в ансамбль пляски.

В обед приехал Кандалин.

Он усадил Мишу в сани, устланные сеном, и велел закутаться в тулуп.

Миша просил дать ему вожжи, но сержант добродушно прикрикнул:

— Сиди и не прыгай! Твоей ноге покой нужен, а лошадь норовистая, понесет еще.

Поравнявшись со школой, сержант придержал коня.

— Зайдем? — повернулся он к мальчику и, не ожидая ответа, соскочил с саней.

Миша с Кандалиным поднялись на крыльцо и вошли в школьный коридор.

В школе было тихо. Шли уроки. Из-за закрытых классных дверей доносились отдельные слова.

— Глаголом называется такая часть речи... — слышалось из одного класса.

— Амеба... — слышалось из другого.

— Геометрическая фигура... — говорили в третьем.

Миша увидел на двери табличку «VIII класс». «Мой класс», — с волнением подумал он и, остановившись у двери, прислушался: кто-то читал наизусть стихи. «Урок литературы, — понял Миша. — Эх, заглянуть бы, посмотреть, кто где сидит». Он уже совсем было собрался на самую чуточку приоткрыть дверь и заглянуть в класс, но в это время услышал сзади шаги. Миша обернулся и увидел, что по коридору идет директор школы.

Сержант, приветствуя старого учителя, отдал честь, а Миша шагнул ему навстречу:

— Здравствуйте, Николай Александрович!

-- Здравствуй, солдат,— тепло улыбнулся директор. Он пожал руку Кандалину, потом взял мальчика за плечи и повернул его, как бы осматривая.— Как поживаешь, Ковальчук? А ты все такой же. Вот только вытянулся немного, подрос да бледноват как будто... Но это вполне понятно: ведь столько времени пролежал в госпитале. Ну ничего, на свежем воздухе быстро поправишься.

Прозвенел звонок, распахнулись двери классов, и, словно вода, прорвавшая плотину, в коридор хлынули ребята.

— Атаманыч! Ребята, Атаманыч приехал! — раздалось сразу несколько голосов, и ребята окружили Мишу, Кандалина и Николая Александровича.

— Атаманыч, расскажи, как ты убил медведя!

— Миша, тебя уже выписали из госпиталя?

— Ты еще поживешь в Оноре или поедешь в свою часть?

— Атаманыч, а правду говорят, что у тебя одна нога теперь деревянная?

Миша не успевал отвечать на вопросы.

Сержант с директором переглянулись и незаметно вышли из круга.

— Нет, ребята, нога у меня своя осталась,— засмеялся Миша, и для большей убедительности он несколько раз притопнул сначала одной, потом другой ногой.

Еще долго школьный коридор звенел ребячьими голосами. Но вот один за другим ребята потянулись домой, осталось трое Мишиных одноклассников: Валя Крутиков, Валерка и Нина.

— Ты уже видел чучело твоего медведя? — спросила Нина.

— Ой, правда! — спохватился Миша.— Я и забыл,

что оно тут. Пойдем посмотрим, я ведь тогда не успел разглядеть его как следует. Где оно?

— В зале,— отозвался Ваня Крутиков.— Айда, ребята, покажем Атаманычу его медведя.

Ребята пошли в зал.

Медведь, подняв одну лапу и широко оскалив зубастую пасть, стоял у стены возле двери.

Некоторое время ребята молча разглядывали огромного зверя.

— Да-а! — протянул Миша.

Все поняли его без слов, а Нина зябко поежилась.

В зал заглянул Кандалин.

— Рядовой Ковальчук,— улыбаясь, сказал он,— пора ехать.

Миша попрощался с ребятами, с Николаем Александровичем и вслед за Кандалиным вышел на крыльцо.

Нина вышла вместе с ним.

— Миша, ты очень торопишься? — спросила она.

Миша вопросительно посмотрел на сержанта, управлявшего вожжи.

— Торопимся,— отозвался сержант.— Но, если дело какое, можем и задержаться.

— Да нет, дела у меня никакого нет,— слегка краснея, ответила Нина.— Просто я хотела, чтобы вы к нам домой заехали, пусть мама на Мишу посмотрит...

— А-а, это можно,— пряча улыбку, сказал Кандалин.

Приближались майские праздники. Настроение у всех было приподнятое — наши войска вели бои под Берлином, все чаще можно было услышать заветное слово: «Победа!»

Накануне праздника в полку проводились проверочные стрельбы.

Вслед за штабным взводом на стрельбище вышел взвод разведчиков. Кандалин очень беспокоился за Мишу: мальчик долго пролежал в госпитале, в то время как остальные бойцы тренировались в стрельбе. Как-то он теперь будет стрелять?

Видимо, лейтенант Остапов думал о том же самом.

— Как бы Атаманыч нас не подвел,— сказал он сержанту.— У него автомат в порядке?

— Автомат-то в порядке. Я сам проверял, пристрелку сделал... Вот только тренировки у парня маловато...

— То-то и оно... Пойду погляжу...

Миша стрелял в последней пятерке.

Стараясь не волноваться, он пристально вглядывался вперед: там, в траншее, сейчас должна на короткое мгновение показаться мишень.

Вот она появилась, Миша взял ее на мушку, но она уже скрылась в траншее. Он, понимая, что опоздал, все же нажал спусковой крючок.

— Эх! — вырвалось у него.

Но тут мишень показалась снова. Миша, не теряя ни секунды, дал очередь из автомата и замер в ожидании. Мишень появилась в третий раз — и снова короткая очередь.

«Плохо!» — подумал Миша вставая.

Как слепень, зажужжал зуммер полевого телефона. Все с нетерпением смотрели на Остапова.

Остапов взял трубку и стал диктовать старшине:

— Первый. Поражены три мишени!

— Второй. Поражены три мишени!

— Третий...

«Это я!» — Миша весь напрягся.

— Поражены две мишени!

— Четвертый. Поражены три!

— Пятый. Поражены две мишени!

К Мише подошел улыбающийся Кандалин:

— Ну что, Мишук? Видишь, и ты попал в зачет.

— По первой мишени промазал,— хмуро, не поднимая глаз, ответил Миша.

— Ничего, дружок,— сержант потрепал его по затылку,— говорят, и Москва не сразу строилась!..

В ночь с восьмого на девятое мая Миша был дневальным в казарме. Он сменился в шесть часов утра, сразу же лег и заснул.

Сладко спится после бессонной ночи!

Мише снился какой-то праздник, веселый и шумный. Многие голоса слились в один радостный гул, и ничего нельзя было понять. Но вот кто-то голосом сержанта Дегтярева явственно проговорил: «Победа!» — и Миша узнал еще несколько голосов—ефрейтора Удалова, старшины Еремеева, и все они на разные лады повторяли одно и то же слово: «Победа!»

«Какой хороший сон мне снится!» — подумал Миша, но тут он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Да я только лег! — не раскрывая глаз, чтобы не спугнуть сон, ответил Миша, натягивая одеяло на голову.

— Проснись, Мишук! — услышал он над самым ухом возбужденный голос Кандалина.— Победа!

Миша открыл глаза и рывком сел на койке:

— Что?!

— Победа, Мишук, победа! Только сейчас по телефону сообщили: гитлеровская Германия разбита!

Сержант обнял Мишу и крепко-крепко поцеловал.

А казарма ликовала. Все разом говорили, кричали, смеялись и обнимались. Кто кидал к потолку подушки, кто выстукивал по крышке тумбочки победный марш, а ефрейтор Терентьев уже достал гармошку и растянул меха.

— А ну, Алеша, давай! — крикнул ему сержант Дегтярев и пустился в пляс.

Миша быстро оделся, выбежал на середину казармы и пошел вприсядку вокруг Дегтярева.

— Победа! Победа! — выкрикивал он в такт музыке. — Ура! Ура!

Глава девятнадцатая НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ

Быстро пролетели весенние дни. Наступило лето.

Лейтенант Остапов заметил, что за последнее время Атаманыч очень изменился. Он стал серьезнее, более вдумчиво вникал во все, читал книги по мастерству разведчика, изучал рацию, подолгу стоял перед рельефным макетом государственной границы.

«Растет парень», — думал лейтенант, наблюдая за ним.

Разведчики часто уходили на задания и не возвращались по неделе. Мишу на такие задания не брали.

— Пусть нога как следует заживет, — говорил Остапов.

— Да она давно зажила! Честное слово! — клялся Миша. — Я и бегать могу, и прыгать — даже не помню, в каком месте болела!

— Рядовой Ковальчук! — строго говорил Остапов. — Приказываю вам остаться в казарме. И никаких разговоров!

Но однажды теплым июньским вечером Остапов вызвал к себе Мишу и Кандалина.

— Будьте готовы, — сказал он. — Через полчаса выходим на запасный командный пункт командира полка.

Командный пункт располагался на вершине сопки Безымянной.

Когда подошли к сопке, Миша задрал голову и посмотрел вверх.

— Ого!

Вершина сопки тонула в тяжелых серых облаках.

— Хороша горка? — спросил Кандалин. — Снизу по-смотришь — надо шапку держать... Ну, Атаманыч, лезь, не отставай от взводного.

Тропа была каменистая, скользкая, как стекло. К счастью, вдоль тропы рос мелкий кустарник, так что, карабкаясь, можно было держаться за него руками — иначе бы и не залезть!

Быстро темнело. Чем выше поднимались, тем холоднее и сырее становился воздух.

Кандалин тронул Мишу за ногу.

— Ну как?

— Порядок! — отозвался тот. — Только вот темно стало, как в берлоге. Я лейтенанта из виду потерял. И шагов его что-то не слышно.

— Значит, отстали мы с тобой. Дай-ка мне твой автомат — тебе идти легче будет.

— Не-ет, я сам.

Наконец добрались до вершины. Тут находился командный пункт. Четыре узкие щели-амбразуры смотрели в четыре разные стороны.

Лейтенант достал из планшета топографическую карту, разложил на столе, и они с Кандалиным склонились над ней.

Миша тоже подошел к столу, стал разглядывать карту. Вот сопка Рыжая, знак на сопке означает дзот, на горе Лысой изображена траншея.

Лейтенант поднял глаза на мальчика.

— Видишь этот знак? — спросил он. — А ну-ка, скажи, что он обозначает?

— Танковый батальон! — четко, как на учении, ответил Миша.

— Верно, танковый батальон. Его третьего дня сюда перебросили...

— Товарищ лейтенант, разрешите спросить...

— Ну-ну, спроси...

— Вот говорят, у нас, на Сахалине, есть такой танк, который если врежется в двухэтажное каменное здание, то посадит его на себя и без остановки мчится дальше, а если выстрелит, то пробьет броню в сорок сантиметров... Это правда?

— Еще что говорят? — улыбнувшись, спросил лейтенант.

— Еще говорят, что у нас есть самолет, который может от границы до города Тойохара все триста пятьдесят километров пролететь за десять минут! И еще говорят, у нас есть орудие, которое может стрелять на сто километров. Правда это или враки?

— Вот что, Атаманыч, — сказал лейтенант, — ответить на твой вопрос точно я не могу. Знаю одно: сейчас не сорок первый, а сорок пятый год, а это большая разница, сам понимаешь. И еще есть хорошая пословица: «Нет дыма без огня»...

— Все ясно, товарищ лейтенант!

Летняя ночь коротка. И вот уже птицы поют и свистят, перелетая с ветки на ветку. А там, глядишь, и солнце взошло.

Но на командном пункте еще долго держался сумрак, лучи солнца едва-едва пробивались сквозь низко нависшие над сопкой тучи. Только к десяти часам прояснилось небо, и стало видно далеко-далеко вокруг.

Лейтенант показал Атаманычу на стереотрубу, которая была установлена в амбразуре, обращенной к югу.

— Этот прибор тебе знаком, и обращаться с ним ты умеешь, — сказал лейтенант. — Наблюдай. Все, что увидишь интересного по ту сторону границы, наноси на карту. Ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант! — обрадовался Миша.

— Выполний.

Миша навел окуляры стереотрубы, припал глазом.

Как далеко видно!

Внизу зеленый лес плавно покачивается, словно высокая зеленая трава.

Вон полосатый пограничный столб с блестящим гербом Советского Союза.

Дальше — наблюдательная вышка японцев, река Хандаса-Гава и за рекой — полицейский пост.

Миша оторвался от трубы, сделал пометки на плане и снова стал смотреть.

К полицейскому посту с двух сторон подходили дороги: одна от границы, другая с юга, от города Котон, расположенного в тридцати километрах от границы.

А это что такое? С южной стороны к полицейскому посту подъехала грузовая машина, за ней вторая и третья.

Пыль немного рассеялась, и Миша увидел, что из грузовиков выпрыгивают японские солдаты.

— Товарищ лейтенант! — крикнул Миша. — На пост Хандаса привезли солдат!

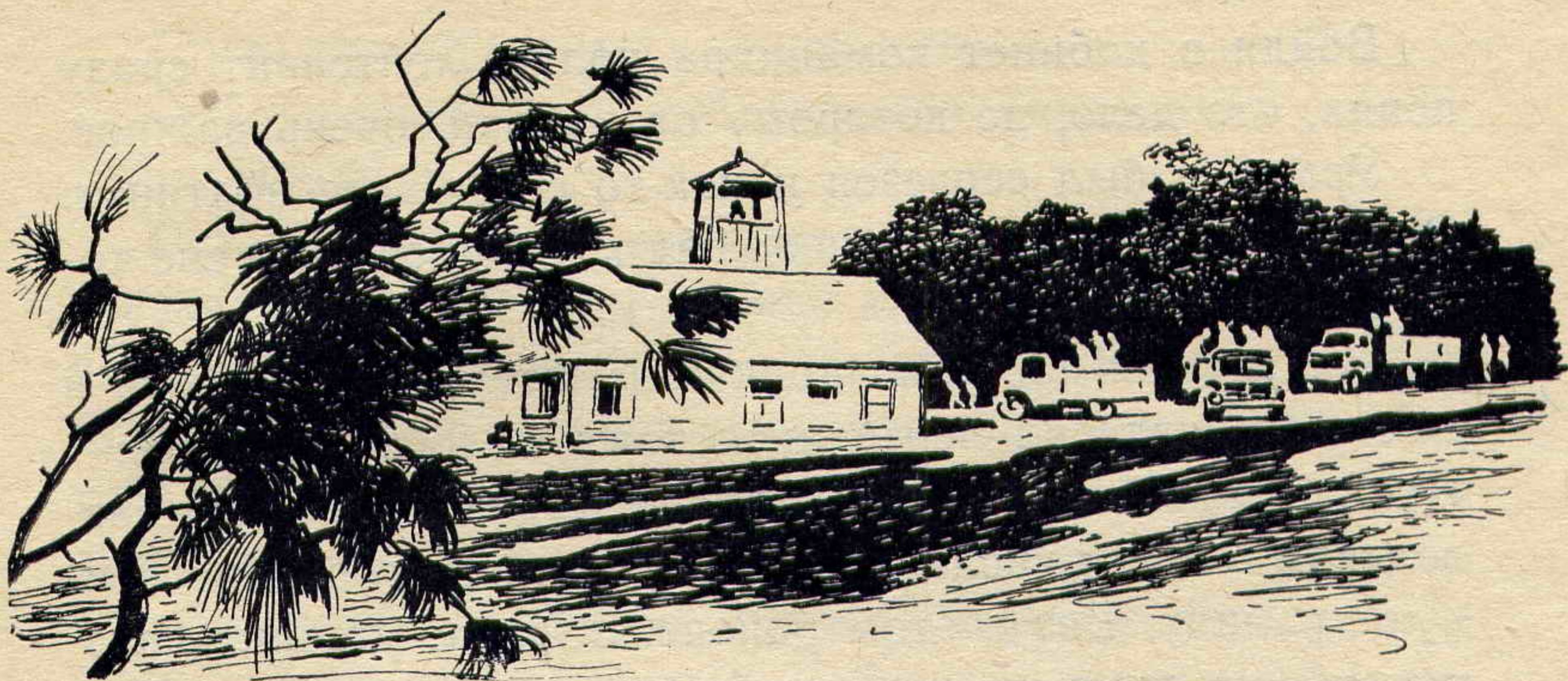
— Много? — спросил Остапов.

— Один, два, три... — вслух считал Миша. — Тридцать шесть человек.

Лейтенант подошел, посмотрел в трубу, нахмурился:

— Хм... усиливают пост. Молодец, Атаманыч, не проморгал.

Глава двадцатая

РАЗВЕДКА ПЕРЕД БОЕМ

Уже прошло без малого три месяца, как победное знамя Советской Армии взвилось над рейхстагом в Берлине, прошло три месяца, как капитулировала гитлеровская Германия и как вся страна слушала по радио парад Победы, когда к подножию Мавзолея были повергнуты фашистские знамена.

И в то время как на всех фронтах Европы воцарилась тишина, на Востоке продолжал бушевать пожар войны.

Надежды на победу у Японии — союзника поверженной фашистской Германии — конечно, быть не могло: слишком много освободилось сил для борьбы против нее. Но затягивать состояние войны кое-кому было выгодно. Надо было положить конец кровавой бойне и дать свободно вздохнуть пострадавшим народам.

Эту благородную задачу взяла на себя наша великая Родина, которая имела теперь на границах с Японией более полутора миллиона человек своих войск.

В один из первых дней августа подполковник Урманов вызвал к себе лейтенанта Остапова.

Войдя в кабинет командира полка, лейтенант сразу понял, что дело, по которому он вызван, очень важное.

Урманов был серьезен и как-то еще более подтянут. Он вышел из-за стола и подошел к висящей на стене топографической карте.

— Сегодня поступил приказ из штаба, — сказал он и жестом пригласил лейтенанта тоже подойти к карте. — Приказ такой: сегодня в двадцать четыре часа наши разведчики и в том числе ваш взвод перейдут государственную границу. Вот в этом районе. Задача: уточнить расположение японских огневых точек вблизи границы.

— Значит, война? — не выдержав, спросил Остапов.

Урманов ничего не ответил и, как будто не слыша вопроса, продолжал:

— Нам известно, что на Хандасинском направлении у противника самые мощные огневые системы расположены на сопках Рыжая и Темная Роща, а также по обочинам просеки, ведущей от границы к полицейскому посту Хандаса. Но также имеются сведения, что японское командование будто бы сняло с границы свои полевые войска и перебросило их в районы Хандасы и Харамитогги — на вторую и третью оборонительные линии. Вам необходимо уточнить эти сведения. Ясно?

— Ясно, товарищ подполковник.

— Предупреждаю: ваша задача только уточнение сведений. Огня не открывать, в бой не ввязываться. Понятно?

— Понятно.

— Возвращение — в семь утра.

— Есть! — козырнул лейтенант.

Урманов задернул коричневую шторку на топографической карте и, повернувшись к Остапову, пристально посмотрел на него долгим взглядом.

— Теперь по поводу твоего вопроса, — медленно проговорил он. — Война или не война? Очевидно, война.

Подполковник помолчал немного.

— Разрешите идти, товарищ подполковник?

— Идите.

Остапов вышел на крыльцо и полной грудью вдохнул свежий воздух. Вокруг стояла глубокая тишина. Лишь где-то стрекотал сверчок, и из лесу доносился слабый крик сойки. Еще полчаса назад эта тишина казалась лейтенанту Остапову мирной и спокойной, но теперь он чувствовал в ней тревожную настороженность и ожидание. С утра светило солнце, а к вечеру все небо затянуло серыми сплошными облаками. Лейтенант поправил фуражку, и ему на руку упало несколько мелких холодных брызг. Через мгновение со всех сторон послышался тихий неторопливый шорох начавшегося дождя.

* *
*

Разведвзвод занял позиции в глубоком овраге под сопкой Наблюдательной. До полуночи оставалось еще порядочно, и Остапов дал команду отдыхать.

Мелкий, словно сеющийся сквозь мелкое сито, дождик, видать, зарядил не на одни сутки.

Кандалин и Миша, постелив одну плащ-палатку и накрывшись другой, лежали рядом. Мерный стук дождевых капель клонил в сон.

— Да-а, быстро летит время,— задумчиво сказал Кандалин.— Вот уж и год прошел, как мы встретились с тобой. Вот на этом самом месте. Помнишь?

— Как не помню! Разве такой день можно забыть!

— Поползал я здесь, попотел, пока тебя разыскал...

Вспомнили и поездку в школу на праздник Седьмого ноября, и зимнее учение, и госпиталь... Так уж всегда бывает: начнешь вспоминать, и оживают в памяти картины одна за другой.

Ближе к полуночи дождь усилился.

— Взвод, ко мне! — скомандовал Остапов.

Разведчики выбрались из своих укрытий и окружили командира. Остапов еще раз предупредил, чтобы разведчики, если встретятся с японцами, в бой не вступали и, взглянув на часы, сказал:

— Пора. Приступайте к выполнению задания.

Взвод разделился на три группы. Одна, под командой лейтенанта, направилась к сопке Рыжей, другая, которой командовал старший сержант Дегтярев, пошла в сторону сопки Темная Роща, третья, которой руководил Кандалин и в которую входил Миша, должна была вдоль просеки подойти к японской наблюдательной вышке.

Хотя вокруг стояла темнота, прямая, как линейка, просека, перерезавшая лес, была хорошо видна. Она тянулась от самой границы.

Ровно в двадцать четыре ноль-ноль разведчики перешли государственную границу и вступили в лес.

Лес был пуст.

Бойцы Кандалина осторожно двигались вдоль просеки, прячась в частом кустарнике. Так они прошли часа полтора. По времени уж должна бы быть наблюдательная вышка.

Впереди посветлело. Кандалин выглянул из-за куста на просеку и сразу увидел вышку. Она, как будто подпирая небо, уходила высоко вверх, и ее верхняя часть терялась в серой мгле.

От вышки не доносилось никаких звуков, видимо, на ней никого не было.

«Вышка, конечно, связана с постом телефонной линией,— рассудил сержант,— поэтому первым делом нужно отыскать провод и перерезать его, а затем подойти к вышке вплотную».

Отделение снова двинулось вперед.

Разведчики ползли по густой, высотой в полметра

траве, покрывавшей просеку. Дождь не переставал. Все промокли насквозь. Мокрые гимнастерки липли к спине, ступишь — в сапоге булькает вода.

Разведчики окружили вышку. Кандалин подошел к закрытой двери, остановился, прислушался. Ни звука. Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. На него пахло сыростью и промозглым холодом брошенного помещения.

Кандалин переступил порог, в темноте нащупал лестницу, ведущую вверх. Лестница тихонько скрипнула под ногой. Он поднялся на первую площадку, на вторую и так добрался до верхнего этажа. Там тоже было пусто.

Кандалин выглянул в узкое окно. Глаз едва различал черный лес, небо, которое было чуть посветлее леса, и серую ленту просеки.

Он по стене двинулся к выходу. Вдруг рука наткнулась на телефонный аппарат. Кандалин снял трубку, послушал, телефон молчал. Он повесил трубку обратно. И тут вдруг телефон затрещал. Кандалин схватил трубку. Говорили по-японски. Но сержант уловил несколько раз тревожно повторенное слово: «Рус, рус!»

«Наверное, наши где-нибудь наскочили на японцев», — пронеслось у него в голове.

А в это время японцы действительно обнаружили группу старшего сержанта Дегтярева, которая вышла прямо к траншеям противника.

Дегтярев быстро отступил и залег невдалеке. Ему хорошо было видно, как суетились японцы, бегали по ходам сообщения. Их было совсем немного, но Дегтярев приказал отходить.

Кандалин спустился с вышки. На выходе он отыскал телефонный провод и обрезал его.

— Телефон там действует, — сказал Кандалин разведчикам, кивнув в сторону вышки, — может быть, и хозяева придут. Надо ждать.

вдалеке от Хандасинского полицейского пункта, разорвался первый советский снаряд. Начались бои за освобождение Южного Сахалина.

Глава двадцать первая

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Пробиваясь сквозь глухую, черную тайгу, извиваясь, как змея, по оврагам, на равнину с гор течет река Хандаса-Гава. На Сахалине много рек и речушек, но Хандаса-Гава не похожа ни на одну из них. Вода в ней не голубая, не зеленая, а какая-то черноватая, и только утром, освещенная косыми лучами восходящего солнца, она кажется золотистой. В пасмурную погоду, когда порывистый ветер гонит по воде мелкие волны, вода под кустами бывает совсем черной, как будто это не река, а страшная бездонная пропасть.

Японское командование на эту реку возлагало большие надежды, превратив ее в мощную укрепленную линию со множеством хорошо замаскированных дотов и дзотов.

Японцы, не вступая в бой, позволили нашим войскам беспрепятственно перейти границу. Они рассчитывали, что русские растянутся по дорогам, и готовились нанести им удар у реки Хандасы-Гавы.

Разведывод лейтенанта Остапова при переходе нашими частями границы был во второй колонне. Подполковник Урманов держал разведчиков поближе к себе, зная, что они скоро ему понадобятся.

Наших солдат удивляло, что противник не оказывает никакого сопротивления.

— Прошли уж порядочно, — говорили они, — а до сих пор ни одного выстрела не сделали...

Но едва наши походные заставы, высланные вперед

Вскоре за вышкой послышался топот. Разведчики замерли. Кандалин раздвинул кусты багульника. По тропинке к вышке приближались японские солдаты. Поравнявшись с вышкой, они не остановились, а прошли мимо разведчиков в сторону границы.

— Один, два, три...— считал Миша,— десять, пятнадцать...

Солдат оказалось семнадцать человек.

— За мной! — приказал Кандалин, и разведчики двинулись вслед за японскими солдатами.

Вдруг японцы, пробежав метров четыреста, свернули с просеки и исчезли.

Кандалин приказал прочесать ближайшую часть леса. Разведчики, перебежав просеку, углубились в темную чащу леса.

— Ты пойдешь со мной,— шепнул сержант Мише.

Немного покружив по кустам, Кандалин и Миша наткнулись на какую-то тропку.

Вдруг сержант толкнул мальчика и упал сам. Где-то совсем рядом слышались голоса. Потом где-то внизу вспыхнул огонек папиросы.

— Видел?

— Видел,— тихо ответил Миша.

Начало светать. В серых туманных сумерках Кандалин и Миша могли разглядеть глубокий овраг, изрытый окопами, и два дзота. Окопы были полупустые, возле дзотов сидели по два японца.

Кандалин достал из планшета лист бумаги и набросал схему местонахождения японской огневой точки.

Ровно в семь часов ноль-ноль минут лейтенант Остапов доложил подполковнику Урманову о результатах разведки: японцы действительно отвели все свои полевые войска с первой линии обороны, и граница почти не охранялась.

А в два часа пополудни на вражеской территории, не-

батальоном, шедшим в первой линии, приблизились к реке, как басовито заговорили японские тяжелые пулеметы. Передовой отряд оказался отрезанным от своих, а по двигавшейся за ним по лесной дороге и советской колонне японцы открыли бешеный минометный и гранатометный огонь.

Колонна мгновенно разделилась на подразделения, и бойцы залегли по обе стороны дороги. Дорога опустела.

Раздалась команда:

— Артиллерия, бронбойщики — вперед!

Началась перестрелка, тяжело бухали орудия. Закричали, застонали первые раненые. Лошади, запряженные в повозки, становились на дыбы, опрокидывая ездовых.

Подполковник Урманов хотел через связистов узнать, что происходит в головных колоннах, но радист напрасно кричал: «Пенза! Пенза! Я — Урал! Я — Урал!» — первая линия не отвечала.

Но вскоре прискакал верховой и доложил о столкновении головной походной заставы с японцами.

— Капитан Зайцев! Батальон — в боевые порядки! — отдал приказ подполковник. — Штаб, разведвзвод — ко мне!

Советское командование приняло решение овладеть с боем Хандасинским укрепленным районом. Подполковник со своим адъютантом и несколькими штабными офицерами пришел на передовую.

— Майор Малинин, как велик по фронту укрепленный район противника? — спросил Урманов командира третьего стрелкового батальона.

— Около восьмисот метров в ширину, около четырехсот — в глубину, — ответил комбат.

— А огневая мощь?

— Трудно сказать: противник не проявил себя полностью. Пока выявлено двадцать две огневые точки. — Ма-

линин показал топографическую карту с обозначенными огневыми точками противника.

— Ждите сигнала! — приказал подполковник.

— Есть ждать сигнала! — отозвался майор.

Сигнала ждали связисты, сигнала ждали пехотинцы, артиллеристы, бронебойщики, минометчики.

Ждали его, по-видимому, и притихшие японцы.

И вот началось! Первый же снаряд нашей артиллерии угодил в полицейский пост. Несколько зданий взлетело на воздух. Потом снаряд за снарядом стал ложиться в японском оборонительном районе.

Противник молчал.

Тогда пошла наша пехота. Взвод за взводом, рота за ротой передвигались бойцы к берегу Хандасы-Гавы. Вот раздалось могучее «ура», и бойцы, вскочив на ноги, бросились вперед, к позициям неприятеля.

А тот, видно, только того и ждал.

Разом заговорили пулеметы, минометы, дальнобойные орудия. Наступавшие оказались прижатыми к земле.

— Всем окопаться! — приказал комбат.

В это время в небольшом овражке в районе расположения штаба полка сидели разведчики лейтенанта Остапова.

— Как стреляют! А про нас-то забыли, что ли? — сказал старший сержант Дегтярев, сдернул с головы пилотку и швырнул ее на траву рядом с собой.

— Значит, наше время еще не пришло, — спокойно ответил Остапов. — Не горюйте, и для нас найдется работа.

— Конечно, найдется, — поддержал его Кандалин. — Мы еще только отошли от границы, а Южный Сахалин на триста с лишним километров тянется. Так что времени у нас впереди много...

В это время у них над головой с воем пронесся снаряд. За ним еще один, еще и еще...

— Слышите, наши дальнобойные голос подают,— сказал Остапов.— Сейчас на передовой в атаку пойдут...

В овражек спустился адъютант Урманова:

— Лейтенанта Остапова к подполковнику!

Остапов вскочил.

Спустя минуту он стоял перед подполковником.

— Дело такое,— сказал командир полка.— Первая линия в обороне противника в ближайшее время будет прорвана. Противник, естественно, перебросит свои войска и огневые силы на другие рубежи. Так вот, вашему взводу дается задача: проникнуть в тыл противника вот на этом участке.— Урманов показал на карте.— Из данных разведки дивизии нам известно, что вторая линия японской обороны проходит по склонам горы Харамитогги. Но эти данные могли устареть. Завтра в пять утра жду вас.

— Ясно, товарищ подполковник! Разрешите идти?

— Идите, лейтенант, желаю успеха!

Поздно вечером, когда спустился сумрак, разведчики, переплыв Хандасу-Гаву, вошли в лес. Здесь они разделились на группы в два-три человека и разошлись в разные стороны.

— Ну и лес! — шепотом сказал шедший за Кандалиным Миша.— Словно подметенный — ни сучка нигде не валяется, ни валежины... Чисто как!..

— Ш-ш,— оборвал его Кандалин.— Нашел время чистотой любоваться! Может, завтра в этом чистом лесу кто-то из наших ребят найдет себе могилу...

Мальчик замолчал и притих.

Часа два они продвигались в кромешной тьме, не встретив по пути ничего интересного.

— Давай присядем, отдохнем,— предложил Кандалин, когда они вышли на небольшую лужайку.— Пусть рассветет немного, а то не видать ни черта.

Они сели под куст.

— Да-а, Атаманыч,— тихо сказал Кандалин,— плохи наши с тобой дела.— Ничего мы с тобой пока не обнаружили: ни людей, ни огневых точек. А ведь должны они быть где-то тут поблизости: вчера из этого района японцы вели артиллерийский огонь. Не может быть, чтобы они отсюда ушли, ведь это у них пока тыл.

— Тогда где же они? — спросил Миша.

— Вот это нам с тобой и нужно в точности выяснить.— Кандалин посмотрел на часы.— Вставай, Мишук, пошли, немного развидняется...

На востоке чуть брезжил рассвет. Белый, как молоко, туман стлался по земле. Прошло немного времени, на востоке небосклон заалел, и робкие лучи солнца стали просачиваться сквозь поредевший туман.

Вдруг Миша дернул Кандалина за рукав:

— Что это?

— Где?

— Вон видишь холмик? Это не дзот?

Кандалин немного раздвинул ветки и внимательно пригляделся к холмику.

— А ведь верно — дзот! — тихо сказал он.— Ложись и наблюдай.

Прошло полчаса. Дзот не подавал никаких признаков жизни.

— Может, там и нет никого? — спросил Миша.— Айда посмотрим!

— «Айда»!— передразнил его сержант.— Ты лежи тут, а я попробую подползти к нему незаметно. Если удастся, войду внутрь. Тогда ты тоже подползай к дзоту и жди меня снаружи.

Кандалин перекинул автомат на спину и пополз.

Приблизившись к дзоту, он заметил телефонный кабель. Достал кинжал, перерезал его, спустился в ход сообщения и рывком открыл дверь, ведущую внутрь дзота.

Тогда к дзоту подполз Атаманыч и притаился у входа.

Ему хотелось заглянуть в дзот самому, но он, помня приказ, лежал тихо, затаив дыхание, направив дуло автомата на плотно прикрытую дверь.

Вдруг она распахнулась как от удара ноги, и наружу, щурясь от солнца, вылез японский солдат.

Миша вздрогнул, но в ту же секунду положил палец на спусковой крючок автомата и крикнул:

— Руки вверх!

Японец испуганно смотрел на автомат, но рук не поднял.

— Руки вверх! — еще раз крикнул Миша.

— Да ведь у него руки-то связаны.— В дверях показался Кандалин.— К тому же он еще не совсем проснулся. Когда я вошел, он спал. Вот тебе и «язык». Я тут еще кое-какие бумаги прихватил — в штабе разберутся... Теперь, Мишук, ходу! Ведь не один же он тут в дзоте сидит. Небось его товарищи отлучились куда-нибудь. Как бы нам на них не нарваться!..

«Язык» шел нога за ногу, и Кандалину то и дело приходилось подгонять его. Кандалин тревожно поглядывал на часы. Надо было спешить — уже пятый час. Пожалуй, сейчас лучше развязать японцу руки, тогда он сможет идти скорее.

Он развязал пленному руки, тот пошел быстрее.

Вдруг японец, пронзительно свистнув, бросился на сержанта. Тот стукнул его прикладом автомата по голове, оглушенный ударом, японец упал. Но его знак, видимо, был кем-то услышан, несколько выстрелов разорвали тишину леса. Над головами Кандалина и Атаманыча просвистело несколько пуль.

— Ложись! — крикнул Кандалин, падая возле японца.

Миша плашмя бросился на землю и прижался к ней всем телом.

— Нас заметили, — тихо сказал Кандалин. — Что теперь делать с «языком»?

Тут заработал пулемет.

— Может, прикончить его? — неуверенно спросил Миша.

Кандалин отрицательно покачал головой:

— Командованию нужны сведения, так что мы должны доставить его в штаб. Придется связать и тащить на себе. Ишь, гады, стреляют — головы не поднимешь... Доползем вон до того оврага, там нас пули не достанут.

В это время пленный открыл глаза и быстро сел.

— Лежи! — зыкнул на него Кандалин, но было поздно: несколько пуль прошили грудь японца, он, застонав, повалился на землю и затих.

— Готов! — сказал Кандалин.

Пулемет снова залаял грубым, простуженным голосом.

— Миша, — тревожно позвал сержант, — жив?

— Жив!

— Понял, где самураи засели?

— Понял. Я думал, они отсюда уже ушли, ведь наши близко!

— Уйдут они, дожидайся! Их придется выметать отсюда каленой метлой. Отползай, Мишук, в овраг. Он нас к Хандасе выведет.

К счастью, овраг был недалеко. В овраге они встали на ноги и, слегка пригибаясь, побежали по ложбине, которая привела их к реке.

Они были уже на берегу реки, когда услышали шорох в сухой траве. Оба разом вскинули автоматы. Снова зашуршало.

С трухлявого пня спрыгнул бурундук и, мелькнув черно-коричневой спинкой, скрылся в сухой траве.

— Ну, Миша, давай переправляться. Тут, должно быть, неглубоко, может быть, удастся перейти вброд.

В это время снова послышался какой-то шорох. Кандалин резко обернулся.

— Небось опять бурундук,— махнул рукой Миша и стал спускаться к воде.

Разведчики не знали, что командир японской артиллерийской батареи, притаившийся в кустарнике у Голой сопки, увидев, что советские разведчики скрылись в овраге, послал двух солдат перехватить русских у переправы через Хандасу-Гаву.

— Товарищ сержант, идите сюда, тут и правда мелко...

Вдруг где-то совсем близко грохнул выстрел.

Атаманыч оглянулся и, увидев, что сержант упал, прыгнул к высокой толстой лиственнице и притаился за ее стволом.

Все было тихо. Мальчик осторожно выглянул и сразу же в нескольких шагах от себя увидел двух японских солдат. Они крадущимися шагами подходили к лиственнице.

— Живым взять хотите? — не узнавая собственного голоса, закричал Атаманыч.— Не выйдет, самураи проклятые!..

Он дал длинную очередь из автомата, и оба солдата упали.

Миша выскочил из своего укрытия и бросился к Кандалину.

Сержант был ранен в живот. Чуть повыше ремня на гимнастерке быстро росло, расплывалось большое кровавое пятно.

— Товарищ сержант! Владимир Григорьевич, миленький! Владимир Григорьевич!

Вместо ответа Кандалин глухо застонал.

«Жив! — обрадовался Миша. — Но что же мне теперь делать?»

И словно в ответ на его невысказанный вопрос, Кандалин, не разжимая зубов, проговорил:

— Возьми... планшет... Скорее переправляйся... К нашим...

— Не беспокойтесь, Владимир Григорьевич... Планшет я передам... Мы сейчас вместе переправимся... Вы только потерпите немного...

Кандалин шевельнул губами, видно, хотел что-то сказать, но из горла у него вырвался лишь хрип, и он бессильно уронил голову набок.

Миша повесил себе на шею автомат сержанта, потом подsunул руки под мышки Кандалина и, пятясь и волоча бесчувственного товарища по земле, стал спускаться к воде.

Миша вошел в реку. Вода дошла ему до пояса, до груди. Он осторожно передвигал ноги по дну, боясь одного — оступиться.

Но вот река стала заметно мелеть. Идти стало легче, приближался противоположный берег.

«Ну, до берега, по воде, я его дотащу, а как быть на берегу? Мне его не поднять, и тащить волоком нельзя, ведь он ранен в живот», — тревожно думал Миша.

Кандалин на мгновение открыл глаза.

— Владимир Григорьевич, вот мы и переправились. Потерпите, теперь совсем немного осталось...

— Ковальчук! Атаманыч! — вдруг услышал Миша несколько голосов.

Он поднял голову.

К нему, тяжело дыша, подбежали трое бойцов из разведвзвода.

— Наши! — не помня себя от радости, закричал Миша. — Владимир Григорьевич, вы слышите — наши!

Он замахал бойцам рукой и закричал:

— Скорее! Сержант ранен!

Бойцы подбежали и склонились над Кандалиным.

— Володя! — позвал его старший сержант Дегтярев.

Но Кандалин не ответил и не открыл глаза. Он дышал с трудом, тихо постанывая.

— Кладите его на шинель! — приказал Дегтярев.

Кандалина положили на шинель и понесли.

— Взводный вас совсем заждался, — говорил по дороге Дегтярев. — Все разведчики вернулись, а вас все нет и нет... Вот он и послал нас к Хандасе... Почему так долго?

— Зато не зря сходили, — отозвался Миша. — Сержант говорил, что в этом планшете важные бумаги... Мы и «языка» вели, да его свои же прихлопнули...

— Вот что, ребята, несите сержанта в санчасть, а я провожу Ковальчука в штаб, надо срочно передать планшет.

У входа в штабную землянку Миша встретил лейтенанта Остапова.

— Атаманыч? Живой! — радостно закричал лейтенант, обнимая мальчика. — А где сержант?

— Сержант ранен, его в санчасть понесли, — ответил Атаманыч, протягивая планшет, захваченный в японском дзоте.

— Пойдем к подполковнику.

Они вошли в штабную землянку.

Спустя полчаса Миша прибежал в санчасть проведать сержанта, но его к Кандалину не пустили.

— Его нельзя сейчас тревожить, он спит, — сказала вышедшая к мальчику санитарка.

— Передайте ему, как проснется, что добытые им документы — очень важные. Подполковник Урманов так и сказал: «Очень важные»...

БОЙ НА СОПКЕ

В палатку командира полка принесли свежую почту. Урманов взял в руки фронтовую газету «Тревога».

— Ну-ка послушай, Михаил Ерофеевич, что у нас делается на Большой земле! — окликнул он начальника штаба и начал читать: — «11 августа передовые части 6-й гвардейской танковой армии Забайкальского фронта перевалили Большой Хинган... Продвинувшись с 9 по 14 августа по территории Маньчжурии на 250—400 километров, войска Забайкальского фронта оказались в глубоком тылу противника и развернули наступление на крупные города Калган, Жэхэ, Мукден, Цицикар... Продолжаются сильные бои за овладение городом Хайлар, в котором засело более трех тысяч японцев... Войска Первого и Второго Дальневосточных фронтов продолжают продвигаться по Маньчжурии в восточном и северном направлениях. Наши самолеты нанесли мощные бомбовые удары по железнодорожным объектам, по укрепленным районам и административным центрам Маньчжурии — Харбину и Чанчуню, а также по портам Расин, Юки, Сейсин...»

— Молодцы! — немного постояв в молчании, произнес Урманов.

— А у нас вот застопорилось, — вздохнул начальник штаба.

— Да...

Командир полка, отложив на топчан газету, склонился над раскрытой картой.

Еще день назад в маленьком пограничном поселке Хандаса хозяйничали японские полицейские. Сегодня Хандаса стала советской. Над бывшим полицейским постом, как пламя, затрепетал на свежем ветру красный советский флаг.

Наши подразделения, развивая наступление, продолжали преследовать отступающих японцев. За три дня советские войска продвинулись на двадцать километров и вышли на берег реки. Здесь им преградил путь сильный артиллерийский и минометный огонь противника.

Японцы умело использовали местность для обороны. К тому же надо добавить, что и сама местность давала им большие возможности: куда ни глянь — везде топкие болота или голые, лишь кое-где покрытые редким кустарником плешины. Замаскироваться и подойти к японским позициям незамеченным было невозможно.

Отступая, японцы взорвали мост, а по местам, удобным для переправы, вели непрерывный артиллерийский обстрел.

— С правого фланга поступили известия? — спросил подполковник Урманов начальника штаба.

— На правом фланге наши подразделения вышли к отрогам Камышового хребта, — ответил начальник штаба. — Батальон Светлецкого продвигается к Татарскому проливу.

— Значит, Светлецкий выходит к горе Харамитоги с юго-запада? А здесь, на главной магистрали, наступление приостановилось. Да-а, крепкий орешек попался...

— Левее от шоссе, по данным нашей разведки, японские укрепления значительно слабее. Если попробовать там?

— Правильно, — быстро ответил Урманов. — Михаил Ерофеевич, где японская карта, которую добыли вчера разведчики Остапова?

— Вот она.

Урманов и начальник штаба склонились над принесенной Кандалиным и Атаманычем японской топкартой.

Этой же ночью, под покровом темноты, стрелковая рота и разведвзвод лейтенанта Остапова, сойдя с шоссе, углубились в чернеющее слева болото. В это время на

другом участке наша артиллерия, отвлекая внимание противника, открыла огонь по японским позициям.

Пройдя с километр по топкой грязи, проваливаясь в ямы, бойцы незамеченными подошли к реке и бесшумно вошли в воду.

Ледяная вода обжигала. Вброд и вплавь бойцы переправились на противоположный берег и залегли в кустарнике, а разведчики поползли вдоль берега в сторону чернеющей сопки, из-за которой била по нашим частям японская артиллерия.

Миша вместе со всеми разведчиками лежал в густых зарослях высокого широколистного папоротника. Над его головой летели снаряды: наши — в сторону сопки и японские из-за сопки — в нашу сторону.

Все вокруг гудело и дрожало от взрывов.

Неожиданно японцы замолчали.

— Накрыла,— сказал лейтенант Остапов.

Но в это время японская артиллерия вновь начала обстрел. Теперь японские орудия били откуда-то правее прежнего места.

— Видать, перебросили,— прислушиваясь к свисту летящих снарядов, проговорил старший сержант Дегтярев.

— Похоже, перебросили,— согласился лейтенант и добавил: — Товарищ старший сержант, берите радиста, пятерых бойцов, постарайтесь подняться на вершину сопки и уточнить местонахождение японских орудий. Оттуда будете вести корректировку огня нашей артиллерии. Сигнал для начала огня — зеленая ракета. Выполняйте.

— Есть! — козырнул Дегтярев.

— Товарищ лейтенант,— тронул Остапова за рукав Атаманыч,— пошлите меня со старшим сержантом.

— Нельзя, Миша, задание трудное и опасное.— Последнее слово лейтенант договорил совсем тихо.

— Я понимаю. Но все равно пошлите.

— Сказано тебе: нельзя.

— У меня с японцами свои счеты, за Кандалина. Потом мне наблюдать сподручнее, я маленький, японцы меня не заметят. Товарищ лейтенант!

Остапов в раздумье посмотрел на бойцов, готовых отправиться в путь, на Атаманыча. «А может быть, и вправду мальчику легче будет спрятаться и наблюдать? — подумал он.— А риск везде. Вон как гудит от взрывов земля...»

— Товарищ лейтенант...— Миша смотрел на командира умоляющим взглядом.

— А как ты думаешь, Дегтярев? Возьмешь Ковальчука? — повернулся лейтенант к старшему сержанту.

— Боец он хороший,— отозвался Дегтярев.

— Ладно, пойдешь на задание,— решительно сказал Остапов.

Маленький отряд старшего сержанта Дегтярева скрылся в темноте. Остапов передал на командный пункт радиogramму: «Прекратите высылать болванки. Ждите зеленую ракету».

Советская артиллерия смолкла.

Уже начало рассветать. Сквозь редяющий туман разведчикам Дегтярева, устроившимся в большой воронке на склоне сопки, хорошо была видна расположившаяся внизу японская батарея. Японцы как раз меняли позиции, перебазирова орудия на правый фланг.

— Пора начинать,— сказал Дегтярев и поднял над головой ракетницу.

Зеленая ракета взвилась в серое небо, и в тот же момент в сторону японцев пролетел первый снаряд.

— Иванов! — крикнул старший сержант Дегтярев радисту.— Передавай: вижу шесть орудий. Перелет четыреста метров.

Снова прогудел над головой снаряд.

Дегтярев приник к биноклю:

— Недолет сто метров. Хорошо. Японцы, кажется, собираются снова менять позицию.

Японцы поняли, что кто-то корректирует огонь советской артиллерии, и к тому месту, откуда поднялась ракета, направили свой отряд.

— Хорошо, хорошо,— приговаривал Дегтярев, следя в бинокль за результатами огня нашей артиллерии.

Вдруг рядом с ним в бруствер с шипением вонзилась пуля. Но разведчики уже заметили окружавших их японцев и заняли круговую оборону.

Засвистели пули. Японцы остановились.

Миша пока еще не сделал ни одного выстрела. Его сектор наблюдения был расположен ближе к нашим войскам, и японцы здесь не показывались. Но когда перестрелка стала усиливаться, он не выдержал и обернулся.

Все разведчики, кроме радиста, прильнувшего к радиции на дне воронки, отстреливались от наступающих врагов. Вдруг Дегтярев ткнулся вниз головой и сполз по брустверу вниз. Миша бросился к нему.

— Товарищ старший сержант!

— На место, Ковальчук! — резко крикнул Дегтярев.— Я тут сам справлюсь.

Миша возвратился на свое место вовремя: с его стороны к воронке подползали два самурая. Мальчик видел их низко склоненные головы, узкие плечи с зелеными погончиками.

Японцы двигались короткими перебежками, припадая за каждой выемкой.

Атаманыч достал из сумки гранату. Поставил ее на боевой взвод. Японцы были шагах в двадцати. Он метнул гранату и прижался к земле.

Гранатные взрывы гремели со всех сторон воронки. Японцы отступили.

— Иванов! Передавай: четыре японских орудия вы-

ведены из строя, два оставшиеся перебрасывают на левый фланг. Передай, что нас окружили и что мы стоим насмерть.

После короткой передышки японцы возобновили наступление. Снова засвистели пули, загремели гранатные взрывы. Один разведчик уже лежал на дне воронки, раненный в голову. Его место занял радист.

Опять наступила передышка.

— Русский, сдавайся! — кричали японцы из-за кустов. — Вас мало, нас много! Давай ответ: сдаешься?

— Вот вам ответ, самураи проклятые! — сквозь зубы проговорил Дегтярев и дал по кустам автоматную очередь.

Японцы открыли бешеный огонь. Дегтярев пригнулся. Когда выстрелы смолкли, он на мгновение поднял голову и, пригнувшись снова, крикнул:

— Иванов, к радию! Японцы устанавливают три орудия на старой огневой позиции.

Но советские снаряды продолжали рваться в стороне от орудий.

— Иванов! Давай скорей! Давай! Чего же ты? — Дегтярев обернулся и осекся: радист лежал, опрокинувшись вниз головой. — Э-эх, гады!

Увидев, что Иванов убит, Атаманыч кубарем скатился к радию и нагнулся к микрофону:

— Урал! Урал! Я — Уфа! Я — Уфа! Как слышишь? Перехожу на прием. Перехожу на прием. Урал слышит, товарищ старший сержант!

— Передавай! Японцы установили три орудия на прежней огневой позиции. Понял?

— Понял!

После нескольких советских залпов японские орудия замолчали.

Между тем японцы сжимали разведчиков все в более и более тесное кольцо. У разведчиков подходили к кон-

цу боеприпасы. Теперь они стреляли редко, только наверняка.

Японцы выжидали, уверенные в том, что советские солдаты уже в их руках.

Старший сержант Дегтярев, Атаманыч и трое оставшихся бойцов готовились к последнему бою.

В это время наши подразделения, преодолев реку, уже вели бой на ее южном берегу. Части Урманова двигались к горе Харамитоги.

— Сколько осталось гранат? — спросил Дегтярев.

— У меня одна, — ответил один боец.

— И у меня тоже одна, — сказал другой.

Больше гранат у разведчиков не было.

— Гранаты берегите на крайний случай, — тихо сказал Дегтярев. — У меня тоже последняя.

Японцам, видимо, надоело ожидать в бездействии, и из кустов раздались несколько выстрелов.

— Сейчас опять пойдут,— сказал Дегтярев.— Все по местам.

Но вдруг сзади японской цепи послышалось русское «ура». Японцы открыли торопливую, беспорядочную стрельбу, а «ура» гремело все громче, все ближе. Японцы побежали. Им вслед полетели последние гранаты разведчиков.

— Ура-а! — закричал Дегтярев и, схватив автомат, вскочил на бруствер.

— Ура-а! — подхватил Атаманыч.

По склону сопки, преследуя японцев, бежали советские солдаты.

Глава двадцать третья

В ЛОГОВЕ ВРАГА

Советские войска неудержимо продвигались вперед. Подразделения полковника Урманова в районе сопки Зеленой и Голой окружили группировку японских войск.

Около полудня из расположения окруженных японских войск к передовым советским постам вышел, сопровождаемый тремя солдатами, парламентер — низкорослый японский капитан с белым флажком.

Его доставили в штаб полка. Японец передал, что командир окруженных японских подразделений полковник Оскуда просит прислать советских представителей для переговоров.

...Узкая мокрая дорога извивалась среди поросшего высоким багульником болота, как бесконечно длинная змея. Глухо шумела вокруг темная, непроходимая тайга. Даже в знойный летний день солнечные лучи пробивались сюда сквозь листву и хвою жидкими, бледными пятнами.

Если бы не война, наверное, еще долго эти места не увидели бы человека.

Грозная война собрала сюда тысячи людей, нарушила вековую тишину тайги, повергла на землю лесные великаны деревья, поломала непролазные кудрявые кустарники, смешала с грязью цветы и высокие травы.

По дороге двигался небольшой отряд советских бойцов с тремя офицерами — майором и двумя лейтенантами. Шагов на пять впереди шел низкорослый японец. Он быстро семеня кривыми, колесом, ногами, и казалось, что японец не идет, а катится, словно мячик. Его выцветший коричневый китель с капитанскими погонами заскоруз от пота и при каждом движении руки топорщился на спине, как отставшая от дерева кора.

Японец свернул на боковую тропинку. Люди вытянулись цепочкой.

За японским парламентаром шагал переводчик лейтенант Козлюк, «политотдельский японец», как звали его в шутку друзья. За Козлюком шел заместитель командира полка майор Строев. Замыкали шествие лейтенант Остапов и несколько бойцов.

Тропинка спускалась в овраги, поднималась на сопку и, пропадая в кустах, снова убегала по склону в лощину. По мере приближения к позициям врага идти становилось труднее. То вдруг оказывался впереди крутой и голый, как стена, подъем, то преграждали путь завалы из срезанных снарядами деревьев и перевернутые доты. Из-за кустов распространялся тяжелый смрад от разлагающихся конских трупов.

«Хорошо потрудились наши артиллеристы,— с удовлетворением подумал Остапов,— крепко намяли бока самураям».

Когда советская делегация поднялась на сопку и оказалась в виду командного пункта японцев, в небе одна за другой взвились три ракеты: красная, белая, зеленая.

— Спросите, что за сигнал,— обратился Строев к Козлюку.

Козлюк перевел вопрос.

Японский капитан ткнул пальцем в свои часы: мол, сигнал показывает время.

К отряду подошли три японца. Вспыхнули три карманных фонарика, ослепив наших бойцов.

Строев приказал потушить фонари и недовольно проговорил:

— Ведите нас к командиру полка.

— Вас, господин майор, к нему сейчас проведут. Остальные же останутся здесь. Если они понадобятся, их пригласят.

— Мне нужен мой переводчик,— сказал Строев.

— Может быть, обойдетесь без переводчика? — спросил капитан.— Ведь русские офицеры, служащие на Дальнем Востоке, все знают японский язык. Не так ли?

— Я не знаю.

Японцы посоветались.

— Ну ладно. Мы согласны: ваш переводчик пойдет с вами.

Строев, Козлюк и японцы спустились в бетонированный блиндаж. Пройдя несколько отсеков, они вошли в просторную комнату с большим столом, диваном и мягкими креслами.

На диване сидел хилый, узкоплечий японский полковник с морщинистым лицом и седыми, коротко остриженными волосами. Ему было лет шестьдесят.

Майор Строев отдал полковнику честь. Японец в ответ чуть приподнялся с дивана и жестом пригласил его сесть в стоящее немного поодаль кресло. Когда Строев сел, полковник дал знак, и японцы, приведшие советских парламентариев, вышли. В комнате остались четверо: Строев, Козлюк, японский полковник и его переводчик, молодой офицер лет двадцати трех.

Старик полковник долго разглядывал советских офицеров. Чем дольше и пристальнее он вглядывался, тем

больше хмурых морщинок собиралось на его лице. Наконец он что-то сказал своему переводчику.

Переводчик обратился к Строеву:

— Мой полковник хочет знать, с чем вы явились к нам, господа?

Строев взглянул на Козлюка: правильно ли, мол, переведены слова полковника? Козлюк утвердительно кивнул головой: «Правильно!»

— Мы пришли, чтобы договориться о прекращении бессмысленного кровопролития, которое не нужно ни вашему, ни моему народам. Наше командование именно так поняло присылку к нам вашего парламентаря.

Японский офицер перевел полковнику слова советского майора. Полковник ответил медленно, как-то нехотя и не глядя на Строева:

— Я получил императорский рескрипт о прекращении огня...

— Значит, вы готовы сложить оружие и сдаться?

— Прекратить огонь — это еще не значит сдаться, — процедил полковник.

— Что значат ваши слова?

— То, что я сказал...

— Но разве вы не считаете себя окруженными? — с едва заметной иронией спросил Строев.

— Окружение — понятие относительное, — сказал полковник. — У меня около четырех тысяч боеспособных солдат и офицеров, проникнутых духом богини Аматерасу и беззаветно преданных микадо. Стоит мне отдать приказ, и окружение будет прорвано.

Строев спокойно выслушал полковника.

— Скажите ему, лейтенант, — обратился он к Козлюку, — что мое командование направило меня для того, чтобы договориться об условиях капитуляции окруженных японских подразделений.

Слово «капитуляция» полковник понял без перевода.

— Капитуляция?! — истерически закричал он и вскочил с дивана. — Понимаете ли вы, что говорите? — Старик трясся в нервном ознобе, и, если бы его не поддерживал офицер-переводчик, он, наверное, упал бы. — В моем же доме предлагать мне капитуляцию! Я прикажу вас расстрелять! — неистовствовал полковник. — Мы никогда не сдаемся на милость победителя. За нас сама богиня Аматерасу!

Майор Строев спокойно наблюдал за беснующимся японцем. Потом хладнокровно обернулся к Козлюку:

— Скажите ему, лейтенант, что мы не испытываем ни малейшего желания наблюдать его истерику, и что, если даже они нас расстреляют, положение их окруженной группировки не улучшится, каким бы духом проникнута она ни была.

Старый полковник в изнеможении упал на диван, словно боксер после тяжелого раунда, и, нажимая дрожащими пальцами кнопку на краю стола, выкрикивал:

— Вон! Вон отсюда! Запереть их!

В дверях показались три вооруженных японских солдата.

В это самое время лейтенанта Остапова ввели в соседний блиндаж. Там его уже ожидал японский капитан — недавний парламентар.

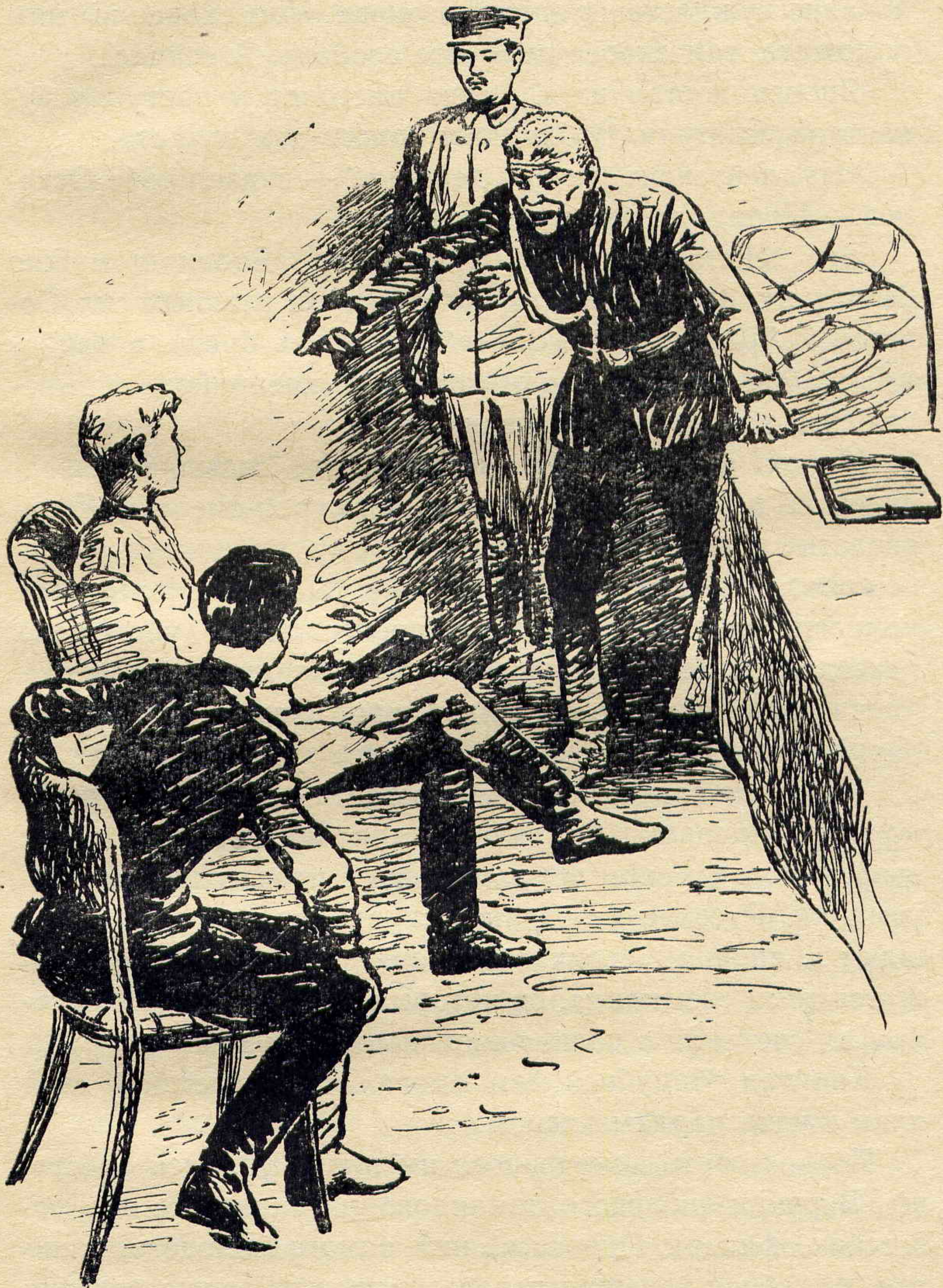
— Где наш майор? — спросил Остапов. — Солдат сказал, что меня вызывает майор Строев.

Японец скривился:

— Вас вызвал я, капитан Мицубиси. Майору вы больше не нужны, да и он вам тоже.

— Я вас не понимаю! — Остапов настороженно посмотрел в глаза капитана.

— Тут и понимать нечего. Вы и ваш майор — наши пленники. Теперь каждый из вас должен позаботиться

— Капитуляция?! — истерически закричал он и вскочил с дивана.

сам о себе. Все зависит от вас самого. Японское командование нуждается в вашей помощи. Чем скорее вы нам поможете, тем скорее получите свободу. А сейчас...

Японец достал из кармана пистолет и постучал рукояткой по столу. В блиндаж вошли два солдата.

«Ну, лейтенант, теперь держись! — сказал себе Остапов. — Попал ты, брат, в ловушку...»

Это действительно была ловушка. Японцам нужно было установить район сосредоточения главных сил Советской Армии для того, чтобы пробить брешь в наиболее слабом участке Харамитогского укрепрайона и вывести свои войска из окружения.

Но как получить нужные сведения? Засылка разведчиков не принесла результатов. Самурай-смертники, переодетые в советскую военную форму, проникнув в расположение наших войск, сразу же были опознаны, а те немногие сведения, которые поступали от уцелевших разведчиков, были разноречивы и нуждались в проверке. Между тем был дорог каждый час, потому что кольцо, окружавшее японцев, сжималось все теснее и теснее.

Тогда начальник разведки капитан Мицубиси предложил полковнику Оскуда простой, но коварный план: отправить к русским парламентаря с предложением о перемирии. Русские не откажутся от переговоров и пошлют к японцам своих представителей. Они-то и окажутся теми «языками», от которых японцы получают нужные им сведения о расположении советских войск.

Капитан Мицубиси сам вызвался осуществить свой план и идти парламентарем.

Первая часть намеченного им плана удалась блестяще. В руках японского командования оказались три советских офицера. Одного из них, самого молодого, капитан Мицубиси и решил использовать для осуществления второй половины своего плана.

Но молоденький советский лейтенант не оправдывал

надежд японского разведчика: не отвечая ни на один вопрос, он повторял твердо и решительно:

— Проведите меня к нашему майору! Вы чините произвол.

— О каком произволе вы говорите? — Японец пожал плечами.

— Вы не имеете права нарушать международный закон о парламентарях.

— Забудьте, лейтенант, эти слова, — осклабился капитан. — Вы не парламентар, а... как это у вас называется?.. — «язык». Понятно? Всего лишь маленькая военная хитрость.

— Это не маленькая военная хитрость, а большая самурайская подлость!

— Но-но, не так резко! Возьмите себя в руки, лейтенант. Поверьте, я не хочу с вами ссориться. Я требую от вас совсем немного: скажите только, где у вас больше орудий и солдат, а где меньше. Тогда, как говорит русская пословица, и волки будут сыты, и овцы целы.

— Ошибаетесь, господин самурай: вы не только волки, вы самые презренные хищники, вы шакалы! А что касается овец...

— Я предлагаю вам, господин лейтенант, осторожнее выбирать выражения, — прервал его капитан. — Учтите, что ваше красноречие мне скоро надоест, и тогда советское командование может лишиться одного из своих самых смелых офицеров и прекрасных ораторов. Надеюсь, вы меня поняли, лейтенант?

Они стояли один против другого почти вплотную — японский самурай и советский лейтенант. Лейтенант ничего не ответил на угрозу, но в его глазах Мицубиси прочел только ненависть и презрение. Почувствовав, что советский офицер готов броситься на него, японец дал знак солдатам, и в ту же минуту Остапов ощутил сильный удар в спину. Он повернулся и увидел, что солдат

поднял приклад для второго удара. Остапов отскочил в сторону, и удар пришелся в грудь Мицубиси. Капитан отлетел к стене и стукнулся об нее головой. Придя в себя, Мицубиси подбежал к солдату и ударил его рукояткой в переносицу. Солдат со стоном присел.

Воспользовавшись общим замешательством, Остапов начал пятиться к двери, вытаскивая из кармана пистолет. Но тут другой солдат ударил его прикладом по руке. Взведенный пистолет упал на пол, грохнул выстрел. Японцы шарахнулись по углам. Но капитан успел выстрелить в Остапова, который был уже у самой двери.

— Врешь, самурай! Так просто тебе меня не взять!— крикнул Остапов, зажав рану на бедре рукой, он стиснул зубы и потянулся к своему пистолету, валявшемуся на полу. Он выстрелил в капитана. Пуля, просвистев у того над головой, пробила дырочку в стене.

На Остапова обрушился град ударов, били прикладами. Он потерял сознание.

— Хватит,— распорядился капитан.— Не забейте его до смерти, он нам еще нужен.

В это время в блиндаж вошел адъютант полковника Оскуды. Командир полка вызывал к себе капитана Мицубиси с докладом.

* *

*

После неудачного разговора с советскими парламентарями полковник Оскуда был мрачнее обычного.

Десять часов тому назад он получил приказ командующего Сахалинской дивизии генерала Судзуки. В приказе говорилось, что русские требуют безоговорочной капитуляции, и предлагалось всеми мерами оттянуть еще время, поскольку надежда на спасение окруженной группировки еще не совсем потеряна. Генерал обещал прислать помощь в течение ближайших пяти-шести ча-

сов. Но вот прошло уже десять часов, а помощи нет, как нет и нового приказа.

Полковник Оскуда понимал, что ему приходится рассчитывать только на свои силы и что спасти окруженную группировку может лишь прорыв кольца изнутри. И если бы знать, в каком месте это кольцо наименее укреплено русскими, и ударить наверняка, то успех японских войск обеспечен. Если бы знать... Но он этого не знает. Может быть, капитану Мицубиси удалось выведать у русского лейтенанта нужные сведения?

Полковник приказал адъютанту вызвать начальника разведки капитана Мицубиси.

Полковник вспомнил, как стояли перед ним майор Строев и лейтенант Козлюк, гордые и бесстрашные. Таких не заставишь говорить ни под какими пытками. «Капитуляция! Капитуляция!» — слышалось полковнику, и он встряхнул головой, чтобы прогнать страшное видение. «Что же делать? Что же делать? — лихорадочно думал он. — Возможно, остается одно — харакири! Но что скажут о нем люди? Что полковник Оскуда бросил в трудный час солдат и офицеров императора Хирохито? Нет, нужно что-то придумать! Нужно найти какой-то выход...»

В блиндаж вошел капитан Мицубиси.

— Господин полковник, докладывает капитан Мицубиси... — начал капитан рапортовать по всей форме.

Но полковник нетерпеливо прервал его:

— Ну как? Что вы узнали?

— Пока мне не удалось узнать ничего определенного, господин полковник: сейчас русский лейтенант без сознания. Но я не теряю надежды развязать ему язык.

Полковник мрачно выслушал капитана.

— Я считаю, — сказал он, — что ваша затея — пустое дело. Пора бы вам уже знать, капитан Мицубиси, что ставка на предателей не применима к русским. Но по-

скольку вы уже начали это дело, не остается ничего другого, как довести его до конца. Обещайте этому офицеру золотые горы или беспощадно пытайте его, но через час интересующие нас сведения должны лежать у меня на столе. Запомните: через час и ни минутой позже. Вы отвечаете за это дело. Так что через час у вас будет, как говорят русские, либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Если не ошибаюсь, вы большой любитель русских поговорок.

— Слушаюсь, господин полковник! — произнес капитан и выскочил из блиндажа.

Полковник посмотрел на ручные часы. Было двадцать два часа двадцать минут.

— Итак, жду еще час и десять минут, а затем, если не будет приказов генерала, начну прорыв. Да, прорыв — и безотлагательно! — проговорил вслух полковник и нажал кнопку.

В дверях показался адъютант.

— Созвать ко мне всех офицеров от командиров рот и выше!

— Есть, господин полковник! — ответил адъютант и исчез.

* *

*

В штабе полка шло совещание.

Полковник Оскуда коротко разъяснил задачи, стоящие перед окруженной группировкой. Они сводились к следующему: все подразделения должны быть приведены в состояние боевой готовности. В полночь будет начат прорыв кольца. После двадцатиминутной артиллерийской подготовки по сигналу из штаба все подразделения должны броситься в брешь, образованную артиллерией.

Затем полковник обратился к командиру первого батальона:

— Майор Никомура, каков дух в вашем батальоне? Молодой бравый майор вскочил с места.

— Господин полковник! В батальоне все в порядке. Все ждут приказа к бою и полны решимости победить русских.

— Командир второго батальона, доложите о состоянии вашего батальона.

— Все в порядке, господин полковник! — Широкоплечий майор вытянулся перед командиром. — Боеприпасов достаточно. Продовольствием обеспечены на два дня.

— А каково настроение солдат? — настороженно спросил полковник.

— Настроение?.. — Майор замялся.

— Ну, говорите же, я жду? — нетерпеливо крикнул полковник.

— Некоторые солдаты говорят... говорят, что император...

— Что — император? — заревел Оскуда.

— Говорят, что император издал приказ о капитуляции...

— Что?! О капитуляции?! — Полковник вскочил с места и, подойдя вплотную к побледневшему майору, зашипел: — Это вражеская агитация, рассчитанная на деморализацию наших войск. Каждого, кто заикнется о капитуляции, я приказываю расстреливать как предателя! Понятно?

— Так точно, господин полковник!

— Нет ли подобных настроений в других подразделениях?

— Никак нет, господин полковник! — услышал он в ответ.

Во многих подразделениях подобные слухи ходили среди солдат, но, видя, как взбешен полковник, каждый счел за благо ответить: «Никак нет!»

— Так вот, господа офицеры, — устало проговорил

полковник, — повторяю: к полуночи все должно быть готово. Сегодняшний бой решит нашу судьбу.

Оскуда молча кивнул офицерам и опустил голову.

Офицеры переглянулись и в полном молчании покинули штаб.

* *

*

Капитан Мицубиси был занят «перевоспитанием» русского лейтенанта. «Перевоспитание» явно не давалось. На все вопросы Остапов отвечал презрительным молчанием. Японец то злился и угрожал, то переходил на умоляющий тон:

— Ну что вам стоит сказать всего несколько слов! Мы вам гарантируем жизнь и свободу. И какую жизнь — вам такая и не снилась! Вы получите большой чин, у вас будут деньги, особняк в Токио... У вас будет все, о чем только может мечтать человек, — богатство, роскошь.

Остапов усмехнулся. Как гадок был этот самурай, сулящий ему всякие блага и требующий взамен предательства.

Но японец по-своему понял его усмешку.

— Ну вот мы и нашли общий язык, — залопотал он, заглядывая Остапову в глаза. — Вот и хорошо, давно бы так. Взгляните на карту. Вот это — линия фронта, вернее, кольцо, в которое вы нас зажали. Вы, лейтенант, должны обозначить карандашом, где у вас больше пушек и солдат, а где меньше. Ну? — Самурай протянул лейтенанту карандаш.

— Развяжите мне руки.

— Э, нет! — захихикал японец. — Сначала вы должны заслужить наше доверие. Зажмите карандаш между зубами и начертите, где нужно, крестики.

Капитан сунул ему в рот карандаш. Вдохнув полной грудью, Остапов с силой вытолкнул карандаш изо рта,

целя японцу в глаз. Карандаш, оцарапав японцу щеку, покотился на пол.

— Запомните, гады,— крикнул Остапов,— я вас не боюсь и родиной своей не торгую!

— Ах, так? — рассвирепел капитан.— Сейчас ты заговоришь по-другому.— И он бросил солдатам отрывистое приказание.

Тотчас же один из солдат толкнул Остапова на стул, а второй надел на голову лейтенанта обруч. Концы обруча смыкались винтом и гайкой. Завизжал винт, обруч начал все туже и туже сжимать голову.

— Говори! Говори! — кричал капитан.

Острая, невыносимая боль сменилась тупым безразличием. Японский офицер превратился в большую зеленую ящерицу. Вдруг ящерица рассыпалась на мелкие зеленые кружочки. Эти зеленые круги росли и раздувались, как мыльные пузыри, и лопались с треском, напомиравшим хруст костей...

Капитан что-то рявкнул по-японски, и солдат принялся поспешно раскручивать винт.

Японец взглянул на часы. До назначенного срока оставалось двадцать пять минут. Он подозвал солдата и приказал принести бутылку японской водки — sake — и два стакана.

Остапов очнулся и открыл глаза. Голова, казалось, от боли разламывалась на куски.

— Палачи!.. — прохрипел он.

Вошел солдат с бутылкой и стаканами.

— Э, лейтенант,— осклабился самурай,— зачем говорить такие кислые слова? Мы с вами люди военные, наше дело — выполнять приказ. Давайте по русскому обычаю выпьем на мировую.— Он налил в стаканы водку и, приказав солдату развязать пленному руки, протянул стакан.— Садись к столу, лейтенант. Вот так. Выпьем!

Они выпили по одному стакану, потом по второму. Японец рассчитывал, что крепкая sake развяжет язык лейтенанту. Когда бутылка была наполовину пуста, он сказал:

— А теперь, я думаю, мы можем начать деловой разговор. Не так ли, господин офицер?

— Ну что ж,— с напускным простодушием ответил Остапов,— давайте поговорим. Только пусть солдаты выйдут: сами понимаете, посторонние тут ни к чему.

Капитан приказал солдатам выйти и торопливо, очевидно опасаясь, как бы лейтенант не передумал, развернул перед ним на столе карту.

— Налейте-ка еще полстаканчика, для храбрости,— попросил Остапов.

— Охотно! — Капитан налил водки и склонился над картой, не выпуская из рук пистолета.

Остапов взял в правую руку стакан, в левую карандаш и начал водить им по карте.

— Вот здесь проходит овраг. А здесь расположена...

Остапов привстал и со всего размаха ударил японца стаканом в висок. Тот выронил из рук пистолет и ткнулся лицом в карту. Схватив со стола пистолет, Остапов взвел курок, но в это время за его спиной раздался окрик.

— Те-о-аге! Угокува!¹

В дверях стоял солдат с винтовкой наперевес.

Остапов сделал вид, что поднимает руки, и выстрелил в солдата. Солдат упал. За спиной послышался шорох — это опомнившийся капитан расстегивал вторую кобуру. Остапов навел на него пистолет и нажал спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

«Эх, черт, патроны кончились!» — подумал Остапов с яростью. Он бросился на капитана и, повалив его на пол, вцепился ему в горло руками. Японец сделал по-

¹ Те-о-аге! Угокува! (японск.) — Руки вверх! Сдавайся!

пытку вырваться, но сильные пальцы впились в него, как когти ястреба. Самурай дернулся несколько раз и замер.

«Получил палач по заслугам! — Остапов поднялся и вытер руки о гимнастерку. — Теперь — бежать!»

Преодолевая боль в раненой ноге, он бросился к двери, но едва ее открыл, как ему в грудь уперлась винтовка второго солдата. Прогремел выстрел, и Остапов, взмахнув руками, упал навзничь.

* *

*

Когда полковнику Оскуда доложили о смерти капитана Мицубиси и русского лейтенанта, полковник был взбешен.

— Проклятье! Теперь все надежды на получение необходимых нам сведений рухнули. Остается одно — прорываться наудачу!

До полуночи — времени, назначенного для прорыва, — оставались считанные минуты. Командиры подразделений докладывали в штаб о готовности личного состава. Начальник штаба, коренастый пожилой японец в очках с золотой оправой, неизменно отвечал:

— Ждите сигнала...

В половине двенадцатого он пошел к полковнику.

— Господин полковник, до полуночи остается всего тридцать минут. Какие будут указания?

— Что вы меня понукаете? Вы что, думаете, я не знаю, который час? — рявкнул в ответ полковник.

В ту же секунду рядом с блиндажом раздался оглушительный взрыв, за ним другой, третий. И вот уже взрывы слились в единый мощный, неумолкающий гул.

— Дьявольщина! — закричал полковник Оскуда. — Русские опередили нас! Теперь будь что будет.

Он уселся в кресло и, втянув голову в плечи, закрыл глаза.

А запертым в темном блиндаже майору Строеву и лейтенанту Козлюку грохот рвущихся снарядов казался чудесной музыкой.

— Эх, посмотреть бы на самураев, как они себя чувствуют! — прислушиваясь, сказал Козлюк.

— Хорошо бы, — проговорил Строев. — Только их сейчас не увидишь, они позабылись, как кроты, в свои норы.

— А этот старый паскуда небось сидит под своим диваном. Помните, как кричал: «Самураи не сдаются! Я вас прикажу расстрелять!»

— Он от страха кричал, лейтенант. Угрозы — всегда признак слабости и бессилия.

— Это так, — согласился Козлюк. — Как вы думаете, товарищ майор, выпустят нас отсюда или нет?

— Живы останемся — выпустят. А сейчас им не до нас.

— Нам бы самим напомнить о себе. Чего ждать? Надо самим требовать, чтобы нас выпустили.

— Кому напоминать? — усмехнулся Строев. — Этим стенам или богине Аматерасу? Да и как?

— А вот как! — Лейтенант ощупью добрался до двери и изо всех сил принялся колотить в нее кулаками и ногами. Потом, остановившись, прислушался. За дверью было тихо.

— Давайте попробуем вдвоем, лейтенант. Может быть, удастся сорвать запор, — сказал Строев.

Они навалились на дверь плечами. Дверь не дрогнула. Тогда майор отскочил на несколько шагов и толкнул дверь с разбегу. Что-то как будто звякнуло, и дверь чуть-чуть отошла. Строев обрадовался. Новый град ударов обрушился на дверь, но все оказалось напрасным: дверь больше не подавалась.

Растирая ушибленные плечи, Строев и Козлюк присели у стены на сырой пол. В блиндаже, ставшим им тюрьмой, стало тихо:

— Вот ведь как бывает в жизни...— вздохнул Козлюк.

— Ты о чем?

— Никогда не думал, что попаду в плен...

— Разве мы в плену?

В душе Строев тоже считал, что они угодили в плен, но он сдерживал себя, не желая показать лейтенанту, что и он теряет надежду на освобождение.

Козлюк снова принялся колотить ногами в дверь. И снова ни единого голоса в ответ.

— Зря ноги отбиваешь,— остановил Строев лейтенанта.— Так делу не поможешь.

— Пусть не помогу, зато хоть душу отведу,— ответил Козлюк.

Вдруг послышался японский говор.

— Японцы, товарищ майор! — крикнул лейтенант.

Строев поднялся с земли.

— В случае чего, товарищ лейтенант, держаться до последнего, как и подобает советскому воину.

— Ясно, товарищ майор!

— Послушайте, о чем они говорят...

* *

*

Около полуночи в блиндаж полковника Оскуды прибежал начальник штаба.

— Господин полковник,— дрожащим голосом проговорил он,— только что получен императорский рескрипт. Наконец случилось то, о чем так настойчиво толковали солдаты...

Оскуда вырвал из рук начальника штаба радиogramму, полученную от генерала Судзуки, и начал читать:

«Во имя спасения японской империи от вторжения иноземцев, а также во избежание надругательства над честью и достоинством моего народа, всем военачальникам повелеваю: в двадцать четыре часа ноль-ноль сего числа повсеместно прекратить огонь, сложить оружие и организованно сдаться на милость победителей. Судьба каждого солдата, каждого офицера и генерала моей доблестной армии будет оплакана всемогущей богиней нашей Аматерасу и мною, императором Японии. Примите от нас хвалу за мужество и всепрощение. Микадо Хирохито».

Полковник посмотрел на часы. До полуночи оставалось всего несколько минут. Он аккуратно сложил радиogramму и убрал ее в боковой карман.

— Пишите приказ,— обратился Оскуда к начальнику штаба.— «Выполняя волю императора, приказываю всем офицерам в двадцать четыре часа ноль-ноль минут сего числа прекратить огонь и ждать дальнейших моих указаний. Командир полка полковник Оскуда». Приказ немедленно доведите до каждого командира. Можете идти. Пришлите ко мне адъютанта.

Полковник был в замешательстве. Разноречивые чувства владели им. «С одной стороны, рескрипт императора не подлежит обсуждению, а тем более критике,— думал он.— Если микадо решил, что войска должны сложить оружие, значит, это и есть самый мудрый выход из положения». Но, с другой стороны, старый полковник не мог даже представить себе армию Страны Восходящего Солнца, вписавшую множество ярких страниц в золотую книгу побед, побежденной армией страны, существующей всего каких-нибудь четверть века.

Постучавшись, в блиндаж вошел адъютант:

— Господин полковник, по вашему приказанию...

— Где вы пропадаете, черт вас побери? — перебил его Оскуда.

- По вашему приказанию седлал коней.
- Коней расседлайте.
- Слушаюсь!
- Приведите сюда русского майора и его переводчика.
- Слушаюсь!

* *

*

Дверь открылась. Строев и Козлюк вышли из блиндажа.

— Вас приглашает к себе господин полковник, — сказал японский офицер.

— Где наши товарищи — лейтенант Остапов и автоматчики? — спросил майор.

— Не знаю.

— Что случилось?

— Вам все объяснит господин полковник.

Строев умолк, поняв, что дальнейшие расспросы бесполезны. От его внимательного взора не укрылось беспокойство и волнение в японском лагере.

— О чем они говорят? — спросил Строев Козлюка. Прислушавшись к разговору солдат, Козлюк ответил:

— О прекращении войны!

— Значит, капитуляция?

— Слова «капитуляция» я не слышу...

— Не важно слово, важно дело.

Полковник Оскуда встретил советских офицеров с преувеличенной вежливостью. Показывая в улыбке желтые зубы, он гостеприимным жестом показал на кресла, приглашая сесть.

— Господин полковник просит у вас извинения, — переводил речь Оскуды переводчик. — Он говорит, что ни разу за всю свою жизнь не слышал слов «капитуляция» и «плен»... То есть, конечно, ему приходилось слы-

шать эти слова и он знает их значение, но он никогда не предполагал, что армии микадо придется капитулировать и сдаваться в плен. Японской армии, как известно, приходилось в свое время встречаться на поле боя с русской армией, и поэтому у господина полковника сложилось о противнике свое мнение... Поэтому пусть господа советские офицеры простят ему его горячность.

— Передайте полковнику, что мы понимаем его чувства,— сказал майор Строев с нескрываемой иронией,— и спросите, чего он от нас хочет.

Выслушав вопрос, Оскуда все так же вежливо сообщил, что он готов возобновить переговоры о прекращении огня и сдаче оружия и желает знать условия советского командования.

— Наши условия просты,— ответил Строев.— Капитуляция подразумевается безоговорочная, оружие должно быть сдано в исправном состоянии. Пункт приема пленных — восточный отрог горы Харамитори, время — завтра... то есть сегодня, в шесть часов утра.

Полковника покорило от слов «безоговорочная капитуляция», однако он сдержался и спросил:

— Каковы гарантии для тех, кто выполнит ваши условия?

— Всем, принявшим условия капитуляции и добровольно сдавшимся в плен, гарантируется жизнь и гуманное обращение, больным и раненым будет оказана немедленная медицинская помощь.

— Гарантии необходимо подтвердить соответствующими документами,— сказал Оскуда.

— Пожалуйста,— с готовностью ответил Строев.— Мы составим документ о капитуляции.

Полковник медленно, как будто через силу, отделяя слова одно от другого длинными паузами, проговорил:

— Пишите... Я принимаю... ваши условия... на основании рескрипта императора.

Пока оформляли документы, Оскуда не проронил ни одного слова. Майор Строев только диву давался: куда пропала недавняя полковничья спесь, куда девался его гонор? Совсем раскис старый японский вояка.

Условия капитуляции были составлены и подписаны обеими сторонами.

Советские офицеры собрались в обратный путь. Полковник послал своего адъютанта и трех солдат проводить парламентариев через территорию, занятую японскими войсками.

— Ну, товарищ лейтенант, теперь, значит, к своим! — воскликнул Строев, когда они вышли из блиндажа.

— Так точно, товарищ майор, к своим! — радостно ответил Козлюк.

К советским офицерам подошли адъютант и три солдата. Адъютант что-то сказал одному из солдат, и тот поспешно убежал.

— Что он сказал? — спросил Строев Козлюка.

— Приказал привести наших солдат.

Через несколько минут японец вернулся с советскими автоматчиками.

— А где же лейтенант, — спросил Строев, не видя Остапова среди подошедших.

— Его не было с нами, — ответил один боец. — Мы думали, что он с вами.

— И с нами его не было, — тихо проговорил майор и повернулся к адъютанту: — Где наш лейтенант?

Адъютант замялся, отвел глаза в сторону и, наконец, промямлил:

— Он убежал.

— Это ложь!

Адъютант ответил на ломаном русском языке:

— Моя ничего не знай...

— Имейте в виду, — твердо сказал Строев, — вы и

ваш полковник несете персональную ответственность за советского парламентаря.

— Но его допрашивал капитан Мицубиси!..

— Ведите нас к нему.

Адъютант колебался: подчиниться или нет? Майор Строев и лейтенант Козлюк придвинулись к нему вплотную. Адъютант почувствовал себя словно зажатым в тисках.

— Пойдемте, господа офицеры.

Они подошли к блиндажу.

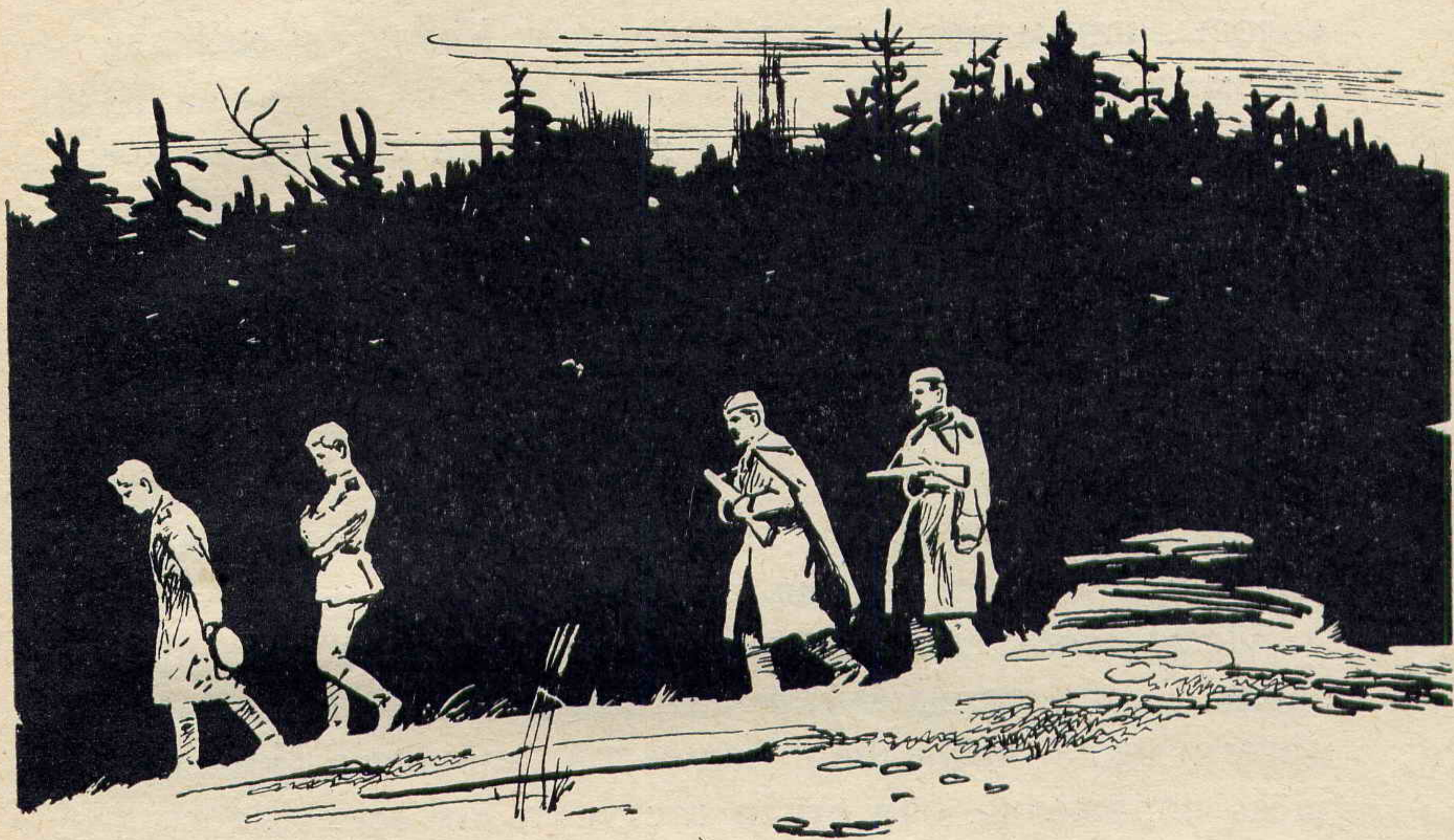
Строев толкнул дверь. В блиндаже было темно.

— Зажгите свет.

Адъютант щелкнул зажигалкой, подошел к столу и зажег стоявший на нем анодный фонарь.

Среди трех распластавшихся на полу тел майор Строев сразу узнал лейтенанта Остапова.

Он лежал на спине, закинув голову. Его лицо было

лишь немного бледнее, чем обычно. На груди, у красного значка, на котором золотом горели буквы «ВЛКСМ», чернело расплывшееся пятно крови.

— Прощай, друг! — Строев опустился на колени возле убитого, поцеловал его в холодный лоб и осторожно закрыл его глаза.— Прощай, Аркадий. Мы видим, ты дрался нещадно и погиб как герой. Мы никогда тебя не забудем.

* *

*

С востока, из-за зубчатых вершин черного ельника, нежно-розовым сиянием подымалась утренняя заря. Тишина. По таежной тропке двигались советские солдаты. Впереди, раздвигая кусты, шли два автоматчика из разведзвода, за ними четверо автоматчиков несли на носилках тело лейтенанта Остапова, за носилками, опустив

головы, шли майор Строев, лейтенант Козлюк и еще два автоматчика.

А заря все разгоралась. Когда вышли из лесу на дорогу, стало совсем светло.

Глава двадцать четвертая

В СУВОРОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

После гибели лейтенанта Остапова командование взводом принял старшина Еремеев.

На шестой день военных действий наши войска прорвали Харамитогский укрепленный район. Сопка Харамитоги была последней надеждой японцев. Потерпев здесь поражение, они стали отступать на всех участках Сахалинского фронта.

Разведвзвод получил приказ пройти в расположенную на берегу моря в стороне от всех дорог японскую деревню.

Перевалив через сопку, разведчики вышли к деревне, один конец которой упирался в сопку, а другой — тянулся до моря.

Большинство домов в деревне и домами-то назвать как-то язык не поворачивался — это были самые настоящие лачуги. Одни сколочены из тонких досок, другие сооружены из циновок и обмазаны снаружи глиной. Казалось, толкни такой дом плечом, и он рассыплется.

На одном из домиков Миша заметил черный флажок.

— Владимир Григорьевич, смотрите: черный флаг вывесили.

— Скорбят, что войну проиграли, — сказал старший сержант Дегтярев. — Видать, самураи тут живут.

— Чего гадать, давай зайдем.

Кандалин, Дегтярев, два бойца и Атаманыч вошли в дверь. Они оказались в небольшом чистом коридоре, за-

стеленном циновкой, сплетенной из рисовой соломы. На стене висело несколько пиджаков и кимоно. Из коридора в дом вело двое дверей, возле дверей стояли аккуратным рядом пять-шесть пар башмаков.

Разведчики остановились. Никто к ним не выходил.

— Эй, есть тут кто? — громко крикнул старший сержант Дегтярев.

Одна из дверей приоткрылась, и выглянула девочка лет десяти, за ней показалась вторая девочка — совсем маленькая.

— Отец или мать дома? — спросил ее Дегтярев.

Старшая девочка молчала. В ее глазах застыл испуг. Она покачала головой и тоненьким дрожащим голоском пролепетала:

— Вакаранай...

— Чего?

— Вакаранай, — растерянно повторила девочка, всем своим видом показывая, что она не понимает вопроса.

— Вот незадача, — почесал в затылке Дегтярев. — Не понимает. Давайте посмотрим в комнатах.

Дегтярев шагнул на порог. Но старшая девочка схватила его за гимнастерку и залопотала что-то, показывая на сапоги.

Сержант недоуменно смотрел на девочку.

Кандалин сначала тоже удивился, но потом хлопнул себя по лбу:

— Ведь у них обычай такой. Входя в дом, надо снимать обувь, в которой ходил по улице, и обувать эти башмаки.

Кандалин, наклонившись, взял в руки одну пару тапочек, но, повертев их, положил на место.

— Ты уж извини, — повернувшись к девочке, ласково заговорил он, как будто та могла его понять, — некогда нам сейчас переобуваться.

Дегтярев заглянул в комнату. Там было пусто: ни

стульев, ни стола, ни кроватей. Но в ее задней стене виднелась еще одна дверь.

— Посмотри, что там, — кивнул Кандалин старшему сержанту.

Дегтярев двинулся к двери, но девочка бросилась к нему, хватая за руки, виснет.

— Постой, постой, — отстранил ее сержант.

Но девочка уже сама подбежала к двери и раскрыла ее.

За дверью оказалась темная каморка. В дальнем углу каморки слышался шорох и тихий плач ребенка.

— Кто там? Выходи! — приказал Дегтярев и на всякий случай поднял автомат.

Девочка скользнула в темноту и через мгновение вывела оттуда женщину в надетом на голову черном мешке.

Женщина, выйдя на середину комнаты, присела на корточки и, как наседка цыплят, подобрала к себе девочек.

— Наверное, мать их, — сказал Дегтярев.

— Что у них случилось? — задумчиво проговорил Кандалин. — Может, помер кто? Не поймешь. Одно ясно: не самурайский это дом.

Разведчики вышли на улицу.

— Ну что там? — обступили их бойцы.

— Ничего подозрительного: женщина и ребята, — ответил Дегтярев.

Разведчики прошли по пустынной улице до конца деревни, к морю.

За последней лачугой, у самой воды, на большом сером камне сидел, опершись подбородком на палку, дряхлый старик и смотрел на волны, тихо набегавшие на песчаный берег.

Когда разведчики приблизились к нему, старик поднялся и вдруг по-русски сказал:

— Здравствуйте, сынки.

— Никак, русский? — удивился Дегтярев.

— Русский, русский, — закивал старик. — Дедом Демидом меня кличут. Вятский я, а на Карафуту живу вот уж шестой десяток. Нас, русских, тут, верстах в полутора-раста, целая деревня.

— А что же ты тут делаешь?

— На заработки приехал, на рыбные промыслы. Вон там, на горке, хозяин наш жил. Свой пароход у него, десять катеров. Он, как прослышал про войну, удрал в свою Японию, и катера угнал, и рыбацкую снасть увез. Не знаю, как жить будем: вся деревня на него работала. Теперь без работы хоть ложись и помирай.

— Да-а, — протянул Дегтярев. — Значит, потому на доме и черный флажок вывесили?

— На каком доме? — спросил старик.

— Да вон на том.

— Нет, тут другое дело, — ответил старик. — В том доме четверо детей, и все — девочки. А японцы считают, что рождение девочки — несчастье. Как родится девчонка, так на доме вешают черный флажок, а мать надевает тогда на голову черный мешок и сидит неделю безвыходно в темной комнате, замаливает свой грех. Вот так-то.

Еремеев занял под комендатуру дом бежавшего японского рыбопромышленника, деда Демида взял в переводчики и решил, что первым делом надо найти людям работу. Но на следующий день разведчиков в деревне заменили другим подразделением, а разведвзвод был направлен в город Мототомари, где в это время находился полк Урманова.

Третьего сентября на освобожденном Сахалине повсюду проходили митинги в честь победы над Японией.

На привокзальной площади Мототомари митинг открыл подполковник Урманов.

— Товарищи! — обратился он к стоящим перед трибунами воинам Советской Армии. — Поздравляю вас с

победой над империалистической Японией! Наша армия, армия-освободительница, армия — защитница нашей Советской Родины, ныне возвратила Родине отторгнутую от нее землю — Южный Сахалин. Отныне и навсегда над всем островом Сахалином будет развеваться наш красный советский флаг. Слава могучей, непобедимой Советской Армии!

По площади из края в край прокатилось громкое «ура».

— Ура-а! — гремело в одном конце площади.

— Ура-а! — отзывался другой конец.

Прямо перед трибуной стоял разведвзвод, и, наверное, многие в тот солнечный, радостный день среди бойцов заметили мальчика в солдатской гимнастерке с орденом Красной Звезды на груди. (Этот орден Атаманыч получил за бой на сопке.)

Сержант Кандалин (правда, теперь уже не сержант, а старший сержант) положил руку на плечо мальчика и, обняв, наклонился к нему:

— Запомни, Миша, эту минуту.

— Разве это можно забыть... — ответил Атаманыч.

После митинга состоялся парад. Перед трибуной стройными рядами прошли пехота, минометчики, прогромыхали артиллерия и танки.

Когда разведчики вернулись в казарму, из штаба передали приказ: сегодня в восемнадцать ноль-ноль старшему сержанту Кандалину и солдату Ковальчуку явиться к подполковнику Урманову.

— Зачем нас вызывают? — спросил Миша.

— Явимся — узнаем, — ответил Кандалин. — Чего зря гадать.

Ох как медленно тянулось время! До шести оставалось целых четыре часа. Видя, как томится Миша, Кандалин позвал его пройтись по городу.

Где они только не побывали: и в магазинах, и на вок-

зале, и на почте. Кандалин остановился перед парикмахерской и потрогал рукой подбородок.

— Пожалуй, надо заглянуть сюда,— сказал он.— Неудобно являться к подполковнику с такой щетиной. Как ты думаешь, Атаманыч? Побреемся?

Миша, подражая старшему другу, тоже провел рукой по своему подбородку.

Кандалин улыбнулся:

— Может, и ты будешь бриться?

— А что? Можно,— серьезно ответил мальчик.

— Жаль только, что ни один брадобрей твоей бороды ни через какие очки не разглядит.

Так, перекидываясь шутками, Кандалин и Миша переступили порог парикмахерской.

Перед зеркалом, спиной к двери стоял толстый седой японец-парикмахер в белом халате. Увидев в зеркало вошедших, он повернулся и расплылся в улыбке. Показывая на кресло, он взял со столика листок бумаги и, поглядывая в него, не совсем уверенно спросил по-русски:

— Вась побрить?

— Побрить,— кивнул Кандалин, устраиваясь в удобном кожаном кресле.

— Хольосо,— закивал японец и крикнул что-то по-японски.

Из соседней комнаты вышла девушка, неся в руках блестящий серебряный поднос с бритвенным прибором.

Японец-парикмахер легким, быстрым движением набросил на грудь Кандалина белую салфетку, взбил в маленькой чашечке мыльную пену, взял в руку сверкнувшую никелем бритву и подошел к Кандалину.

Он нажал что-то на спинке кресла, и вдруг кресло с шумом раскрылось. Кандалин опрокинулся на спину.

Вывернувшись из-под нависшей над ним бритвы, сержант вскочил на ноги и сорвал с себя салфетку.

— Это что значит? — крикнул он парикмахеру.

Миша в два прыжка оказался рядом с Кандалиным. Японец с испуганным и растерянным видом пятился к зеркалу.

— Что это значит, спрашиваю? — наступал на него Кандалин.

В зал вбежала девушка и бросилась к сержанту, потом подбежала к креслу и несколько раз подняла и опустила спинку.

Наконец и сам старик парикмахер обрел дар речи.

— Я вась побрить,— забормотал он.— Так хольосо.

Теперь уж и Кандалин и Миша поняли, что произошло простое недоразумение. (Потом-то они узнали, что в японских парикмахерских принято брить клиента, когда он почти лежит.)

Старший сержант снова уселся в кресло и сказал:

— Брей так. Я лежа не привык.

Но японец отрицательно затряс головой, замахал руками: мол, так нельзя, надо лечь. Пришлось Кандалину подчиниться.

Прямо из парикмахерской Кандалин и Миша направились в штаб полка.

— Ну, друзья,— сказал им подполковник Урманов,— собирайтесь в путь. Завтра едете.

— Куда? — в один голос спросили Кандалин и Миша.

— Далеко. На Большую землю. Сегодня я получил извещение о том, что ты, Миша, зачислен в Казанское суворовское училище.

— В суворовское училище? — словно не веря, переспросил Миша.

А Кандалин радостно воскликнул:

— Вот это здорово!

— А ты, товарищ старший сержант,— обратился подполковник к Кандалину,— будешь его сопровождать до Казани. Ну, а там посмотришь... Ты ведь, кажется, из тамошних мест?

— Да, из Марийской республики.

— Так вот, с завтрашнего дня ты демобилизован. Поедешь посмотришь. Захочешь, останешься у себя на родине.— Урманов немного помолчал, а потом добавил: — А если будет желание вернуться на Сахалин, возвращайся. Коли понадобится, выпишем тебе билет и на обратный путь. Ну, что молчишь, старший сержант?

— От радости. Спасибо вам, товарищ подполковник, за Мишу.

— Благодарить не за что. Вы оба храбро воевали. Вместе воевали, вот вместе и поедете. Желая вам счастливого пути, счастья в мирной жизни. Нас, своих однополчан, не забывайте, пишите... А сейчас идите собирайтесь.

Кандалин с Мишей вышли из штаба на улицу. Уже темнело. Обступавшие город с трех сторон сопки окутывал прохладный туман. С моря доносился тихий гул прибоя. Но вот послышался отчетливый, ритмичный стук приближающегося поезда.

— Первый поезд с севера,— сказал Кандалин, прислушиваясь к приближающемуся стуку колес.

— Владимир Григорьевич, давайте сходим на вокзал. Может быть, кого из знакомых встретим.

— Давай,— согласился старший сержант.— Собраться успеем. Да и долго ли солдату собираться: пару белья в мешок, ложку за голенище — и готов.

Не успели они пройти и десятка шагов по перрону, как сержант увидел знакомого солдата. Остановились, перекинулись несколькими словами. Солдат побежал к вокзалу. Миша с Кандалиным пошли дальше. Вдруг Миша увидел Ивана Дмитриевича — председателя онорского колхоза. Мальчик со всех ног бросился к нему:

— Иван Дмитриевич! Иван Дмитриевич!

— Миша? Откуда ты тут взялся? — удивился председатель.

— Наша часть здесь стоит. А вы куда едете?

— С делегацией еду в Тойахара на празднование Дня Победы. Да вот запаздываем. Поезд еле ползет. Говорят, линия неисправна.

— А кто еще с вами едет?

— Два колхозника из нашего района, трое школьников. Один мальчик из Александровска, девочка из Дербинска и третья наша онорская, Нина.

— Светлова?

— Она.

В это время на станции ударил колокол: поезд отправился. Иван Дмитриевич торопливо пожал Атаманычу руку:

— Ну, до свиданья!

— Иван Дмитриевич, в каком вагоне вы едете? — спросил Миша, торопливо шагая рядом с председателем.

— Я вот в этом, а остальные — в последнем.

Миша со всех ног пустился бежать вдоль состава. Но когда он добежал до последнего вагона, пожилая проводница, стоявшая на подножке, преградила ему вход в вагон:

— Поезд уже отправлен.

— Покричите Нину, пусть выглянет!

— Какую Нину?

— Нину Светлову, из Онор. Очень нужно.

Проводница повернулась в вагон и крикнула:

— Эй, Нина Светлова, тебя какой-то солдат спрашивает!

Через несколько секунд в тамбуре показалась Нина.

— Нина! — закричал Миша.

— Миша! — ответила Нина.

Над перроном пронесся протяжный гудок, паровоз пустил пары, и поезд тронулся.

— Нина! Нина! — кричал Миша, идя за движущимся вагоном. — Я завтра уезжаю на Большую землю. В суво-

ровское училище! Пароход отплывает завтра! Из порта Маока!

Поезд ускорял ход. Все громче становился стук колес, лязг сцеплений — они заглушали голос мальчика. Но Миша все бежал по перрону и кричал:

— Завтра из порта Маока-а!

Глава двадцать пятая

ДО СВИДАНЬЯ, АТАМАНЫЧ!

Но на следующий день Кандалину с Мишей выехать из Мототомари не пришлось: оказалось, что первый пароход из порта Маока пойдет во Владивосток только через два дня.

«Вряд ли Нина приедет в Маоку проводить меня. Может, она даже и не слышала, что я говорил на вокзале: ведь так громко гудел паровоз, так громко стучали колеса!» — убеждал себя Миша, но все равно непредвиденное опоздание очень огорчало его.

Прибыв в Маоку, Миша и Кандалин занесли на корабль свои чемоданы — подарок от разведвзвода, и, так как до отплытия оставалось несколько часов, решили пойти посмотреть город.

Над морем поднимался белесый холодный туман. Большой океанский корабль возвышался у причала, словно какой-то фантастический плавучий город. Немного в стороне виднелась гора битого кирпича: при отступлении японцы взорвали все портовые здания.

— Нехорошо как-то получается, — вздохнул Миша. — Уезжаем с Сахалина, даже не попрощавшись с Ниной...

— Что ж поделаешь? — ответил ему Кандалин.

— Она, может быть, вчера нас приходила провожать... А вдруг она еще в городе?

— Все может быть. Только где ее искать?

— А если на вокзал сходить? — неуверенно проговорил Миша.

— Ну ладно, пошли на вокзал, — решительно сказал Кандалин. — А то ты и так извелся.

Приехав в Тойохару, Нина сразу стала добиваться пропуска в Маоку. Попасть туда было дело непростое: война только что закончилась, и для проезда с места на место, для приобретения железнодорожного билета нужно было специальное разрешение.

В комендатуре ей пришлось немного приврать.

— Кто тебе, девочка, этот Ковальчук — брат? — спросил ее комендант.

— Не-ет, — ответила Нина.

— Зачем же тебе тогда ехать в Маоку?

Ну что тут ответишь? Нина и сама-то не смогла бы себе объяснить совершенно определенно и точно, почему она так стремится еще раз повидать Мишу.

Но Нина быстро нашлась:

— Миша Ковальчук — ученик нашей Онорской школы, и школьная пионерская дружина поручила мне проводить его на Большую землю.

— Надо было вместе с ним и ехать, — проворчал комендант.

— А я не могла, я же, говорю вам, приехала в Тойохару с делегацией на празднование Дня Победы.

Наконец Нине выписали все нужные документы, и она в одном вагоне с ранеными солдатами, едущими в госпиталь, доехала до Маоки.

Она ожидала, что Миша встретит ее на вокзале. Но ее никто не встретил. Перрон опустел, последние пассажиры торопливо бежали к вокзалу. Лил дождь, и от этого Нине становилось еще грустнее.

Подождав еще немного, она пошла в вокзал, расспросила о дороге в порт и отправилась туда.

В порту Мишу и Кандалина она тоже не нашла, но зато узнала, что еще ни один корабль не выходил отсюда во Владивосток и первый пойдет только завтра. Значит, Миша и Кандалин еще на Сахалине.

Пока Нина ходила в порт, ушел вечерний поезд в Тойохару. Следующий пойдет только завтра вечером.

Приближалась ночь. Нина купила билет. На одной из лавок в углу вокзала она нашла свободное место и села рядом с дремавшей старушкой.

Ночью она почти не спала, а когда уже стало совсем светло, ее сморил сон. Во сне Нина увидела Онор, услышала Мишин голос. Ей снилось, как будто она спряталась, а Миша ее искал и, найдя, крикнул: «Вот она!»

Нина открыла глаза и увидела перед собой Атаманьча.

— Вот она! — крикнул Миша.

— Миша? — удивилась девочка, еще не понимая, то ли она видит его во сне, то ли наяву.

— Я, — засмеялся Миша. — Не узнаешь?

— А я уже купила билет в Тойохару, — растерянно проговорила Нина.

— Ничего, — сказал Кандалин. — Твой поезд отходит в пять, а мы отплываем в два.

— Нина, ты не думай, что я тебя обманул, просто я не знал, что пароход будет только сегодня, — извиняющимся тоном проговорил Миша.

— Я и не думаю, — улыбнулась Нина. — Самое главное, что мы все-таки встретились.

Миша тоже улыбнулся.

«Граждане! Через две минуты к платформе прибывает поезд Тойохара — Маока» — загремели репродукторы в вокзале и на перроне.

Вокзал вдруг ожил. Люди хлынули на перрон.

— Ну, а мы пойдём погуляем по городу, — предложил Кандалин.

— Пойдемте,— согласились ребята.

Но только они подошли к выходу в город, как услышали, что сзади кто-то громко окликнул их:

— Нина! Ковальчук!

Нина и Атаманыч обернулись. К ним, пробиваясь сквозь густую толпу, спешил Иван Дмитриевич.

— Что ж это такое? — сердито проговорил Иван Дмитриевич, догнав их.— Ты же на один день отпросилась, а до сих пор здесь! Я из-за тебя всю ночь не спал, мало что может случиться, а мне за тебя отвечать...

— Иван Дмитриевич, я на вчерашний вечерний поезд опоздала...

— Могла бы телеграмму дать. А тут волнуйся, ночи не спи из-за тебя.

— Вы уж простите ее, Иван Дмитриевич,— заступился за девочку Кандалин,— так уж получилось: и мы вовремя не успели, и она опоздала.

— Ну ладно,— махнул рукой председатель.— Хорошо хоть, нашлась. Подождите меня здесь, я сбегаю узнаю, когда отходит поезд обратно в Тойохару.

— В пять часов,— ответил Миша, довольный тем, что разговор перешел на другую тему.

— В пять часов,— повторил Иван Дмитриевич.— Долго ждать. Что ж будем делать, товарищи?

— А вы город не хотите посмотреть? — спросил Кандалин.

— Можно,— согласился Иван Дмитриевич.

— Потом проводим Мишу и Владимира Григорьевича, они в два часа отплывают,— сказала Нина.

— Да! — воскликнул председатель.— Совсем забыл я с этими волнениями! Поздравляю тебя, Миша, от всей души.

— Спасибо.

Иван Дмитриевич с Кандалиным и Нина с Атаманычем вышли на привокзальную площадь.

— Двинемся к порту? — спросил Кандалин.

Иван Дмитриевич достал из кармана часы на длинной серебряной цепочке и, взглянув на циферблат, почесал в затылке.

— Да вроде рановато...

— А мы по улицам погуляем, — предложил Кандалин.

— Ну что ж, интересно посмотреть, что за город Маока.

На высоком бугре белели многоэтажные дома и белые особняки. Это была так называемая «чистая» часть города, где жили богачи. Но между вокзалом и портом протянулись кварталы, которые населяла беднота. Узкие, мощенные булыжником улицы ныряли в овраги, тонули в грязи. Низкие, черные от старости и копоти домишки тесно жались друг к другу.

Кандалин с Иваном Дмитриевичем зашли в какую-то лавчонку, а Нина и Миша остались на улице.

— Значит, теперь твоя мечта исполняется, ты станешь офицером, — задумчиво сказала Нина.

— Да.

— А я еще не решила, кем буду...

— Ты же хотела быть врачом?

— А теперь мне иной раз больше хочется быть учительницей.

— Как Ольга Сергеевна?

— Да. Может быть, теперь мы встретимся с тобой через много лет. Ты уже станешь офицером...

— А ты учительницей.

— А может быть, и не встретимся...

— Нет, нет! — горячо заговорил Миша. — Мы обязательно встретимся. Мы же будем переписываться. А потом обязательно встретимся!

В это время Кандалин и Иван Дмитриевич вышли из лавки. Кандалин положил руку на плечо мальчика:

— Ну, Миша, нам пора.

На корабль поднимались последние пассажиры. Зеленые волны бились о причал. Над волнами и вокруг корабля кружились чайки. Они то взмывали вверх с тихим клекотом, то круто падали вниз и над самой водой вдруг раскрывали крылья и мягко опускались на зыбкую волну.

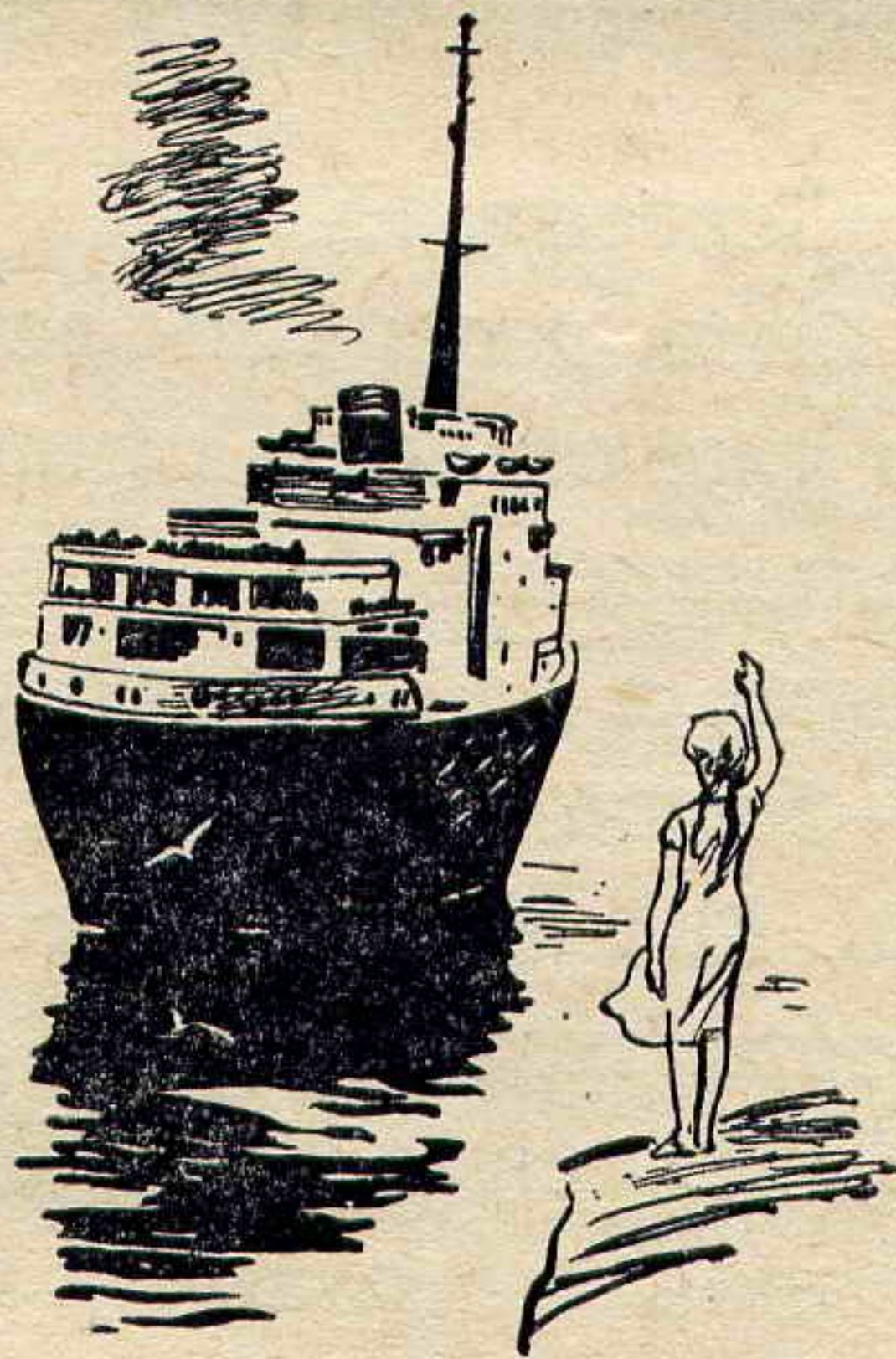
Иван Дмитриевич крепко пожал Мише руку. Он говорил что-то о том, чтобы Миша старался, хорошо учился, чтобы был дисциплинированным. Миша кивал ему головой, но сам плохо слышал его напутствие: он смотрел на Нину. Нина еле сдерживала слезы.

— Ну, до свиданья,— тихо сказала она, когда подошла ее очередь прощаться.— Ты пиши...

Прокатился над бухтой и отдался эхом в прибрежных сопках гудок, и корабль, оставляя за собой широкую полосу белой пены, стал удаляться.

— До свиданья, Нину-уш! — донесся до Нины чуть слышный за плеском волн, но все-таки слышный голос Атаманыча.— Ни-и-н-уу-уш!

Нина замахала вслед удаляющемуся кораблю: «До свиданья, Миша! До свиданья, Атаманыч!»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Полковой патруль задержал неизвестного	3
<i>Глава вторая.</i> В Оноре	8
<i>Глава третья.</i> Письмо из Онора	11
<i>Глава четвертая.</i> Олень	16
<i>Глава пятая.</i> Сержант Кандалин	20
<i>Глава шестая.</i> По ту сторону границы	24
<i>Глава седьмая.</i> А тут еще эта оленья шкура...	26
<i>Глава восьмая.</i> «Опять этот мальчишка!..»	33
<i>Глава девятая.</i> Часы	33
<i>Глава десятая.</i> Хитрость врага	44
<i>Глава одиннадцатая.</i> Лесной пожар	49
<i>Глава двенадцатая.</i> Праздничный вечер в школе	56
<i>Глава тринадцатая.</i> Ловушка	66
<i>Глава четырнадцатая.</i> Неожиданный случай	75
<i>Глава пятнадцатая.</i> В госпитале	83
<i>Глава шестнадцатая.</i> «Не совсем военная тайна»	87
<i>Глава семнадцатая.</i> «Прощай, госпиталь!»	92
<i>Глава восемнадцатая.</i> Победа	96
<i>Глава девятнадцатая.</i> На командном пункте	101
<i>Глава двадцатая.</i> Разведка перед боем	105
<i>Глава двадцать первая.</i> Первый экзамен	111
<i>Глава двадцать вторая.</i> Бой на сопке	121
<i>Глава двадцать третья.</i> В логове врага	128
<i>Глава двадцать четвертая.</i> В суворовское училище	152
<i>Глава двадцать пятая.</i> До свиданья, Атаманыч!	161

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Юксерн (Столяров) Василий
Степанович

АТАМАНЫЧ

П о в е с т ь

Ответственный редактор
М. Ф. Мусиенко.

Художественный редактор
Е. М. Гуркова.

Технический редактор
В. К. Егорова.

Корректоры

К. И. Каревская и Э. Н. Сизова.

Сдано в набор 3/1 1966 г. Подписано к печати 10/III 1966 г. Формат 60×84¹/₁₆ -- 10,5 печ. л. 9,77 усл. печ. л. (7,39 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. ТП 1966 № 429. Цена 32 коп., бум. № 2.

Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 3501.

Цена 32 коп.